

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 1 · 2013

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

1-2013

Согласно Ф3 от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста двенадцати лет. Издаётся с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета Российской Федерации по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ. Адрес: Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 29.03.2013
Уч.-изд. л. 10,89. Усл. печ. л. 11,17
Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У); Арутюнян Л.А., д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ); Бабешко В.А., д-р физ.-мат.н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ); Бедерханова В.П., д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ); Бодалев А.А., д-р психол. н., проф., академик РАО; Деллер С., PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); Жаде З.А., д-р полит.н., проф. (Адыгейский ГУ); Зинченко Ю.П., д-р психол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова); Знаков В.В., д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН); Иванов А.Г., д-р ист.н., проф. (Кубанский ГУ); Кузьмина Н.В., д-р психол. н., проф. (РАО); Латфуллин Г.Р., д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления); Марьин М.И., д-р психол. н., проф. (МВД РФ); Никовская Л.И., д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН); Романова А.П., д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ); Рябикина З.И., д-р психол.н., проф. (Кубанский ГУ); Сморгунев Л.В., д-р филос.н., проф. (СПбГУ); Фадеева Л.А., д-р ист.н., проф. (Пермский НИУ); Шабров О.Ф., д-р полит.н., проф. (РАНХиГС); Шпак В.Ю., д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р эконом. н., проф. (зам. гл. редактора); Белоконов Т.М., канд. филол. наук, доц.; Дёмин А.Н., д-р психол. н., проф. (зам. гл. редактора); Ермоленко В.В., канд. тех.н., доц.; Ждановский А.М., канд. ист.н., проф.; Кимберг А.Н., канд. психол. н., доц.; Кольба А.И., канд. полит.н., доц. (зам. гл. редактора); Курбатова Г.С., отв. секретарь; Лаврова Т.Г., канд. эконом. н., доц.; Лузаков А.А., д-р психол. н., доц.; проф.; Мясникова Т.А., канд. эконом. н., доц.; Оберемко О.А., канд. социол. н., доц.; Ожигова Л.Н., д-р психол. н., проф.; Остапенко А.А., д-р пед. н., проф.; Савва Е.В., канд. филос. н., доц.; Филиппов Ю.В., канд. эконом. н., проф.; Фоменко Г.Ю., д-р психол. н., проф.; Юрченко В.М., д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

1-2013

Содержание

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

- Макаренко В. П.* Политическая инерция: опыт рефлексии..... 4
- Самаркина И. В.* Политическая картина мира в системе политического знания 20
- Просьянюк Д. В.* Теоретико-методологические основания изучения образа России в зарубежных средствах массовой информации. 32

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Сморгунов А. В.* Выборы с предсказуемым результатом: благо или проблема для демократического развития России? 48
- Мухаррямов Р. Р.* Современные политические процессы Каспийского региона: милитаризация государств как фактор борьбы за энергетические ресурсы 54
- Баранов Н. А.* Русская православная церковь как актор сетевого взаимодействия 61
- Егунов А. В., Жданова Т. Ю.* Сетевые стратегии религиозных организаций в современной России 74

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

- Гусейнов А.Ш.* Феномен эмансипации в контексте протестной активности личности..... 86

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Дёмин А.Н.* Взаимодействие личности и эпохи: формирование новых биографических стандартов занятости 100

ПСИХОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Флоровский С.Ю.* Репрезентация отношений с партнерами по совместной управленческой деятельности в сознании руководителей. 110

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

- Бердышева Е. С.* «Палка о двух концах»: система оценивания эффективности деятельности правоохранительных органов АППГ+1 в восприятии сотрудников. 127

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 143

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 146

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНЕРЦИЯ: ОПЫТ РЕФЛЕКСИИ

В. П. Макаренко¹

В статье рассматриваются различные аспекты анализа политической оппозиции: проблема когнитивно-политической дистанции исследователя от политической конъюнктуры; традиционные и современные способы оправдания (легитимизации) власти; система идеологической унификации, политического мировоззрения и авторитарно-бюрократических методов управления советским обществом; определение политической оппозиции в соотношении с социальной критикой и гражданским сопротивлением; основные направления программы исследования политической оппозиции.

Ключевые слова: политическая оппозиция, социальная критика, гражданское сопротивление.

The article discusses various aspects of the analysis of political opposition: the problem of cognitive-political distance of researcher from the political conjuncture, the traditional and modern ways justification (legitimize) the authorities and the system of ideological unification, political ideology and authoritarian-bureaucratic methods of management of the Soviet society, the definition of the political opposition in relation with social critics and civil resistance, main directions of the research program of the political opposition.

Key words: the political opposition, social critic, civil resistance.

Анализ советской и постсоветской исторической политики — одно из актуальных и значимых направлений развития политической науки. Советская и постсоветская власть стремятся идеализировать Сталина и утвердить заведомую правоту государственной власти: «Она выше любых нравственных и юридических оценок. Она неподсудна по определению, ибо руководствуется государственными интересами, которые священнее интересов человека и общества, морали и права. Правота всегда на стороне государства... Эта мысль пронизывает новые учебные пособия (по истории. — В. М.) от начала и до кон-

¹ Макаренко Виктор Павлович — доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета. Эл. почта: vpmakar1985@gmail.com

ца» [3, с. 27]. Значит, есть повод модернизировать свои прежние размышления. В этой статье речь пойдет об одном из направлений рефлексии [1].

Проблема дистанции

В странах Восточной Европы и в СССР формируется политическая оппозиция. Появляются новые партии и политические движения. В парламентах возникают фракции. Позиции СМИ расходятся. Происходит поляризация политического сознания групп населения.

Между тем проблема политической оппозиции (далее — ПО) в странах, которые называли себя социалистическими, практически не изучена советской социальной наукой. Кадры политологов формируются из бывших членов идеологического аппарата, отягченного стереотипами официальной пропаганды. Это на руку консервативным силам, которые по привычке смешивают оппозиционную деятельность с антигосударственной. Жаргон периода гражданской и холодной войны постоянно встречается на страницах массовых изданий. От него несвободны и труды, авторы которых перекрашиваются в «политологов». Социальная мимикрия и соответствующее ей поведение мешают понять сложность политических процессов.

Чтобы трезво разобраться в них, политолог должен прежде всего *дистанцироваться* от реальной политической борьбы, независимо от своей партийной принадлежности. ПО уже влияет и будет еще больше влиять на социальную и политическую жизнь. Необходимо разрушить советский предрассудок: ПО — патология, а не норма политической жизни. Для этого надо в первую очередь систематизировать способы оправдания власти.

Как власть себя оправдывает?

Советская власть использовала все аргументы для своего оправдания. Ссылка на законы природы и истории из традиционной концепции легитимности послужила обоснованием ее права повелевать населением. Классическая теория демократии призвана была доказать, что только социалистическое государство гарантирует всеобщее и сознательное участие масс в политике и потому пользуется их поддержкой. Бихевиоризм тоже был взят на вооружение: поскольку большинство населения выполняло указания власти, постольку ее действия признавались правомочными.

Власть использовала все экономические, политические и идеологические средства для выработки у населения убеждения: находящиеся у власти люди имеют полное право ее осуществлять. Это убеждение внедрялось в жизнь с помощью системы *политических иллюзий*.

Власть стремилась доказать, что потребность повелевать и подчиняться укоренена в истории и психике человека, а существующее социальное нера-

венство является заслуженным и справедливым. Существовала целая система идеологических (построить коммунизм к 1980 г.; бесконечно строить развитой социализм) и политических (выполнение 5-летних планов, продовольственной программы, обеспечение всех жильем и пр.) обещаний. Публично сомневаться в этом было невозможно. Обещания вырабатывали в обществе такую самодисциплину, которая оправдывала сегодняшнее отречение от элементарных благ во имя будущего благосостояния.

В результате атеистическое государство поддерживало традиционное религиозное убеждение: каждому на том свете («в светлом будущем») воздастся по заслугам. Это убеждение блокировало сомнения в легитимности правительства и всей системы власти.

Власть способствовала выработке такой пропорции типов личности, которая была ей выгодна. Интерналисты убеждены, что их настоящее и будущее положение зависит от личных усилий. Экстерналисты считают, что их положение зависит не столько от собственных усилий, сколько от удачи, стечения обстоятельств, деятельности других людей, общества в целом. Если человек винит только себя за житейские неудачи, то он власти не угрожает. Если человек эту вину перекладывает на власть, то он ставит под вопрос ее право повелевать.

Чтобы снять это сомнение, власть толковала демократию по-своему, связывая ее с существующим делением общества на руководителей и подчиненных, создавая иллюзию в том, что подчиненные могут контролировать властвующих. По сути, она эксплуатировала стереотипы поведения. Большинство людей склонны подчиняться родителям, учителям, врачам, пилотам, милиционерам, начальству. Если эта склонность превращается в привычку, она ведет к бездумному послушанию и снимает различие между верноподданным и гражданином.

Важным средством оправдания власти служит конформизм — привычка подчиняться группе. В большинстве случаев человек принимает мнение большинства, если даже оно противоречит его убеждениям. Чем больше развит конформизм, тем больше общественное мнение производится властью. В советском обществе общественного мнения не было до середины 1950-х гг. Оно было монополией власти и склоняло индивидов к послушанию. Поэтому советская власть укрепляла рутину и инерцию во всех сферах общественного разделения труда.

Для этого была создана система политического образования. Идеологический аппарат стремился выработать у населения прежде всего подчинение властным учреждениям и лицам, а не произвольно установленным конституционным нормам. До революции Ленин писал с сарказмом: «Русский человек привык к благопристойному поведению в присутственных местах».

Советская власть усилила данную привычку. Каждый был обязан усвоить роль верноподданного, прежде чем выступать в политическом театре².

Система подготовки руководящих кадров (через ВПШ, АОН и прочие учебные заведения КПСС (которые раньше всех перекрасились в «политологов») дрессировала индивидов для выполнения этих ролей, внедряла в них надлежащие политические ценности, навыки и установки. Так возникало взаимопонимание между партийной, советской, военной, хозяйственно-технической, полицейской и идеологической номенклатурой.

Вся система законодательства, оплаты труда и ценообразования, государственных налогов и займов, финансовой политики, все механизмы распределения элементарных жизненных благ базировались на отождествлении интересов общества с интересами государства. Социальный порядок толковался как обязательное подчинение государственному аппарату.

Патриотизм трактовался так, чтобы обеспечить добровольно-принудительную отдачу труда, денег и других средств населения в руки государства. Призывы к единству прав и обязанностей были разновидностью политической софистики и конституционного кретинизма, скрывающих подчинение личности государству в экономической, социальной, политической и идеологической сферах.

Пропаганда воспитывала не граждан, а верноподданных, доказывала, что правительство «наилучшим образом» выполняет свои функции и потому заслуживает внутренней и международной поддержки. Средства передачи информации обслуживали монополию номенклатуры на власть и господство, блокировали распространение взглядов и идей, подрывающих эту монополию. Манипуляция политическими образами и символами скрывала действительные факты социальной и политической жизни, укрепляла иллюзии, нужные власти.

По мере индустриализации страны власть все более широко использовала технократические методы для своего оправдания. Трепетная лань — наука — была впряжена в одну телегу с мерином — государством, чтобы доказать его административную, экономическую, военную, воспитательную и прочую потенцию.

Для общего употребления власть распространяла миф о своей самоотверженности, а на деле исповедовала (за незначительным исключением) потребительские идеалы. Поэтому потребительская идеология и психология есть продукт длительного влияния советской власти на общество. Следуя односторон-

² «У советского человека развито особое уважение к учреждениям, или, как это называлось раньше, присутственным местам... Все мы отличаемся поразительной выдержкой. Мы умели прийти на службу после ночного обыска и ареста близких и там улыбаться, как всегда. Улыбаться нам полагалось. Нами руководил инстинкт самосохранения, страх за своих и особый кодекс советских приличий» [2, с. 328].

ней концепции человеческой природы (политическое безразличие, ориентация на карьеру, свободное время и потребление), потребление и технократизм стали важными факторами социальной стабильности.

Стимулирование массового потребления соответствует интересам власти, поскольку отсекает общество от других ценностей и способствует деполитизации граждан. Рост доходов населения усиливает социальный конформизм и политическую верноподданность. Экономическое процветание увеличивает доверие индивидов к власти и одновременно усиливает ее идеологическое господство.

Конечно, власть никогда не отказывалась от «оправданий» посредством силы, внешней или внутренней угрозы. Еще Аристотель писал, что превращение отдаленных опасностей в близкие укрепляет положение правящих. Власти выгодна низкая материальная обеспеченность индивидов: они тратят время на поиск средств существования и о политике им думать некогда.

Советское государство тоже длительное время опиралось на силу, устрашение, манипуляцию, деполитизацию населения, стремилось превратить пассивное послушание власти в гражданскую доблесть. Ссылка на действительную или мнимую угрозу со стороны «внутренних и внешних врагов» объединяла индивидов с властью и способствовала ее укреплению.

Совокупный эксплуататор как средство внутренней войны

Главный признак построенной тоталитарной системы власти — подчинение всех сфер жизни общества контролю государства. Существуют и дополнительные признаки³. В результате советское государство оказалось совокупным эксплуататором людей и природы⁴. Поэтому его партийно-государственный аппарат был средством внутренней войны правительства со своим народом.

Если суммировать догматическое толкование истории и теории марксизма и превращение его в официальную государственную идеологию, то *система идеологической унификации* в целях оправдания власти базировалась на следующих основных положениях: истина равна мировоззрению пролетариата; мировоззрение пролетариата равно мировоззрению коммунистической пар-

³ К ним относятся: официальная государственная идеология, направленная на достижение конечной цели (типа коммунизма или тысячелетнего рейха) и навязанная сверху населению страны; одна массовая политическая партия (НСДАП или КПСС), иерархически организованная, управляемая сверху одним лицом (при режиме личной власти) или группой (при режиме олигархии) и переплетенная с государственной бюрократией; монополия этой партии на управление всеми звеньями государственной машины (армия, органы внутренних дел и госбезопасности, СМИ) и на распоряжение всеми экономическими и социальными ресурсами страны; физический террор и морально-психологическое устрашение населения.

⁴ Этот факт зафиксирован как марксистскими (Р. Люксембург, Л. Троцкий, М. Джилас, Х. Арендт и др.), так и немарксистскими (К. Шмидт, К. Фридрих, З. Бжезинский, Л. Шапиро и др.) учеными и политиками.

тии; мировоззрение партии равно мировоззрению ее аппарата; мировоззрение аппарата равно указаниям вождя (при режиме личной власти) или ЦК (при власти партийной олигархии). В результате возник советский императив: истинно все, что власть вчера, сегодня и завтра захочет провозгласить.

На деле ни одно из этих положений не является истиной ни в аристотелевском, ни в гегелевско-марксовом смысле слова. Однако именно на основе такого толкования Маркса сформировался и интегрировался господствующий слой и идеологический аппарат СССР. Он давно освободился от Маркса, преобразовав его в инструментальную пристройку к совершенно иному *политическому мировоззрению*: мир воспринимается как такое соотношение сил, в котором «моментом истины» является действительная или потенциальная война, угроза, политическое и идеологическое давление; идеологическое клише «мировая победа социализма» означает господство одного центра власти над миром⁵.

Такое представление об истории и человеческом обществе не является наукой или теорией, поскольку не имеет отношения к проблеме истины и лжи. Но именно на его основе правящая группа советского общества и идеологический аппарат воспринимал и изменял свою страну, другие страны и вел международную политику.

Система власти, идеологической унификации и политическое мировоззрение выступали в единстве с *авторитарно-бюрократическими методами управления обществом*. К ним относятся: регламентация сверху всей общественно-политической жизни; отождествление сознательного гражданина с верноподданным; монополия аппарата власти на социальное и политическое творчество; квалификация определенных политических взглядов как уголовного или административного преступления; политизация армии, органов внутренних дел и госбезопасности, других важнейших звеньев государственной машины (включая идеологический аппарат) посредством обязательной принадлежности его служащих к правящей партии; идеализация главных звеньев государственной машины при помощи романтизации их политического прошлого и перспектив существования; система и институты внутреннего и внешнего шпионажа и политической подозрительности; удорожание содержания правительства и всего аппарата власти; увеличение слоя лиц, материально обязанных правительству (должностные оклады, полное или частичное государственное обеспечение), а не собственному физическому и умственному труду; финансовая и фискальная политика, базирующаяся на приоритете государства над обществом; количественный рост государственных учреждений, служащих и форм регламентации их деятельности; преобразование власти из средства решения социально-экономических проблем в самоцель; реакционность, консерватизм, антидемократизм как господствующие направления

⁵ Даже в официальных высказываниях это говорилось откровенно (например, афоризм Н.С. Хрущева «Мы вас закопаем!»).

политического воспитания государственных служащих; пропаганда представления о том, что только государство может быть гарантом и носителем общественного порядка и прогресса; стимулирование политико-идеологической мимикрии государственных служащих и населения; культивирование внутренней дипломатии и искусства игры с общественным мнением; абсолютизация существующих социально-политических форм и этатизация контроля; решение социально-экономических проблем путем реорганизации старых или создание новых учреждений⁶; регулирование сверху потребления, труда, сроков пребывания на выборных должностях; право власти вмешиваться в программы СМИ, учебные программы школ и вузов; культивирование политико-идеологического утопизма.

Проявления этих методов можно конкретизировать по сферам отношений, деятельности и сознания во всей совокупности государственных и социальных институтов в соответствии с главными положениями теории бюрократии. В любом случае перспективы ПО зависят от того, насколько возникающие политические партии и массовые движения сумеют преодолеть указанные политические иллюзии, способы оправдания власти и методы управления не только в государстве, но и в собственных политических и идеологических структурах. Если этого не произойдет — нет гарантий, что новые партии не сростутся с установившейся системой власти.

Для противодействия данному процессу надо описать главные источники неправомерности власти.

«Злая воля» и политическое недоверие

Уже давно Гегель пытался доказать, что предположение «злой воли» у правительства — взгляд черни. Наоборот, Маркс считал, что недоверие к власти — нормальное состояние общественного мнения и политического сознания населения в условиях отрыва государства от гражданского общества или отсутствия последнего. Гражданское общество у нас только формируется, но перспективы его становления неясны. Государство довлело над обществом в таких масштабах, которые не предвидел Маркс. Поэтому понятие политического недоверия можно использовать для анализа *общих правил* отношения между гражданами и властью.

Никакая власть не является вечной. Мирные и вооруженные антагонизмы и конфликты между гражданами и властью — постоянная характеристика, норма человеческой истории. Недоверие к власти определяется прежде всего универсальными ценностями политических идеологий (типа «общее благо», «свобода», «равенство», «справедливость», «порядок») и частными, эгоистическими интересами политических элит, слоев и классов.

⁶ Напомним, что всякая административная реформа есть попечение правительства о самом себе и способствует его усилению.

Правящие группы всегда стремятся оправдать свою власть, экспонируя свои служебные функции в обществе и скрывая свои частные (корпоративные) интересы и мотивы деятельности. Всякая власть толкует равенство таким образом, чтобы связать его с существующим социальным порядком и неравенством. В западных странах эту функцию выполняет миф равных возможностей, в странах Восточной Европы — принцип «каждому по труду».

Правящие группы обычно выставляют себя гарантом социального порядка, справедливости, материального благосостояния граждан и социального развития. Если даже государство называет себя демократическим, оно обычно так толкует демократию, чтобы ее можно было связать с существующей социальной иерархией и разделением общества на руководителей и подчиненных. Для этого используются элитарные теории демократии, технократические доктрины, идеология потребления, деполитизация граждан.

Власти нельзя доверять и потому, что даже самая демократическая система политических институтов в той или иной степени блокирует выражение интересов некоторых индивидов, социальных слоев и групп. Р. Даль и Р. Дарендорф, основатели современной теории демократии (полиархии), сконструированной на базе более чем 200-летней истории американской демократии, отмечают, что данная форма демократии тоже является мнимой.

В демократическом государстве тоже существует блокирование интересов. Оно обычно ведет к отчуждению политических институтов от общества и способствует культивированию радикальных методов политической борьбы. Как правило, экстремистские, террористические и революционные движения формулируют собственную контридеологию и альтернативное видение социального устройства, тем самым правомочность власти постоянно находится под угрозой.

На протяжении последних 300 лет европейской истории падает влияние религиозных обоснований социального порядка, растет эпистемологический и моральный релятивизм. *Господствующее убеждение* можно сформулировать так: нет никаких вечных истин, принципов и теорий, на которые может ссылаться власть для обоснования своей правомочности. Значит, существующие политические институты можно заменить иными. Это еще более расшатывает право власти повелевать и распоряжаться.

Эмансипация человека усиливает сомнения по поводу установленных структур власти. Профессионализация, бюрократизация и деперсонализация общественной жизни и человеческих отношений увеличивают дистанцию между обществом и властью и одновременно порождают убеждение в бесконтрольности и всемогуществе политических институтов. Этому способствует также экономическое, политическое и идеологическое отчуждение.

Существует еще ряд факторов, содействующих политическому недоверию: угроза национализма и сепаратизма, перед которой стоят все многонациональные государства; внешнее происхождение власти; невозможность удовлетворить все потребности человеческой самореализации с помощью политики.

Итак, никакая власть не может быть признана абсолютно правомочной и не заслуживает абсолютного политического доверия. Это должно найти свое выражение в существовании ПО. Чтобы она была эффективной, недостаточно простого разделения законодательной и исполнительной власти. Недостаточно лишь зафиксировать «злую волю» в деятельности существующего правительства, видеть нерешенные социальные проблемы и на этой основе критиковать власть.

Политическое недоверие должно быть направлено на политическую систему в целом, на ее главные экономические, политические и идеологические основания, а не на отдельных представителей власти или политический курс правительства. В противном случае ПО превращается в парламентскую грызню, которая идет в ногу с тотальной бюрократизацией законодательных процессов, что мы и наблюдаем на протяжении последних лет в России.

Определение политической оппозиции

Советское государство — это система власти, которая для своего оправдания использовала системы идеологической унификации, конфронтационное политическое мировоззрение и авторитарно-бюрократические методы управления обществом. Политика «перестройки» лишь качнула, но не разрушила ни один из главных элементов указанных систем. Поэтому ни с политической, ни с теоретической точек зрения неверно отождествлять оппозиционную деятельность с антигосударственной.

Главная проблема сегодняшнего дня — установить такую свободу для деятельности ПО, которая позволяла бы не на словах, а на деле бороться с установившимися политическими традициями.

Однако в деятельности властвующих (от полицейского до главы исполнительной власти и от депутата до президента) и в сознании идеологического аппарата пока еще господствует иная точка зрения на оппозицию. Ее стремятся свести к признанию основных принципов существующей политической системы и исключить из политической жизни группировки, высказывающиеся за полное изменение этой системы. Достаточно вслушаться в парламентские дебаты или проанализировать политическое мышление большинства парламентариев и журналистов, чтобы убедиться в господстве указанной точки зрения.

Она дискуссионна, поскольку нынешняя политическая система включает все ранее описанные характеристики. В результате такой редукции для власти

всегда остается возможность произвольного токования, применения и изменения существующего законодательства. Конституционное право все еще привязано к интересам исполнительной власти, которая несет прямую вину за трагедии и конфликты между властью и обществом. Анализ данных конфликтов показывает, что на практике трудно провести различие между политическими движениями, признающими и отвергающими основные принципы политической системы. Лица, которые считались преступниками вчера, стали главами правительств сегодня. К тому же невозможно построить классификацию всех аналогичных случаев для каждой точки пространства и времени.

Господствующая точка зрения на ПО базируется на формально-правовом отождествлении закона и реальности. Тем самым конституционный кретицизм и политическая софистика выступают в упаковке социального реформаторства. Строго говоря, в этом и заключается концепция «перестройки».

При таком подходе к ПО смешивают два совершенно различных вопроса: следует ли ее легализовать и можно ли деятельность, связанную с нарушением законов, квалифицировать как ПО? В обоих случаях мы наталкиваемся на проблему различия между политикой и правом и на монопольное толкование данного различия людьми, облеченными властью. Такую монополию надо отвергнуть⁷.

Смешивание ПО с антигосударственными группировками содержит эмоциональные оценки, властный произвол и делает неуловимым различие между идеологией и правом. Подобное определение ПО всегда будет слишком широким или слишком узким. В первом случае оппозиционеры попадают в разряд политических противников со всеми вытекающими последствиями. Во втором различия во взглядах тоже могут служить основанием для политических репрессий. Первый тип отношения к ПО реализовал в своей деятельности Сталин, второй — его последователи. Существовал он до августа 1991 г., правда, уже в маргинальном виде политики руководства РКП, что еще раз подтверждает ее политическое эпигонство и творческое бесплодие.

Государство, в котором нет никаких различий между гражданами, есть политическая фикция, а не действительность. Однако советское государство длительное время пыталось эту фикцию воплотить в жизнь. Его репрессивная политика привела к тому, что политические различия исчезли из сферы явной политической жизни. Но они сохранялись в закулисной политиканстве разных звеньев государственной машины в борьбе за власть. Тезис о «морально-политическом единстве советского общества» прекрасно обслуживал данную

⁷ Хорошо известно, что на протяжении XX в. в большинстве капиталистических стран существовали коммунистические партии, которые ставили своей целью полное изменение социальной системы. Тем не менее они квалифицировались как обычная ПО. Если мы ставим сегодня задачу создания правового и демократического государства, то на каких основаниях партии, борющиеся с так называемым социализмом, не признаются обычной ПО?

борьбу. В итоге репрессии переплелись с идеологией. Этим объясняется нынешняя ожесточенность парламентских дебатов, размежевание органов прессы и излишнее доверие к писаному слову.

Для трезвого отношения к перспективам развития ПО следует учитывать ряд идеологических различий, которые могут перерасти в политические противоречия и антагонизмы: во взглядах на перспективы развития мирового сообщества; в мировоззрении граждан и степени их выраженности в политике; идейно-политических различий страны, в которой (несмотря на крутые политические изменения) всегда сохранялись западнические и почвенническо-славянофильские тенденции; политического мировоззрения различных слоев рабочего класса, крестьянства, интеллигенции; взглядов внутри аппарата власти (в зависимости от функций звеньев государственной машины и политической динамики)⁸.

Отсюда вытекает, что ПО нельзя смешивать с антисоциалистическими, антикоммунистическими, антигосударственными силами и с любыми проявлениями несогласия с политическим курсом правительства в каждый данный момент. Многое зависит от политики государства в отношении несогласномыслящих. Если учитывать уроки истории СССР, можно сформулировать *общее правило*: даже из самых суровых репрессий вырастает ПО. Если правительство не хочет ее радикализации, оно обязано терпимо относиться ко всем неопозиционным проявлениям реальной политической дифференциации, вести публичную полемику с людьми, которые не принимают ни существующую политическую систему, ни политический курс правительства. Нужно усвоить истину: несогласие с текущей политикой выражает реальное многообразие общественного мнения. Отступление от этого правила глубоко модифицировало нашу политическую культуру (все признаки тоталитаризма пустили глубокие корни в политическом поведении и сознании граждан).

Определение ПО должно быть оценочно нейтральным, не давать никаких преимуществ ни различным звеньям государственной машины, ни любой политической партии в том, что их оценка политических процессов и движений станет господствующей или общеобязательной. Данный момент особенно важен в период кардинальных изменений политической системы.

ПО — это движения, партии и группы, которые действуют организованно (легально или нелегально, явно или скрыто) и стремятся взять власть из рук правящей группы и передать ее другой политической силе. Цель ПО — передача власти иной политической силе. Методы — организованные политические акции (митинги, демонстрации, забастовки, формирование общественного мнения с помощью СМИ, парламентская деятельность и т. д.), не предполага-

⁸ Нельзя также сбрасывать со счета роль длительной идеологической унификации, отсутствие контридеологии, влияние региональных и национальных особенностей и религиозных конфессий, влияние политической символики и персональных политических пристрастий.

ющие применение силы. Формы действия — конституционная, политическая и конспиративная оппозиционная деятельность.

По всем перечисленным основаниям оппозиция политической системе и политическому курсу правительства может находиться вне и внутри государственного аппарата. Причем в период политических реформ консервативные силы стремятся опереться на все ранее указанные тоталитарные, идеологические и авторитарно-бюрократические методы, придавая им конституционную форму или действуя нелегально, тогда как прогрессивные силы вынуждены выступать легально и явно, поскольку они пытаются эти методы изменить и создать новую политическую ситуацию.

Политика и политиканство

Стремление взять власть из рук правящей группы и передать ее другой позволяет определить ПО, но не является ее единственным признаком. Борющиеся за власть силы ставят цель удержать или захватить в свои руки государственную машину для того, чтобы реализовать определенную политическую доктрину, концепцию и программу. Государственный аппарат, имеющий собственные интересы, стремится стать над противоборствующими группами и сохранить власть за собой независимо от политической конъюнктуры. Поэтому ПО надо отличать от *группы давления* на правительство, которые находятся в аппарате власти и пытаются воздействовать на его вершину для модификации политики в выгодном для них направлении.

Группы давления могут переходить в ранг ПО, когда исчерпаны все остальные средства борьбы с новым и невыгодным для них политическим курсом. До недавнего времени главной группой давления была КПСС, так как ее деятельность переплеталась с государственной машиной, подбором кадров и вытекающими отсюда преимуществами.

Никакая правящая партия не собирается добровольно отдавать государственную машину в руки других политических сил. Ее аппарат предпочитает действовать закулисно и нелегально, с помощью всех стереотипов политической игры в тоталитарной политической системе. И хотя в правящих партиях идут сложные процессы, они не могут считаться политическими партиями в нормальном смысле слова до тех пор, пока их финансовые, организационные и информационные возможности выше всех других партий.

К ПО сегодня можно отнести группы и возникающие политические партии, стоящие вправо и влево от центра. Они предпринимают определенные действия, но взятие власти пока откладывают на неопределенное будущее из-за своей слабости. Выборы и парламенты различных уровней на основе реальной многопартийности еще только предстоят. Поэтому надо отличать борьбу за власть между различными партиями и борьбу за власть в рамках правя-

щей партии в условиях ее сращивания с государственной машиной, между ее различными группировками и лицами.

Второго типа борьба не заслуживает имени ПО ни с исторической, ни с политологической точек зрения, хотя она и практиковалась почти на всем протяжении существования КПСС и Советского государства. Эта борьба была разновидностью аппаратно-бюрократического *политиканства*.

Оно началось в СССР при Ленине, окрепло при Сталине и его наследниках. Затем повторилось во всех странах Восточной Европы. Господство одной партии нарушило естественный процесс развития партийных систем в этих странах. Поэтому расстрелы и отдача под суд некоторых бывших генсеков — закономерное следствие монополии одной партии.

С точки зрения методов ПО надо отличать от аморфной и распыленной *критики* в отношении советской власти и КПСС, до недавних пор осуществлявшей абсолютную власть. Критика — это не оппозиция. Ведь не согласные с монополией одной партии граждане не могли организоваться по причине политических репрессий, не говоря уже об административных ограничениях.

Надо также проводить различие между ПО и различными формами *гражданского сопротивления* — от терроризма до неповиновения власти. ПО означает, что власть уже не в состоянии предотвратить преобразование критики и гражданского сопротивления в организованное политическое действие.

С точки зрения форм деятельности можно выделить следующие разновидности ПО: конституционная и действующая явно; неконституционная, но действующая явно; неконституционная и действующая конспиративно. Первые две формы характерны для складывающихся парламентских групп и политических партий. Третья была характерна для КПСС, которая до последних дней не отказывалась от засекречивания большей части своей деятельности и манипуляции общественным мнением.

Гипотезы и прогнозы

Россия и другие страны СНГ и Восточной Европы в настоящее время представляют конгломерат соперничающих партий и массовых движений. В России сформирован блок партий, напоминающий партийную структуру накануне 1917 г. Однако возрождение прежней партийной структуры и соответствующих ей политических концепций происходит в обществе с радикально изменившейся по сравнению с началом XX в. технико-экономической и социальной структурой. Видимо, мы имеем дело с разновидностью консервативного синдрома, охватившего вначале Западную, затем и Восточную Европу.

Ярким примером политического консерватизма служит программа «Блока общественно-патриотических организаций России» и родственных ей тече-

ний⁹. Аналогичные политические движения существуют и в других республиках, что лишний раз доказывает живучесть тоталитарного режима и его тенденции к саморазвитию.

ПО была побеждена, но не уничтожена в Гражданской войне и сталинских репрессиях. Она возродилась и окрепла вследствие *ошибок и просчетов* КПСС и Советского государства во внутренней и внешней политике, а не в результате идеологических и политических диверсий стран Запада, как до недавних пор утверждала официальная пресса и идеологические слуги. Анализ и систематизация политических ошибок правящей партии — непосредственная задача политологии и ПО.

Ее влияние и сила будут зависеть от настроения масс и воспроизводства в новых условиях всех элементов авторитарно-бюрократического управления обществом. Деятельность правительства на протяжении последних пяти лет только подтверждает их живучесть. Надо учитывать также шансы удовлетворения материальных, политических и духовных потребностей населения. Пока они мизерны по сравнению с развитыми странами.

Под влиянием экономического и политического кризиса в ближайшем будущем в России предстоит увеличение слоя людей, занятых оппозиционной деятельностью в ее идеологическом, политическом и социальном измерении, хотя правительство делает все, чтобы стимулировать аполитические тенденции в поведении людей. До недавнего времени верноподданные могли удовлетворять свои элементарные потребности, не занимаясь политикой. Теперь ситуация меняется.

⁹ В этой платформе: используется политический жаргон («тысячелетняя держава», «свободолюбие», «артельные начала», «всемирная отзывчивость русского народа»), оскорбляющий достоинство других наций; ни разу не упоминаются права человека, политическая свобода и демократия как необходимые элементы политического прошлого и будущего; защищается военно-промышленный комплекс и другие звенья государственной машины, которые до сих пор находились в привилегированном положении по сравнению с массами людей; под лозунгом «защиты исконных русских земель» высказываются территориальные претензии к другим нациям, а межнациональный хозрасчет понимается по принципу «живите, как хотите»; используются схемы политической философии Гегеля и либерального народничества для обоснования монархизма и регламентации общественной жизни; под прикрытием «равного представительства» русской нации в союзных органах делается намек на ее количественное превосходство; за счет отождествления общественной собственности с государственной обосновывается «органичность» и «естественность» государственной власти во всех ее проявлениях; под флагом борьбы с бюрократией предлагается еще большая бюрократизация власти, поскольку призывы «крепить» оборону, милицию и госбезопасность, диктовать свою волю органам СМИ и даже создать полицию нравов (под прикрытием Закона о нравах) ведут к ещё большему усилению чиновно-идеологического сословия; вместо радикального изменения тоталитарной системы предлагается сталинская схема «чисток» партийно-государственного аппарата; не проводится различие между верноподданным и гражданином, поскольку патриотизм выводится из факта существования державы, а не свободной личности.

Если правительству удастся оперативно удовлетворить большинство социальных потребностей, то социальная база оппозиции может уменьшиться и в ней останутся одни политики и идеологи. Но пока правительство идет по другому пути: манипулируя СМИ, оно стремится внедрить в умы граждан убеждение, что их потребности будут удовлетворяться по мере выполнения правительственных программ. Значит, правительство по-прежнему идет по пути мнимых обещаний и реального грабежа населения. Даже своим оппонентам оно стремится навязать состязание программ, ни одна из которых не выполнена.

Значительно больше вероятность того, что экономический кризис станет затяжным, а политический плюрализм — нормой. Социальная база оппозиции расширится, и она превратится в постоянный элемент политической жизни.

Сфера влияния ПО будет зависеть от политики государства по отношению к ней. Эта политика может колебаться от репрессий до либерализма. Если ПО пустит глубокие корни, то государственная политика в отношении ПО приобретет форму кривой линии.

Абсолютные (политические) репрессии неэффективны потому, что усиливают моральные основания оппозиции и сталкивают на позиции радикализма все более широкие социальные слои, возмущенные суровостью законов. Абсолютный либерализм тоже неэффективен, поскольку создает чувство бессилия власти, а также способствует вербовке в ряды оппозиции людей, для которых ничего не значат идейные мотивы деятельности. Такие люди обычно примыкают к более сильной стороне.

Развитие ПО будет зависеть от преодоления всех элементов прошлого политического режима и выработки правовых условий ее деятельности. Среди них:

- принцип строгого отличия действительных политических противников и соперников от колеблющихся, нейтральных или критических настроенных людей; только тот может считаться оппозиционером, кто сам хочет им быть, всякие внешние оценки будут реанимировать прошлые стереотипы;
- принцип открытых дверей, обеспечивающий нормальную жизнь всем людям, занятым оппозиционной деятельностью; граждане должны быть уверены, что их принадлежность к ПО не вызовет никаких последствий в профессиональной деятельности, ущемлений в правах и т. д.;
- предоставление каждому гражданину полной свободы выезда и возвращения в страну;
- отказ от толкования законов применительно к обстоятельствам борьбы между правительством и оппозиционными партиями.

Выводы

Необходимо поломать стереотип, по которому анализ оппозиционной деятельности принимает форму огульной критики или явной апологетики. Этому будут способствовать постоянный зондаж общественного мнения о деятельности ПО, интервью и диалоги с ее руководителями и идеологами, изучение программ, стратегий и тактики оппозиционных партий и движений, их политического опыта, политической культуры и географии, электорального поведения, степени популярности и поддержки в определенных социальных слоях и группах. Но это все не должно давать повода для подозрения, что результаты исследований будут использованы в политической борьбе или фискальных целях правительством или соперничающими партиями.

Политолог должен учитывать громадную силу инерции советских политических институтов и методов авторитарно-бюрократического управления обществом и делать все, чтобы его собственные исследования не превратились в еще один способ идеологического оправдания государственной власти. Чтобы стать аналитиком, политолог должен критически относиться к политике как сфере деятельности. А это невозможно без понимания ее иллюзорных элементов, которые воплощены во всех сферах отношений, деятельности и сознания государства — наиболее важной практической иллюзии. В этом направлении движется современная политическая мысль о государстве [4].

Библиографический список

1. Макаренко В.П. Кризис власти и политическая оппозиция // Советское государство и право. 1989. № 11.
2. Мандельштам Н. Воспоминания. М.: Вагриус, 2006.
3. Рогинский А. Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
4. Ясаи Э. де. Государство. М.: ИРИСЭН, 2008.

References

1. Makarenko V.P. Krizis vlasti i politicheskaja oppozicija // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1989. № 11.
2. Mandelstam N. Vospominanija. M.: Vagrius, 2006.
3. Roginskij A. Pamjat' o stalinizme // Istorija stalinizma: itogi i problemy izuchenija: materialy Mezhdunar. nauch. kon-f. Moskva, 5–7 dekabrja 2008 g. M.: ROSSPJeN; Fond «Prezident-skij centr B.N. Yeltzina», 2011.
4. Jasay A., de Gosudarstvo. M.: IRISJeN, 2008.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

.....

И. В. Самаркина¹

В статье анализируется сущность, характеристики и функции политической картины мира. Показано, что в контексте событийной парадигмы политическую картину мира следует рассматривать как специфическую форму политического знания.

Ключевые слова: политическое знание, политическая картина мира, политическая философия, политическая наука, политическая идеология.

This article analyzes the nature, characteristics and functions of the political world view. It is shown that in the context of the event paradigm political world view should be seen as a specific form of political knowledge.

Key words: political knowledge, political world view, political philosophy, political science, political ideology.

Одним из фундаментальных свойств политического мира является, по словам М. Мерло-Понти, его способность «перерастать в видимость» [14, с. 211–212]. Начавшееся в современной науке использование метафоры «картина мира» говорит о необходимости «номинации» существующего феномена. Кроме того, понятийная неопределенность в этой сфере затрудняет исследование субъективного среза политики. Видимое индивиду отражение политического мира в той его степени, в которой жизненный мир пересекается с миром политическим, представляет, по нашему мнению, специфическую форму политического знания, которую мы определяем как политическую картину мира.

Предметом анализа в рамках данной статьи будет сущность, характеристики и функции политической картины мира как специфической формы политического знания.

¹ Самаркина Ирина Владимировна — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: smrkn@mail.ru

Работа выполнена в рамках проекта «Сетевой ландшафт российской публичной политики: проблемы развития и безопасность», проводимого по государственному заказу Министерства образования и науки, 2013 год. Шифр заявки 6.1134.2011.

Сущность политического знания. Любое знание есть продукт познавательной и практической преобразовательной деятельности. В этом смысле политическое знание не является исключением. Оно отражает деятельность субъектов в политическом мире и одновременно служит основой их политической активности.

Всесторонний анализ феномена политического знания проведен В.Ю. Сморгуновой [19–22]. Она рассматривает политическое знание как уникальный тип знания и результат познания политического мира, в процессе которого перерабатывается огромный материал в виде социальных и научных фактов, научно-теоретических и социально-философских концепций, обобщается их суть, постигается значение политических мифов и традиций, осмысливается культурно-исторический контекст политической деятельности.

Политическое знание представляет собой открытую систему, которая имеет свойство постоянно расширяться, включая в политическое и другие аспекты общественной жизни [26, с. 300]. Как открытая, многоуровневая, динамическая система, политическое знание нестабильно, подвижно, непрочное и многомерно и поэтому довольно сложно подвергается анализу.

Многомерность политического знания определяет его полифункциональность [22, с. 45]. Основная функция политического знания — гносеологическая — состоит в выявлении и теоретическом осмыслении политических интересов, в формулировке путей их практической реализации. Политическое знание дает субъекту возможность ориентироваться в мире политики, оценивать политические события и иметь собственную политическую позицию. В этом проявляется его идеологическая функция. Политическое знание содержит эталоны нормативного политического поведения, таким образом выполняя воспитательную функцию (функцию политической социализации). Политическое знание определяет политическое поведение субъектов, служит основой для мобилизации индивидов и групп. В этом проявляется его организационная функция. И наконец, политическое знание дает возможность субъекту прогнозировать политическую реальность, создавать модели будущего политического устройства общества.

Событийное политическое знание. Целый ряд характеристик политического знания — уникальность, нахождение во времени, процессуальная развернутость — позволяет исследователям говорить об особом типе политического знания — событийном политическом знании [1; 13; 16; 17; 24].

А.В. Сморгунов подчеркивает ряд особенностей политического события: нераздельность агентского и структурного факторов политического события; трансформацию структурного и агентского факторов политического события; темпорально-ситуационную сложность политического события; его определенность условиями политического действия; нелинейность развертывания политического события; принципиальную открытость политического собы-

тия его результатам; формирование смысла политического события по его ходу [17, с. 125].

Согласимся с автором в том, что событийное знание занимает особое место в числе других парадигм знания (фактуального и интерпретативного [5]). Привлекательность событийной парадигмы обоснована прежде всего тем, что событие и событийность анализируются в феноменологическом ключе как некоторые пункты развертывания жизненного мира людей, который является их свершением в том смысле, что он ими делается и переживается [17, с. 126]. По этому поводу Э. Гуссерль писал: «Мир, который есть для нас, по своему бытию и так-бытию есть наш мир, он целиком и полностью черпает свой бытийный смысл из нашей интенциональной жизни, из ее свершений с их априорной типикой, которая может быть обнаружена — обнаружена, а не сконструирована на основе тех или иных аргументов и не измышлена мифическим мышлением» [7, с. 243].

По словам Л.В. Сморгунова, событийный подход означает, что происходящее в политическом мире субъект познания рассматривает не в качестве противопоставленной ему вещи и не как предмет возможной интерпретации, а в виде некоторого феномена, подверженного нашему интенциональному опыту и развертывающемуся перед нами в своем существовании [17, с. 127]. Анализ событийного знания опирается на метод политического мышления Х. Арендт. Событийное знание, основанное на феноменологической традиции, есть знание практическое и ориентационное, его целью является описание происходящего, а способом — нарратив [17, с. 126].

«Политическое мышление не может совершаться на основе каких-либо расчетов, производимых извне, — отмечает К. Мангейм, — напротив, мышление становится более ясным, проникая в конкретную ситуацию...» [12, с. 110]. В политическом знании в силу этого все духовные компоненты слиты в едином творческом монолите: «Здесь волевой импульс, оценку и мировоззрение не следует отдалять от продуктов мышления, напротив, надо сохранить все это изначальное переплетение, а если продукт мышления уже выделился из него — восстановить эту основу» [12, с. 146].

Политика, по мнению В.В. Ильина и А.С. Панарина, — это разум в практическом измерении, который оформляется на стыке линий «ума», «побуждения» и «воли». Следовательно, «политика — практически-духовная форма, крепящаяся на чистом, но обслуживающая практический разум; она не просто вырабатывает модели реальности, но подводит под них овеществление, согласованный *modus vivendi* баланс страсти, здравого смысла, порыва и мудрости, импульса и целесообразности» [10, с. 10].

Событийный подход к анализу политического знания позволяет трактовать последнее как единство волевых, оценочных и ценностных компонентов.

Образы в структуре политического знания. Процесс постепенного формирования политического знания в индивидуальном сознании связан в первую очередь с репрезентацией в сознании элементов политического мира в форме образов, получивших в психологии название стимуляционных образов [25, с. 110].

Описывая систему политического знания, В.Ю. Сморгунова отмечает, что стимуляционные образы в индивидуальном сознании вряд ли можно считать политическим знанием, хотя они имеют огромное значение в формировании установок и политического поведения. К сожалению, автор оставляет без внимания вопрос о том, связаны ли между собой эти образы, и обходит вниманием анализ этого этапа формирования политического знания. На наш взгляд, исключение образов из системы политического знания существенного редуцирует его содержание.

Образы, репрезентирующие политический мир, организованы в систему, составляющую основу политической картины мира. Интерпретируя эти образы на основе жизненного опыта, индивид создает некоторую «дорожную карту» для собственной общественной и политической активности. Образы политической картины мира отражают политическую ситуацию, на их основе формируются представления о способах удовлетворения социальных и политических интересов (политические установки), модели политического поведения.

Образы, репрезентирующие политический мир, представляют те объекты, которые обладают познавательно-инструментальным значением для субъекта. Интересно, что объект политического отражения всегда связан с социально-политическим интересом субъекта познания. Отраженный в сознании интерес становится мощной детерминантой политической деятельности. «Он подобен линзе, сквозь которую преломляется для субъекта вся жизнь общества, формируются его теоретические знания, эмпирические представления, психологические установки, социальные оценки. Объективное переходит в субъективное, побуждает человека к действию, определяет его цель» [4, с. 57].

Таким образом, образы политической картины мира являются частью механизма перевода знания о политическом мире в механизм политического действия.

Структура политического знания. Описанная В.Ю. Сморгуновой система политического знания включает два уровня: метаполитическое знание и практическое политическое знание.

Систему метаполитического знания как знания теоретического составляют политическая философия, политология и политическая идеология [22, с. 48]. Интеллектуальной вершиной теоретического осмысления политического и вместе с тем высшей умозрительной формой вызова политическому миру

является политическая философия. По мнению Б.Г. Капустина, неперенная задача политической философии — раскрытие форм и способов участия нравственного (и не только инструментального) разума в осуществлении разных видов политики [11, с. 9]. Т.А. Алексеева основной задачей политической философии считает поиск способов решения, осмысления и оценки самого важного, актуального для современной политики [3, с. 56].

Политология выступает способом получения систематического теоретического политического знания о политических процессах в обществе, обеспечивая своими расчетами эффективность политического действия, подвергая изучению механизм политической власти и способствуя оптимальности ее реализации. Политология изучает внутреннее строение политики, дает ей целостную интерпретацию, интегрируя все наиболее значимые результаты исследований других политических субдисциплин [23, с. 20]. По словам А.А. Дегтярева, политология связана со специфической группой закономерностей отношений социальных субъектов по поводу власти и влияния, исследуя особый тип механизмов властеотношений и взаимодействий между властвующими и подвластными, управляемыми и управляющими [8, с. 13].

При всем многообразии функций политологии в обществе их можно свести к трем основным: познавательно-оценочной; к инструментально-праксеологической и воспитательно-социализационной, связанной с влиянием политического знания на механизм политической социализации и ресоциализации личности, с воспитанием индивида как гражданина своей страны и как вообще «политического человека», включенного во взаимозависимую мировую цивилизацию и в определенной степени ответственного за ее судьбу [8, с. 16–17]. В итоге формируется сложный образ политической реальности, который постоянно уточняется и корректируется политической наукой.

В современном политическом познании А.В. Сморгунев отмечает тенденцию снятия оппозиционности между политико-философской теорией и теорией в политической науке [18, с. 227]. Несмотря на сохранение статуса эмпирической политической теории, исчезает резкая граница между уровнями теоретического политического знания — философского и научного. Конечно, различия остаются, но философия политики и политическая теория взаимодействуют и взаимно дополняют друг друга.

Огромную роль в воздействии на сознание людей играет третья форма метаполитического знания — политическая идеология. Политическую идеологию Т.А. Алексеева определяет как относительно целостную систематизированную совокупность мировоззренческих идей и взглядов, отражающих оценки свойств мира и перспектив его изменения в сознании отдельных людей, социальных групп, массовых движений, политических партий или общества в целом [2, с. 23]. Идеология, выполняя функции целевой и идейной ориентации политического поведения, функционирует на теоретико-кон-

цептуальном, программно-политическом и актуализированном уровнях [15, с. 17]. Политическое знание в форме идеологии объединяет одних, отделяя их от других, делая одних «мы», а других ставя в позицию «они», выполняя таким образом основную свою функцию — функцию идентификации, помогающую индивиду самоидентифицировать себя в политическом пространстве.

Политическое знание, содержащееся в политической идеологии, отчасти интерпретативно. «Интересы (материальные и духовные), а не идеи господствуют непосредственно над деятельностью; но «образы мира», создаваемые идеями, очень часто служили стрелками, указывающими путь, по которому действия были движимы динамикой интересов», — писал М. Вебер, подчеркивая тем самым связь между материальной сферой и мировоззренческими системами [6, с. 248]. Идеологии представляют собой ментальные карты, указывающие путь для политических решений интеллектуалам, любителям и профессионалам [2, с. 24].

Процесс политического познания и его результат тесно соприкасаются с миром политической повседневности: «Изучать мир и свое отношение к нему людям не всегда удастся с позиции роденовского мыслителя, уютно устроившегося на обочине быстротекущего потока жизни... практикам приходится рассуждать над своими насущными задачами по ходу самой жизни, глядя на мир «изнутри» разнообразных видов деятельности...» [28, с. 160].

Политическое знание многоярусно, но граница между его ярусами не закрыта, она подвижна. Здесь происходит циркуляция как политической информации, так и ценностных компонентов.

Практическое политическое знание теряет научную строгость и включается в расшифровку практических политических смыслов, которыми наполнена политическая повседневность. Политическое знание как практическое содержит элемент неожиданности и являет собой непосредственную реакцию и отражение возникающих на глазах у политического субъекта познания и действия все новых непредвиденностей. Практическое политическое знание полисубъектно в том смысле, что субъектом познания может быть политический деятель, гражданин и массовый политический субъект.

«Место встречи» идеологии с уровнем индивидуального и коллективного сознания исследователи рассматривают часто как особую форму ментального. Например, Дж. Пламенатц говорит о частичной идеологии [29, с. 23], А. Н. Сирота предлагает называть этот феномен политической психологией [15, с. 17]. Однако, на наш взгляд следует говорить о политической картине мира как системе образов, структурированных определенным образом под влиянием политической идеологии.

В концепции политического знания В. Ю. Сморгуновой носителем практического политического знания выступают массы. Исследуя уровень практи-

ческого политического знания, автор говорит о политической психике масс и массовом сознании, но обходит вниманием индивидов и социальные группы, которые, с нашей точки зрения, также выступают носителями практического политического знания.

Включение в систему практического политического знания политической картины мира требует пересмотра концепции политического знания в той ее части, которая касается структуры практического политического знания. Политическая картина мира, являясь результатом репрезентации политической реальности в индивидуальном и групповом сознании и испытав на себе воздействие политической идеологии, становится основой политического поведения.

Как пишет А.И. Соловьев, рядовой гражданин, «человек с улицы» создает первичный, фоновый облик политики, который позволяет ему приспособляться к политически организованному сообществу, находить совместимые с собственными целями способы взаимоотношения с властью и государством [23, с. 5]. Этот облик автор называет «образом политики», результатом ее «фактологического созерцания», не претендующего на какое-либо специализированное отношение к ней или использование приемов отражения, выходящих за пределы обычных наблюдений за действительностью. На основе индивидуального опыта сознание «рисует «естественную» картину политики». В нее он включает те социальные представления (Московичи), которые входят в сферу обыденного сознания, являются продуктом «здравого смысла» и «естественного», наивного мышления, регулируют повседневную жизнь людей, формируют их «практическое сознание».

В то же время научные и идеологические идеи служат одним из важных источников образов политической картины мира, однако они, как и вообще доступный обыденному сознанию «культурный фонд», поставляют ему лишь первичный материал, который затем трансформируется им применительно к требованиям практики и здравого смысла [9].

Значение данной формы знания в организации политического поведения существенно, ибо в нем непосредственная сращенность политических знаний с политическими эмоциями и оценками придает знаниям огромную воздействующую силу. Кроме политической психики, о которой пишет В.Ю. Сморгунова, именно на этом уровне существуют конструкции обыденного сознания первого типа (А. Шюц) [27, с. 494], отражающие политический мир, система которых составляет политическую картину мира. Таким образом, политическая картина мира есть результат не только логико-гносеологического постижения жизненного мира, но и интуитивного предположения, предвидения, рефлексии и фантазии [7, с. 455].

Политико-психические когнитивно-образные образования становятся промежуточным звеном между политической теорией, политической идеологией

и практически-политической действительностью. Поэтому усвоение человеком политико-теоретического знания и формирование политической картины мира как системы превращается в побудительные силы практического политического действия только после перевода их в глубокие психические структуры. Политическая картина мира как специфическая форма практического политического знания стремится к целостности и достраивает белые пятна в представлениях о политическом мире, используя все возможные ресурсы, имеющиеся у субъекта.

Политическая картина мира как специфическая форма практического политического знания. Политическая картина мира, будучи частью системы политического знания, обладает рядом характерных для этой системы признаков и функций. Политическая картина мира — результат взаимодействия субъекта с политической реальностью, включающей в себя других субъектов. Деятельностный характер политического знания находит отражение в том, что политическая картина мира есть, с одной стороны, результат, а с другой — основа политической активности субъекта в различных ее формах.

Целостность политического знания в политической картине мира проявляется в том, что все ее образы для субъекта познания существуют в единстве когнитивного, оценочного и аффективного. Политическую картину мира можно охарактеризовать как подвижную систему образов и представлений, отражающую политическую реальность в сознании субъекта (индивидуального или группового). Политическая картина мира имеет свойство пересекаться и соотноситься с другими картинами мира субъекта познания.

Политическая картина мира как форма политического знания — полифункциональный феномен. Ее гносеологическая функция состоит в отражении и рефлексии политической реальности; идеологическая функция проявляется в структурировании образов и представлений, составляющих политическую картину мира и систематизации ее таким образом, что этот своеобразный пазл складывается в понятную субъекту картину реальности и становится основой для политического действия, реализуя тем самым организационную функцию. Политическая картина мира является результатом (в каждый конкретный момент) политической социализации. Государство и другие политические акторы используют имеющиеся политические ресурсы для конструирования политической картины мира подрастающего поколения (в первую очередь государство) и взрослых (наряду с государством, например, политические партии). Прогностическая функция политической картины мира заключается в том, что она (политическая картина мира) служит основой для оценки субъектом перспектив и динамики политической системы и собственной жизненной траектории.

Среди описанных форм политического знания (метаполитического и практического политического знания) политическая картина мира занимает особое

место. Она относится к уровню практического политического знания и вместе с тем испытывает на себе влияние метаполитического знания. Политическая картина мира представляет собой открытую воздействию других уровней политического знания динамическую систему, гетерогенную по своему составу. Политическая философия оказывает опосредованное реальностью и политической наукой влияние на политическую картину мира, задавая ценностные смыслы и принципы. Политическая наука предлагает субъекту систематическое политическое знание, фрагменты которого частично (и в зависимости от статуса субъекта) включаются в политическую картину мира. Политическая наука предлагает гносеологический образ политики, который можно назвать (по аналогии с научной картиной мира) образом исследуемой политической реальности.

Ключевую роль в конструировании политической картины мира играет политическая идеология, которая служит соединительным звеном между метаполитическим знанием и практическим политическим знанием. Идеология задает вектор и смысл представлениям и образам политической картины мира, обуславливает целостность и системность этих представлений, которые только в этом случае (идеологического структурирования) становятся основой для политического действия.

Политическая картина мира, будучи элементом практического политического знания, обладает всеми его характеристиками. В ней отсутствует научная строгость, а степень соотнесения и соприкосновения политической картины мира с политической наукой зависит от рода профессиональной деятельности и социального статуса субъекта. Политическая картина мира — результат расшифровки политических смыслов повседневности. В ней (политической картине мира) отражается именно текущая политическая реальность. «Угол отражения» задается социально-политическим статусом и социально-политическими интересами субъекта.

Политическая картина мира полисубъектна. В ней субъект-носитель и субъект политической деятельности, как правило, тождественны. Различный социальный статус субъектов, политический и жизненный опыт, особенности политической социализации, профессиональная деятельность определяют различия в политической картине мира людей, погруженных в одну и ту же политическую реальность. Различный социально-исторический, социально-политический и социокультурный контекст определяет различие политических картин мира субъектов.

Сделанный нами шаг от метафоры «политическая картина мира» к пониманию политической картины мира как специфической формы политического знания представляет собой попытку ввести в предметное поле политической науки концепт, отражающий политическое миропонимание и мировидение че-

ловека, который открывает новые возможности для исследования субъективной сферы политики.

Библиографический список

1. *Аксеновский Д. И.* Политическое событие как экономия и предел власти // Вестник РГГУ. 2008. № 1.
2. *Алексеева Т. А.* Идеологии как политическое воображаемое // Россия. История. Политика. М.: Идея-Пресс, 2011.
3. *Алексеева Т. А.* Политическая философия как «практичное» знание // Полис. 2010. № 1.
4. *Арефьева Г. С.* Общество, познание, практика. М.: Мысль, 1988.
5. *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
6. *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий // Мистика, религия, наука. М.: Канон+, 1998.
7. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2005.
8. *Дегтярев А. А.* Основы политической теории. М.: Высшая школа, 1998.
9. *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. URL: <http://psymania.info/raznoe/268.php>
10. *Ильин В. В., Панарин А. С.* Философия политики. М.: Изд-во МГУ, 1994.
11. *Капустин Б. Г.* О политическом философе и политической философии // Россия. История. Политика. М.: Идея-Пресс, 2011.
12. *Маннгейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
13. *Мелас В.* Переживание и событие. СПб.: Изд-во ВВМ, 2009.
14. *Мерло-Понти М.* В защиту философии. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1996.
15. *Сирота Н. М.* Идеология и политика. М.: Аспект Пресс, 2011.
16. *Сморгунов А. В.* Гуманитарные технологии и формирование политического события // Гуманитарные технологии и политический процесс в России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
17. *Сморгунов А. В.* Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии // Полис. 2011. № 1.
18. *Сморгунов А. В.* Политическая философия и наука: от конфронтации к взаимовлиянию // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. Сер. Мыслители. Вып. 5. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
19. *Сморгунова В. Ю.* Гносеологические проблемы политической философии: Гносеологический потенциал политики: Ханна Арентс об истине и политике. СПб.: Образование, 1997.
20. *Сморгунова В. Ю.* Политическое знание: Гносеологический статус и онтологический смысл: дис.... д-ра филос. наук. СПб., 1997.

21. *Сморгунова В.Ю.* Ханна Арендт и проблема истины политического знания // Современная зарубежная философия: проблемы трансформации на рубеже XX–XXI веков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
22. *Сморгунова В.Ю.* Феномен политического знания. СПб.: Образование, 1996.
23. *Соловьев А.И.* Политология. Политическая теория и политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2006.
24. *Филиппов А.Ф.* Пространство политических событий // Полис. 2005. № 2.
25. *Чхартушвили Ш.Н.* Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
26. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1.
27. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.
28. *Щавелев С.П.* Практическое знание // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010.
29. *Plamenatz J.* Ideology. New York: Praeger Publishers, 1970.

References

1. *Aksenovskij D.I.* Politicheskoe sobytie kak jekonomija i predel vlasti // Vestnik RGGU. 2008. №1.
2. *Alekseeva T.A.* Ideologii kak politicheskoe voobrazhaemoe // Rossiya. Istorija. Politika. М.: Ideja-Press, 2011.
3. *Alekseeva T.A.* Politicheskaja filosofija kak «praktichnoe» znanie // Polis. 2010. № 1.
4. *Arefyeva G.S.* Obschestvo, poznanie, praktika. М.: Mysl', 1988.
5. *Weber M.* «Obyektivnost'» social'no-nauchnogo i social'no-politicheskogo poznaniya // Izbrannye proizvedenija. М.: Progress, 1990.
6. *Weber M.* Hozjajstvennaja jetika mirovyh religij // Mistika, religija, nauka. М.: Kanon+, 1998.
7. *Husserl E.* Krizis evropejskih nauk i transcendental'naja fenomenologija. SPb.: Vladimir Dal', 2005.
8. *Degtiarev A.A.* Osnovy politicheskoy teorii. М.: Vysshaja shkola, 1998.
9. *Diligenskij G.G.* Social'no-politicheskaja psihologija. М.: Nauka, 1994. URL: <http://psymania.info/raznoe/268.php>
10. *Ilyin V.V., Panarin A.S.* Filosofija politiki. М.: Izd-vo MGU, 1994.
11. *Kapustin B.G.* O politicheskom filosofo i politicheskoy filosofii // Rossiya. Istorija. Politika. М.: Ideja-Press, 2011.
12. *Mannheim K.* Diagnostika nashego vremeni. М.: Jurist, 1994.
13. *Melas V.* Perezhivanie i sobytie. SPb.: Izd-vo VVM, 2009.
14. *Merleau-Ponty M.* V zashhitu filosofii. М.: Izd-vo gumanitarnoj literatury, 1996.
15. *Sirota N.M.* Ideologija i politika. М.: Aspekt Press, 2011.
16. *Smorgunov L.V.* Gumanitarnye tehnologii i formirovanie politicheskogo sobytija // Gumanitarnye tehnologii i politicheskij process v Rossii. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2001.

17. *Smorgunov L.V.* Sobytiynoe politicheskoe znanie i ego znachenie dlja sovremennoj sravnitel'noj politologii // Polis. 2011. № 1.
18. *Smorgunov L.V.* Politicheskaja filosofija i nauka: ot konfrontacii k vzaimovlijaniju // Miscellanea humanitaria philosophiae. Ocherki po filosofii i kul'ture. K 60-letiju professora Jurija Nikiforovicha Solonina. Ser. Mysliteli. Vyp. 5. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2001.
19. *Smorgunova V.Ju.* Gnoseologicheskie problemy politicheskoy filosofii: Gnoseologicheskij potencial politiki: Hanna Arendt ob istine i politike. SPb.: Obrazovanie, 1997.
20. *Smorgunova V.Ju.* Politicheskoe znanie: Gnoseologicheskij status i ontologicheskij smysl: dis. ... d-ra filos. nauk. SPb., 1997.
21. *Smorgunova V.Ju.* Hanna Arendt i problema istiny politicheskogo znanija // Sovremennaja zarubezhnaja filosofija: problemy transformacii na rubezhe XX–XXI vekov. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1996.
22. *Smorgunova V.Ju.* Fenomen politicheskogo znanija. SPb.: Obrazovanie, 1996.
23. *Solovyev A.I.* Politologija. Politicheskaja teorija i politicheskie tehnologii. M.: Aspekt Press, 2006.
24. *Filippov A.F.* Prostranstvo politicheskikh sobytij // Polis. 2005. № 2.
25. *Czqhartishwili Sh.N.* Nekotorye spornye problemy psihologii ustanovki. Tbilissi: Metznieraba, 1971.
26. *Schmitt K.* Poniatie politicheskogo // Voprosy sociologii. 1992. T. 1, №1.
27. *Schütz A.* Smyslovaja struktura povsednevnogo mira. M.: In-t Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2003.
28. *Schavelev S.P.* Prakticheskoe znanie // Social'naja jepistemologija: idei, metody, programmy. M.: Kanon+, ROOI «Reabilitacija», 2010.
29. *Plamenatz J.* Ideology. New York: Praeger Publishers, 1970.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

.....

Д. В. Просянюк¹

В статье описаны теоретические основания изучения манипулирования массовым сознанием средствами массовой информации, предложена классификация методов анализа текстовой информации в социальных науках. Представлены результаты первичного описания материалов зарубежных средств массовой информации, посвященных Российской Федерации.

Ключевые слова: манипулирование массовым сознанием, образ Российской Федерации, методы анализа текстовой информации.

The article describes theoretical basis of study of manipulating the mass consciousness by media. The classification of methods for analyzing textual information in social sciences is presented. Also the author reports the results of primary description of materials of foreign media, concerning Russian Federation.

Key words: manipulation of mass consciousness, image of Russian Federation, methods of analysis of textual information.

СМИ как субъект общественных отношений

Современную жизнь невозможно представить без постоянного контакта со средствами массовой коммуникации. Телевидение, радио, пресса и Интернет оказывают влияние практически на все сферы и институты общества, включая политику, образование, религию. Более того, средства массовой информации способны прямо воздействовать на сознание индивида, в обход традиционных каналов влияния — школы, семьи, церкви и пр.

Современные СМИ — важный фактор, влияющий не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику страны. Успех в ее проведении во многом зависит от позиции влиятельных изданий, способных мобилизовать общественное мнение, а также от возможностей и способности субъектов общественной

¹ Просянюк Дарья Вячеславовна — аспирантка кафедры методов сбора и анализа социологической информации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Эл. почта: dprosyanyuk@hse.ru

жизни задействовать СМИ в реализации своего курса, раскручивании своих концепций и подходов к решению внутренних и международных проблем. Так, в исследовании по созданию когнитивной карты мировой политики, проведенном В. М. Сергеевым, автор приходит к выводу, что БРИК — искусственная конструкция, созданная для раздувания очередного пузыря и бесперспективная в плане политической системы [16].

СМИ как средство манипуляции общественным сознанием

По результатам проекта «Доминанты», проводимого Фондом «Общественное мнение» [15], главным источником информации почти для всех россиян (92%) сегодня служит телевидение. Доверяют телевидению больше половины респондентов. Следующими по значимости источниками получения информации респонденты называют прессу (газеты, журналы) и новостные сайты в Интернете.

В социологии массовых коммуникаций анализ СМИ обычно проводится на двух уровнях — уровне общества и отдельного индивида. Основными функциями массовой коммуникации в обществе принято считать информирование, социальную связь, обеспечение преемственности, рекреацию, мобилизацию [13, с. 28].

Остановимся более подробно на функции поддержания социальной связи. Суть ее состоит в интерпретации происходящих событий, поддержке существующих норм и властных отношений, социализации и координации разнонаправленной социальной активности, формировании общественного согласия. Иными словами, СМИ, будучи трансляторами определенной идеологии, играют важную роль в формировании и трансформации общественного сознания. Многие современные авторы отмечают, что современный мир подчинен правилу: реальное событие только тогда существенно, когда о нем широкой публике рассказали СМИ [18]. И действительно, событие как бы не существует для широкой аудитории, если оно не нашло отражения в СМИ, и, наоборот, несуществующие события, описанные там, становятся реальностью в сознании аудитории.

История изучения сущности и методов манипулирования человеческим сознанием посредством СМИ имеет свои истоки в политологии, лингвистике и психологии. В начале XX в. американский политолог Г. Лассуэлл [32] исследовал политические листовки с целью выявления средств явной и скрытой пропаганды. В психологической литературе, начиная с 1920-х гг., можно встретить работы, содержащие термин «манипуляция» [6].

Манипулирование как процесс скрытого воздействия на сознание человека стало фокусом гуманитарных наук сравнительно недавно — во второй половине XX в. Одной из первых книг, посвященных манипуляции сознанием, была книга германского социолога Г. Франке «Манипулируемый человек» (1964).

Под манипулированием он понимает «психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено» [6, с. 10]. У объекта манипуляции появляется иллюзия, что он принимает решение самостоятельно, и он не отдает себе отчета в том, что стал объектом воздействия или внушения [11, с. 10].

В конце этого же десятилетия (1969 г.) выходит «Американская мощь и новые мандарины» [23] — первая социально-политическая книга известного американского лингвиста, политолога и философа Н. Хомского. В этой, а также в последующих своих работах [24; 25] автор наглядно демонстрирует, как на протяжении долгого времени США осуществляют свою политику (в том числе и посредством пропаганды в СМИ), стремясь к мировому господству.

Эпистемологические основы возможностей изучения процессов и средств манипулирования массовым сознанием можно обнаружить в классических работах зарубежных авторов в области политической коммуникации, управления массовым политическим сознанием и поведением, психологии политической толпы, а также в работах о масс-медиа. Современные отечественные и зарубежные ученые активно занимаются исследованиями сходной тематики, акцентируя при это внимание на новых медиавозможностях.

Известный современный социолог, публицист, методолог науки С. Г. Карамурза выделяет главные признаки манипуляции:

- 1) манипуляция — это вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилия); мишенью действий манипулятора является дух, психические структуры человеческой личности;
- 2) манипуляция — скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции;
- 3) манипуляция — воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний;
- 4) манипуляция — часть технологии власти, а не воздействие на поведение друга или партнера; к людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам;
- 5) всякая манипуляция сознанием есть взаимодействие; жертвой манипуляции человек может стать лишь в том случае, если он выступает как ее соавтор, соучастник [9, с. 10–12].

Далее автор перечисляет условия успешной манипуляции. Первое условие — нежелание объекта манипуляции усомниться в сообщении. Второе — осознание культурного контекста конкретного общества. Третье условие успешной манипуляции — верная оценка характеристик аудитории. Такими характеристиками могут быть, например, устойчивость и интенсивность внимания, а также семиотический уровень (термин Ч. Морриса, более подробно см., например, [8]). Четвертое условие — подходящая технологическая база ма-

нипулятора. Затем следует разрушение психологической защиты человека, тех устоев, на которых держится его способность к критическому восприятию информации. Наконец, это эффективные способы отвлечения или переключения внимания

В той же работе автор отмечает главные методические приемы, которые повышают эффективность прессы в манипуляции сознанием:

- 1) фабрикация фактов (прямая ложь);
- 2) серая и черная пропаганда;
- 3) большие психозы.

Говоря о манипуляции массовым сознанием, следует остановиться на роли языка в этом процессе. По мнению Р. Блакара, язык служит инструментом социальной власти [3, с. 76]. Само по себе использование языка, подразумевающее выбор языковых средств и выражений, уже несет в себе структурирующее воздействие. Выразиться нейтрально невозможно, а в основе всякого языкового выражения лежат чьи-то интересы [3, с. 91]. В особенности это касается средств массовой коммуникации, результат использования которых оказывается гораздо значительнее по сравнению с эффектом воздействия в результате повседневного личного разговора. Выбор слов и выражений, создание новых терминов, выбор грамматической формы в политической речи служат основными инструментами структурирования социально-политической реальности, поскольку означают приверженность определенной системе мышления [3].

Вместе с тем следует признать, что проблема манипулирования, достаточно глубоко разработанная в философии, психологии и политологии, довольно слабо разработана в социологии, более конкретно — в разрезе методов и подходов к изучению современных СМИ, процессов и способов конструирования ими образов происходящих событий. Так, в зарубежных СМИ практически отсутствуют эмпирические исследования образа, событий и стереотипов, касающихся России.

На наш взгляд, исследования материалов и способов их подачи современными СМИ должны носить междисциплинарный характер. Лингвистика имеет возможность изучения естественного языка как инструмента реализации определенных интересов и трансляции идеологии. Социология, изучая тексты как отражение и репрезентацию социальной реальности, способна выявлять скрытые смыслы и конструируемые авторами модели мира. Прикладная математика и информатика, в свою очередь, готовы предложить технические решения для обработки больших объемов информации.

Образ (имидж) vs бренд страны — определения и различия

В политологии, где изучение образа России представлено наибольшим количеством исследований, сегодня отсутствует единство терминологии — оз-

начая различные аспекты одного и того же объекта, с равной частотой встречаются термины «образ страны», «имидж страны» и «бренд страны» (см., например: [5; 10; 12; 14]).

Единственным признанным определением имиджа территории сегодня является определение Всемирной организации по туризму. Имидж территории определяется как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков страны, собственного опыта и слухов, влияющих на создание определенного образа» [14, с. 53].

Некоторые исследователи различают понятия «имидж страны» и «имидж государства». Суть различий сводится к тому, что имидж государства включает в себя органы политической власти, в то время как имидж страны — это совокупность ряда факторов, а именно: географического, этнолингвистического, культурно-исторического, религиозного и хозяйственного (подробнее о различении двух понятий см. [12]).

В начале 1990-х гг. появились исследования, посвященные маркетингу территорий. В 2002 г. Саймон Анхольт (Simon Anholt), один из самых известных в мире специалистов в области брендинга, впервые употребил понятие «брендинг мест». В дальнейшем он разработал подход к измерению бренда территории, основываясь на шести показателях: туризме, экспортных брендах, политике, бизнесе и инвестициях, культуре, людях. Бренд региона можно определить как совокупность уникальных характеристик региона, представляющих ценность для потребителя, получивших известность и общественное признание.

Для наших целей условимся рассматривать все три понятия как синонимы и будем понимать под *образом страны* совокупность представлений, стереотипов и мифов о стране, транслируемых различными каналами передачи информации (коммуникации).

Каналами, транслирующими информацию и способными трансформировать представление индивида о событиях, происходящих в его стране и за рубежом, служат социальное окружение, СМИ и информационная политика, массовая культура, образование и представители страны [2; 14].

По мнению Э. Галумова, информационная политика и СМИ сегодня — главные ресурсы, с помощью которых проводятся в жизнь политические реформы, формируются образы государства и власти [5, с. 20].

Актуальность изучения образа России

Изучение образа России в зарубежных средствах массовой информации в наши дни стало фокусом интересов политологов, журналистов, географов, страноведов, лингвистов, маркетологов.

Однако, как уже говорилось, существует явный пробел в социологическом освещении данной тематики.

Вместе с тем есть несколько причин содержательной актуальности изучения образа России в зарубежных СМИ, а именно:

1) *повседневность*: образ России отражается на каждом из нас; русские в целом и каждый россиянин в отдельности воспринимаются как носители русскости сквозь призму национальных стереотипов, в формировании и трансформации которых одну из решающих ролей играют СМИ;

2) *экономика*: образ России влияет на успешность социально-экономической деятельности государства, на его инвестиционную привлекательность, достижение валютной стабильности страны, повышение места в рейтинге стран, рост экспорта брендовых товаров и услуг, расширение возможностей для культурного обмена и туризма, сотрудничество деловых кругов и т. д.;

3) *внешняя политика*: образ России служит важным инструментом реализации национальных интересов страны, дополнительным ресурсом при решении вопросов в области межгосударственных проблем и пр.;

4) *наука*: изучение образа России в международном информационном пространстве позволит фиксировать взгляды ведущих стран и экспертов на ситуацию в мире, идентифицировать наличие основных интеллектуальных центров, в которых идет обсуждение мировых проблем.

Методы изучения СМИ

К числу наиболее распространенных инструментов, используемых при изучении данных, полученных из СМИ, принято относить мониторинг, контент-анализ, оценку тональности, а также ретроспективный анализ. Однако данные методы обеспечивают статистическое описание данных. Сложность же связана с растущим количеством изучаемых источников, а соответственно и увеличивающейся степенью неструктурированности изучаемой информации. Поэтому, на наш взгляд, для анализа материалов СМИ целесообразно использовать имеющийся арсенал методов текстового анализа.

Текстовый анализ — один из основных методов социальных наук. К. Карли [22] выделяет 13 методов современного текстового анализа: контент-анализ (content analysis) [31], дискурс-анализ (discourse analysis) [39; 40], анализ соответствий (concordance analysis) [42], конверсационный анализ (conversational analysis) [38], индивидуальные техники проведения этнографических и качественных исследований (data-base techniques for conducting ethnographic and qualitative studies) [20; 35], лингвистический контент-анализ (linguistic content analysis) [30; 36], семантическая грамматика (semantic grammars) [28; 29], анализ протоколов (protocol analysis) [27], вычислительную герменевтику (computational hermeneutics) [33], процедурный анализ за-

дач (procedural task analysis) [41], анализ близости (proximity analysis) [33], анализ историй (сюжетов) (story processing) [26] и анализ ментальных карт (map analysis) [22].

На наш взгляд, предложенная схема будет неполной без таких современных подходов к анализу неструктурированных данных, как семантический анализ [19; 37], тематический анализ [19; 37] и анализ тональности текста [21].

Отдельным направлением следует признать информативно-целевой подход, разработанный отечественным социологом Т. М. Дридзе.

В историю социологии Т. М. Дридзе вошла как автор двух масштабных теоретико-методологических платформ: экоантропоцентрической парадигмы социального познания и семиосоциопсихологической парадигмы социальной коммуникации. Семиосоциопсихологическая парадигма «акцентирует внимание на семиотических механизмах общения, формирующих действия порождения текстов и их интерпретации» [17].

Метод информативно-целевого анализа текстов, разработанный Т. М. Дридзе в рамках этой концепции, позволяет анализировать процессы установления смысловых контактов в ходе социальной коммуникации. Текст определяется здесь как иерархия коммуникативно-познавательных программ, которые объединены в целостную содержательно-смысловую структуру авторским замыслом (коммуникативным намерением).

Общим недостатком методов текстового анализа можно назвать время- и трудозатратность их реализации. Многие из них на сегодняшний день не автоматизированы. Как следствие, исследователи вынуждены ограничиваться небольшим количеством изучаемых текстов [22].

На наш взгляд, актуальной задачей развития методического обеспечения социологического исследования является создание на основе существующих методов методики (процедуры), предназначенной для глубинного анализа текстовой информации (которая в социологических исследованиях представлена не только в виде статей СМИ, но и в виде транскриптов интервью, ответов на открытые вопросы и пр.)

Обоснование выборки, дескриптивная статистика

В настоящее время в рамках написания диссертации на тему «Разработка методов содержательной классификации дискурса (на примере образа РФ в зарубежных электронных СМИ)» автором проводится исследование образа России, конструируемого иностранными СМИ.

В ходе исследования было решено сосредоточиться на изданиях двух англоязычных стран — США и Великобритании. Основные причины выбора состоят в следующем. Во-первых, при первичном анализе информационного освещения деятельности Российской Федерации на международной арене (анализ прово-

дился по теме «Вступление РФ в ВТО», 2008–2010 гг.) выяснилось, что чаще всего на эту тему писали англоязычные страны — США и Великобритания. Во-вторых, естественное ограничение продиктовано необходимостью анализа первичных (непереводных) статей.

Следующим основанием для отбора изданий послужил их тираж — общее количество экземпляров издания, отпечатанных в типографии. Его величину принято считать основным аргументом в пользу доказательства популярности издания и, как следствие, его общественной значимости [1].

Наконец, последним основанием отбора изданий стал их формат. В зависимости от размера и содержания публикуемой информации в западной прессе принято выделять несколько форматов. В самом общем виде полярными форматами считаются широкоформатное издание (broadsheet newspaper) и таблоид (tabloid). В некоторых странах существует взаимосвязь между размером и содержанием издания. Так, в Великобритании на таблоидах размещают информацию развлекательного характера: подробности личной жизни известных людей, слухи, гороскопы, рецепты, объявления и пр. Широкоформатные издания предлагают более формальную информацию: последние известия, аналитические статьи, новости политики, экономики и др.

Ввиду различной специализации представляется некорректным сравнивать издания разных форматов. Поэтому для целей исследования было решено выбрать только широкоформатные издания.

Традиционно в журналистике принято выделять три жанра написания текстов: информационный, аналитический и художественно-публицистический [11]. Широкоформатные издания публикуют в основном тексты информационного и аналитического жанров. Характер содержания в текстах информационной группы эмпирический: они в первую очередь передают аудитории фактические сведения о действительности. Такие тексты позволяют выявлять и классифицировать информационные поводы и информационные события. В аналитических текстах содержится информация эмпирико-теоретического характера: здесь главным образом выполняется задача систематизации фактов, их объяснения и обобщения, в них содержатся реконструкции позиций и типов аргументации.

В соответствии с представленными критериями были отобраны 10 американских и 10 британских изданий и установлены их владельцы (табл. 1, 2).

При анализе текстовых источников, как и при исследовании данных другой природы, в социологии принято применять одну из выборочных стратегий. К. Криппендорф выделяет 9 видов выборки текстовых источников: случайную, систематическую, стратифицированную, вероятностную, кластерную, снежный ком, целевую, сплошную и удобную [31].

Таблица 1

Список топ-10 американских изданий

№ п/п	Название	Тираж	Владелец
1	The Wall Street Journal	2118315	Dow Jones & Company (News Corporation)
2	The USA Today	1817446	Gannett Company, Inc.
3	The New York Times	1586757	The New York Times Company
4	The Los Angeles Times	589735	Tribune Company
5	The Washington Post	448744	The Washington Post Company
6	The Chicago Tribune	414590	Tribune Company
7	The Houston Chronicle	346118	Hearst Corporation
8	The Arizona Republic	321600	Gannett Company
9	The Philadelphia Inquirer	261333	Philadelphia Media Network
10	The San Jose Mercury News	206038	MediaNews Group

Таблица 2

Список топ-10 британских изданий

№ п/п	Название	Тираж	Владелец
1	The Daily Telegraph + The Sunday Times	1037793	Telegraph Media Group
2	The Times+The Sunday Times	394102	News Corporation
3	The Financial Times	319381	Pearson PLC
4	The i	273793	Independent Print Tri Active Media
5	The Observer	253022	Guardian Media Group
6	The Independent+The Independent on Sunday	341450	Independent Print Limited
7	The Guardian	217190	Guardian Media Group
8	The Belfast Telegraph	66042	Independent News & Media
9	The Scotland on Sunday	46327	Johnston Press
10	The Herald	46122	Newsquest

В настоящем исследовании нами была осуществлена сплошная выборка за период с 1 января 2009 г. по 31 июля 2012 г. всех публикаций отобранных изданий по всем разделам. Поиск проводился по ключевым словам «Russia», «Russian Federation» в двух информационных базах данных — LexisNexis²

² LexisNexis – американская компания и одноименная информационная база данных, специализируется на сборе и обработке в компьютерном виде официальной информации (законодательство, государственная статистическая отчетность и пр.), периодики и предоставлении онлайн-доступа к базам данных (URL: <http://www.lexisnexis.ru/>).

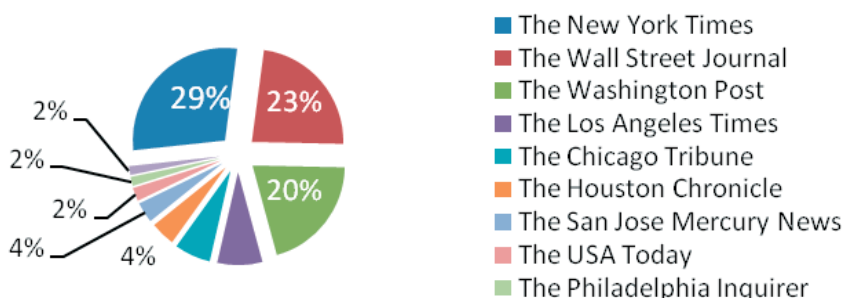

Рис. 1. Распределение статей, содержащих ключевое слово «Russian Federation» топ-10 американских изданий

и Factiva³. Ввиду их особенностей в выборку попали также статьи, содержащие производные от ключевого слова «Russia» — «Russian», «Russians», а также «USSR» (СССР).

Таким способом было отобрано 17019 статей из американских источников и 24858 статей из британских источников.

Среди американских источников подавляющее большинство статей (более 70%) приходится на три издания — консервативные «The New York Times» (29%) и «The Wall Street Journal» (23%), а также «The Washington Post» (20%). Далее следуют «The Los Angeles Times» и «The Chicago Tribune». Остальные издания в сумме опубликовали менее 14% всего объема статей (на каждое издание приходится менее 4%) (рис. 1).

Среди изданий отмечается достаточно равномерное распределение статей с ключевым словом по годам. Пожалуй, единственным примечательным фактом является большее количество статей некоторых изданий («The USA Today», «The Chicago Tribune» и «The Philadelphia Inquirer»), опубликованных за первые семь месяцев 2012 г., чем за аналогичный период прошлых лет. Возможно, данный факт объясняется повышенным вниманием к внутренним событиям в России в связи с парламентскими и президентскими выборами.

Среди британских источников более половины статей (59%), опубликованных за выбранный период и содержащих ключевое слово, приходится на два издания — умеренно-консервативные «The Times» (совместно с «The Sunday Times») и нелиберальные «The Financial Times» (33 и 26% соответственно). Далее следуют представители леволиберального направления «The Guardian» и «The Independent» (совместно с «The Independent on Sunday»), а также консерваторы «The Daily Telegraph» (совместно с «The Sunday Times») (примерно

³ Factiva — информационно-аналитическая служба, подразделение агентства финансовой информации Dow Jones & Company, специализируется на сборе и предоставлении доступа к деловой и аналитической информации.

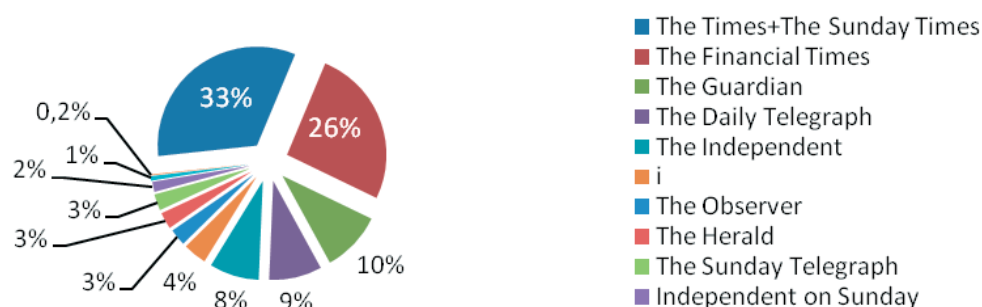

Рис. 2. Распределение статей, содержащих ключевое слово «Russian Federation» топ-10 британских изданий

по 10% от всего объема). Остальные издания в сумме опубликовали менее 13% всего объема статей (на каждое издание приходится 4% и меньше) (рис. 2).

Для дальнейшего анализа материала ключевыми нам представляются следующие соображения. Как правило, экспертная статья представляет собой интерпретацию происходящих событий и включает несколько узловых идей или концептов, вокруг которых организовано повествование. Данные идеи обладают структурирующим воздействием на сознание людей и «способны привести к мобилизации людей через присвоение ими предложенных принципов видения» [4].

В рамках работы планируется выявить источники происхождения данных концептов и процессов их распространения. Это позволит понять, кто в конечном счете выигрывает от присутствия данных концептов в информационном поле. Знание основных игроков и структуры информационного поля приближает нас к более четкому пониманию процессов социальной коммуникации.

В операциональном разрезе приведенные рассуждения отвечают решению следующих задач:

- 1) выявление способов конструирования образа Российской Федерации зарубежными СМИ (контексты упоминания Российской Федерации, эмоциональная окраска текстов, сопутствующая аргументация);
- 2) определение ключевых речевых маркеров, употребляемых в отношении Российской Федерации;
- 3) классификация условных «типов» образов Российской Федерации, формируемых определенными изданиями.

Дальнейшая обработка данных ставит перед автором и другие вопросы, связанные с особенностями выборки, а именно:

- разработка методики обработки большого объема информации (очевидно, что проанализировать всю выборку (даже автоматически) невозможно,

следовательно, необходимо разработать критерии и осуществить подвыборку данных);

– разработка методики определения темы (релевантности целям исследования) сообщения. Более конкретно — поиск ответа на вопрос: «Что означает, что статья посвящена России?»

Заключение

Проведенная работа позволяет сделать некоторые выводы относительно содержательной и методологической актуальности изучения образа Российской Федерации в зарубежных средствах массовой информации.

Во-первых, средства массовой информации сегодня выступают активным субъектом общественной жизни. СМИ служат не только фильтром, но и призмой подачи информации — именно они определяют способы трансляции информации, а следовательно, и обуславливают отношение аудитории к ней.

Во-вторых, средства массовой информации — мощный инструмент манипуляции массовым сознанием. Будучи аффилированными с крупными игроками (будь то государство или бизнес), средства массовой информации выполняют заказ трансляции определенной идеологии, выгодной заказчику (владельцу).

В-третьих, современная социология обладает достаточно мощным (и, возможно, недооцененным) методологическим арсеналом для изучения материалов средств массовой информации и способов конструирования ими реальности.

В ходе дальнейших исследований планируется разработать методику анализа текстовой информации, сочетающую ключевые процедуры современных методов анализа текстовой информации в социологии. Использование данной методики для анализа имеющегося массива позволит ответить на ключевые исследовательские вопросы о сущности и способах конструирования образа Российской Федерации зарубежными СМИ.

Библиографический список

1. *Акопов А. И.* Методика и способы использования показателей тиража при анализе периодических изданий // Филологический вестник Ростовского университета. 1998. № 1.
2. *Балюк С. В.* Система коммуникативных механизмов конструирования образов стран // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: сб. наук. тр. Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2009.
3. *Блакар Р. М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987.
4. *Бурдые П.* Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-politiki-pole-socialnyh-nauk-pole-zhurnalistiki>

5. *Галумов Э.* Имидж против имиджа. М.: Известия, 2005.
6. *Доценко Е.А.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо; МГУ, 1997.
7. *Дридзе Т.М.* Информативно-целевой анализ содержания текстовых источников // Методы сбора информации в социологических исследованиях. М.: Наука, 1990. Кн. 2.
8. *Дридзе Т.М.* Семиотические аспекты социального поведения в концепции Чарльза Морриса // Вопросы философии. 1970. № 8.
9. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2010.
10. *Касамара В.А., Сорокина А.А.* Образ России в дискурсе политической элиты и российских бездомных // Полис. 2011. № 4.
11. *Ким М.Н.* Жанры современной журналистики. М.: Изд-во Михайлова В.А., 2004.
12. *Лябухов И.В.* О соотношении понятий «имидж государства» и «имидж страны» (к постановке проблемы) // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2011. № 4–1 (72).
13. *Назаров М.М.* Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практики исследований. 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
14. *Панкрухин А.П.* Маркетинг территорий. М.: Питер, 2006.
15. Проект «Доминанты», опрос «ФОМнибус», 20 мая 2012. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/10481>.
16. *Сергеев В.М.* [и др.] БРИК — политическая реальность посткризисного мира? Новые возможности для России/В.М. Сергеев, Е.С. Алексеенкова, К.Е. Коктыш, К.Е. Петров, Е.С. Чимириш, А.С. Орлова // Аналитические доклады МГИМО (У) МИД России. 2010. Вып. 1 (24).
17. Труды Тамары Моисеевны Дридзе: реферативная библиография. М.: Институт социологии РАН, 2005.
18. *Холкина М.М.* Информационное пространство социокультурной идентичности. URL: http://www.isiksp.ru/library/kny_azevamm/knyazeva-000004.html.
19. Atteveldt van. W. Semantic Network Analysis. Techniques for Extracting, Representing, and Querying Media Content. Charleston: BookSurge Publishers, 2005.
20. *Blank G., McCartney J. L., Brent E.* New Technology and Sociology: Practical Applications in Research and Work. New Brunswick, N. J.: Transaction Publishers, 1989.
21. *Bing Liu.* Sentiment Analysis and Opinion Mining. Morgan&Claypool Publishers. May 2012.
22. *Carley K.* Coding Choices for Textual Analysis: A Comparison of Content Analysis and Map Analysis // Sociological Methodology. 1993. Vol. 23 (2).
23. *Chomsky N.* American Power and the New Mandarins. New York: Pantheon Books. 1969.
24. *Chomsky N.* Deterring Democracy. New York: Hill and Wang, 1992.
25. *Chomsky N.* Necessary Illusions. Thought Control in Democratic Societies. New York: South End Press, 1989.
26. *Dyer M.* The role of affect in narratives // Cognitive Science. 1983. Vol. 7, No. 3.
27. *Ericsson K. A., Simon H. A.* Protocol Analysis: Verbal Reports as Data. Cambridge: MIT Press, 1984.

28. *Franzosi R.* Computer-Assisted Coding for Textual Data: An Application to Semantic Grammars // Sociological methods and research. 1990. Vol. 19.
29. *Franzosi R.* From Words to Numbers: A Generalized and Linguistic-based Coding Procedure for Collecting Textual Data // Sociological Methodology. San Francisco: Jossey-Bass, 1990.
30. *Hutchins W.J.* The Evolution of Machine Translation Systems // Practical Experience of Machine Translation: Proceedings of a Conference, London, 5–6 November 1981. New York: North-Holland, 1982.
31. *Krippendorff K.* Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. 2nd edition, Thousand Oaks: Sage Publications, 2004.
32. *Lasswell G.D.* Propaganda technique in the world war. London; New York: Peter Smith, 1927.
33. *Mallery J.* Universality and Individuality: The Interaction of Noun Phrase Determiners in Copular Clauses. Twenty-third Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Proceedings of the Conference. Chicago, 1985.
34. *Mandler J.M.* Stories, Scripts and Scenes: Aspects of Schema Theory. Hillsdale, New York: Lawrence Erlbaum Associates. 1984.
35. Qualis Research Associates. The Ethnograph. Littleton. Colo. 1989.
36. *Roberts C. W.* Other than Counting Words: A Linguistic Approach to Content Analysis // Social Forces. Chapel Hill, 1989. Vol. 68, № 1.
37. *Roberts C. W.* Text Analysis for the Social Sciences: methods for Drawing Inferences from Texts and Transcripts. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates. 1997.
38. *Sacks H.* On the Analysability of Stories by Children. Directions in Socio-linguistics. J. Gumpres and D. Hymes, 329–45. NewYork: Holt, Rinehart&Winston, 1972.
39. *Sozer E.* Text Connexity, Text Coherence: Aspects, Methods, Results. Hamburg: Buske, 1985.
40. *Stubbs M.* Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Chicago: University of Chicago Press, 1983.
41. *VanLehn K., Garlic S.* Cirrus: An Automated Protocol Analysis Tool. P. Langley, 205–17. Los Altos.: Morgan-Kaufman. 1987.
42. *Young R., Stevenson W.B., Nicol T., Gilmore G. W.* Analytical Concordance to the Bible on an Entirely New Plan Containing About 311,000 References, Subdivided under the Hebrew and Greek Originals, with the Literal Meaning and Pronunciation of Each Designed for the Simplest Reader of the English Bible. New York: Funk and Wagnalls. 1936.

References

1. *Akopov A.I.* Metodika i sposoby ispol'zovanija pokazatelej tirazha pri analize periodicheskikh izdanij // Filologicheskij vestnik Rostovskogo universiteta. 1998. № 1.
2. *Baljuk S. V.* Sistema kommunikativnyh mehanizmov konstruirovaniya obrazov stran // Metodologija, teorija i praktika sociologicheskogo analiza sovremennogo obshhestva: sb. nauk. tr. Kharkov: HNU im. V. N. Karazina, 2009.

3. *Blakar P.M.* Jazyk kak instrument social'noj vlasti// Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya. M.: Progress, 1987.
4. *Bourdieu P.* Pole politiki, pole social'nyh nauk, pole zhurnalistiki. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-politiki-pole-socialnyh-nauk-pole-zhurnalistiki>
5. *Galumov Je.* Imidzh protiv imidzha. M.: Izvestija, 2005.
6. *Docenko E. L.* Psihologija manipuljacii: fenomeny, mehanizmy i zashhita. M.: CheRo; MGU, 1997.
7. *Dridze T.M.* Informativno-celevoj analiz sodержanija tekstovyh istochnikov // Metody sbora informacii v sociologicheskikh issledovaniyah. M.: Nauka, 1990. Kn. 2.
8. *Dridze T.M.* Semioticheskie aspekty social'nogo povedenija v koncepcii Charl'za Morrisa // Voprosy filosofii. 1970. № 8.
9. *Kara-Murza S.G.* Manipuljacija soznaniem. M.: Jeksmo, 2010.
10. *Kasamara V.A. Sorokina A.A.* Obraz Rossii v diskurse politicheskoy jelity i rossijskih bezdomnyh // Polis. 2011. № 4.
11. *Kim M.N.* Zhanry sovremennoj zhurnalistiki. M.: Izd-vo Mihajlova V.A., 2004.
12. *Ljabuhov I.V.* O sootnoshenii ponjatij «imidzh gosudarstva» i «imidzh strany» (k postanovke problemy) // Izv. Altajskogo gos. un-ta. 2011. № 4-1 (72).
13. *Nazarov M.M.* Massovaja kommunikacija v sovremennom mire: metodologija analiza i praktiki issledovanij. 2-e izd., ispr. M.: Jeditorial URSS, 2002.
14. *Pankruhin A. P.* Marketing territorij. M.: Piter, 2006.
15. Proekt «Dominanty», opros «FOMnibus», 20 maja 2012. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/10481>.
16. *Sergeev V.M.* [i dr.] BRIK – politicheskaja real'nost' postkrizisnogo mira? Novye vozmozhnosti dlja Rossii / V.M. Sergeev, E.S. Alekseenkova, K.E. Koktysh, K.E. Petrov, E.S. Chimiris, A.S. Orlova // Analiticheskie doklady MGIMO (U) MID Rossii. 2010. Vyp. 1 (24).
17. Trudy Tamary Moiseevny Dridze: referativnaja bibliografija. M.: Institut sociologii RAN, 2005.
18. *Holkina M. M.* Informacionnoe prostranstvo sociokul'turnoj identichnosti. URL: <http://www.isiksp.ru/library/knyazevamm/knyazeva-000004.html>.
19. *Atteveldt van. W.* Semantic Network Analysis. Techniques for Extracting, Representing, and Querying Media Content. Charleston: BookSurge Publishers, 2005.
20. *Blank G., McCartney J.L., Brent E.* New Technology and Sociology: Practical Applications in Research and Work. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 1989.
21. *Bing Liu.* Sentiment Analysis and Opinion Mining. Morgan&Claypool Publishers. May 2012.
22. *Carley K.* Coding Choices for Textual Analysis: A Comparison of Content Analysis and Map Analysis // Sociological Methodology. 1993. Vol. 23(2).
23. *Chomsky N.* American Power and the New Mandarins. New York: Pantheon Books. 1969.
24. *Chomsky N.* Deterring Democracy. New York: Hill and Wang, 1992.
25. *Chomsky N.* Necessary Illusions. Thought Control in Democratic Societies. New York: South End Press, 1989.
26. *Dyer M.* The role of affect in narratives // Cognitive Science. 1983. Vol. 7, No. 3.

27. *Ericsson K. A., Simon H.A.* Protocol Analysis: Verbal Reports as Data. Cambridge: MIT Press, 1984.
28. *Franzosi R.* Computer-Assisted Coding for Textual Data: An Application to Semantic Grammars // Sociological methods and research. 1990. Vol. 19.
29. *Franzosi R.* From Words to Numbers: A Generalized and Linguistic-based Coding Procedure for Collecting Textual Data // Sociological Methodology. San Francisco: Jossey-Bass, 1990.
30. *Hutchins W. J.* The Evolution of Machine Translation Systems // Practical Experience of Machine Translation: Proceedings of a Conference, London, 5–6 November 1981. New York: North-Holland, 1982.
31. *Krippendorff K.* Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. 2nd edition, Thousand Oaks: Sage Publications, 2004.
32. *Lasswell G.D.* Propaganda technique in the world war. London; New York: Peter Smith, 1927.
33. *Mallery J.* Universality and Individuality: The Interaction of Noun Phrase Determiners in Copular Clauses. Twenty-third Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Proceedings of the Conference. Chicago, 1985.
34. *Mandler J. M.* Stories, Scripts and Scenes: Aspects of Schema Theory. Hillsdale, New York: Lawrence Erlbaum Associates. 1984.
35. Qualis Research Associates. The Ethnograph. Littleton. Colo. 1989.
36. *Roberts C.W.* Other than Counting Words: A Linguistic Approach to Content Analysis // Social Forces. Chapel Hill, 1989. Vol. 68, №1.
37. *Roberts C.W.* Text Analysis for the Social Sciences: methods for Drawing Inferences from Texts and Transcripts. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates. 1997.
38. *Sacks H.* On the Analysability of Stories by Children. Directions in Socio-linguistics. J. Gumpres and D. Hymes, 329-45. NewYork: Holt, Rinehart&Winston, 1972.
39. *Sozer E.* Text Connexity, Text Coherence: Aspects, Methods, Results. Hamburg: Buske, 1985.
40. *Stubbs M.* Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Chicago: University of Chicago Press, 1983.
41. *VanLehn K., Garlic S.* Cirrus: An Automated Protocol Analysis Tool. P. Langley, 205-17. Los Altos.: Morgan-Kaufman. 1987.
42. *Young R., Stevenson W.B., Nicol T., Gilmore G.W.* Analytical Concordance to the Bible on an Entirely New Plan Containing About 311,000 References, Subdivided under the Hebrew and Greek Originals, with the Literal Meaning and Pronunciation of Each Designed for the Simplest Reader of the English Bible. New York: Funk and Wagnalls. 1936.

ВЫБОРЫ С ПРЕДСКАЗУЕМОМ РЕЗУЛЬТАТОМ: БЛАГО ИЛИ ПРОБЛЕМА ДЛЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ?

.....

Л. В. Сморгун¹

В статье рассматриваются результаты региональных выборов, прошедших в России 14 октября 2012 г. в контексте политической реформы. Основное внимание уделяется проблемам «спорной политики» в электоральном пространстве и влиянию результатов прошедших выборов на дальнейшее развитие политической системы.

Ключевые слова: выборы, «спорная политика», политическая реформа, новые партии.

The paper is concerned to the results of the regional elections in Russia October 14, 2012 in the context of political reform. The author focuses on the problems of «contentious politics» in the electoral space and influence of the electoral results on the further development of the political system.

Key words: election, «contentious politics», political reform, new party.

Прошедшие 14 октября 2012 г. выборы разного формата и уровня в 77 регионах России дали результат, который все более-менее ожидали. Какая-то интрига еще была на выборах губернаторов Брянской и Рязанской областей, острая конкуренция сопровождала выборы мэра Химок, но в целом итог был предсказуем — победит партия «Единая Россия» и ее кандидаты. Конечно, ожидаемая победа была достигнута не без конкурентной борьбы, и единороссам удалось не только подтвердить свое право на название «партии власти», но и укрепить свои политические позиции как в губернаторском корпусе, так и в представительных органах власти разного уровня. Это дало право Президенту России говорить о поддержке населением нынешней политики в среднесрочной перспективе и российской государственности в целом, а оппозиции — системной и внесистемной — пришлось признать, хотя часто и непрямо, свою слабую конкурентоспособность (победа «Единой России» определяется, мол, слабостью

¹ Сморгун Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета. Эл. почта: lvsorgunov@gmail.com

оппозиции). То, что выборы проходили в условиях формирующейся новой многопартийности (из 44 зарегистрированных партий в выборах участвовали 28), в общем, не изменило структуру ожиданий и существенно не сказалось на результате, хотя здесь и появились интересные и перспективные моменты, касающиеся новых партий и интерпретации возникающих политических возможностей. Нельзя сказать, что выборы сопровождались шквалом суждений и оценок. Есть победные реляции «Единой России», критические суждения ее оппонентов, взвешенные выводы ряда аналитиков. Небольшая доля демагогических оценок, которую получили эти выборы из уст некоторых политиков и экспертов, можно отнести либо к раздражению от несбывшихся надежд, либо к разряду технологий политической борьбы. Нарушений на выборах было относительно немного и в основном, как утверждают многие наблюдатели и эксперты, они не могут квалифицироваться как условия фальсификации результатов. Выборы 14 октября состоялись и прошли в соответствии с установленной процедурой. Что дальше?

Достаточно ли того, о чем говорилось на «митинге благодарности» в Пензенской области после выборов депутатов Законодательного собрания (явка избирателей — 48,72%; распределение голосов по пропорциональной системе: «Единая Россия» — 70,64, КПРФ — 12,52, ЛДПР — 4,61, «Справедливая Россия» — 2,87, «Коммунисты России» — 2,69, «Партия пенсионеров» — 2,20%, у остальных пяти партий — меньше процента у каждой)? Представители единороссов благодарили избирателей за поддержку и говорили о том, что сейчас нужно: социальный бюджет, развитие бизнеса, образования, создание новых предприятий и рабочих мест. Слов нет, наказы избирателей и свои обещания нужно выполнять. Но достаточно ли только такой «работы» на благо региона и населения? Чего греха таить, не только на региональном, но и на федеральном уровне часто слышатся справедливые, но недостаточные, на наш взгляд, суждения: говорят скорее об управлении, а не о политике. Однако выборы продемонстрировали, что в политическом отношении есть не только победы, но и проблемы, представляемые некоторыми как проблемы кризиса системы, а на самом деле являющиеся проблемами ее развития.

Политическая реформа 2012 г.: «спорная политика» и политическая борьба

Выборы 14 октября показали, что политическая реформа 2012 г. — не пустой звук, она вносит существенные изменения в политическую систему России. Отчасти это не добровольно избранный, а навязанный ходом событий результат, явный отклик на протестную активность 2011–2012 гг., но не только. Кто следил за вялотекущей дискуссией последних пяти лет о соотношении политического режима вертикали власти и провозглашенной политикой развития (модернизации), тот не смог не заметить, что и радикальные критики

системы, и умеренные аналитики говорили и писали о недостатках, связанных с репрезентативностью в системе политических интересов, и о необходимости расширения публичного пространства российской политики через выборы, развитие гражданского общества, партий, создание общественных советов, форумов и т. д. В этом отношении политические протесты радикализировали дискуссию и перевели ее в плоскость реальной политики, пусть даже и «спорной». Политическая борьба за репрезентативность интересов, особенно новых, увенчалась некоторым успехом. Кому-то хотелось более радикального шага, но в политике действует скорее принцип ответственности, чем стремление во что бы то ни стало осуществить задуманное. Опираясь на идею «развития на основе политической стабильности», властвующие группы интересов предприняли ряд шагов, направленных на смягчение жесткости системы. Некоторые восприняли это как простой камуфляж, однако следует заметить, что реформа была последовательной в отношении означенной идеи и одновременно двигала политическую систему вперед. Можно даже сказать, что режим сделал соотношение властей более подвижным, чем это было ранее, используя инструменты электорального процесса. Во-первых, взаимоувязка центрального, регионального и муниципального компонентов при выборе губернаторов позволила сохранить стабильность за счет большей демократичности процесса формирования региональной исполнительной власти. Это расширило пространство ответственности губернаторов перед населением, муниципальными властями, партиями, сохранив и элементы вертикали власти. Во-вторых, под влиянием «спорной политики» пришло осознание значимости включения государства в публичную сферу, необходимости проведения не только открытой политики, но и открытого управления. Конечно, здесь много проблем, но, как говорится, процесс пошел. Губернаторы и претендующие на этот пост, выступающие на митингах, — это лишь небольшой элемент формирующейся системы публичности и политического лидерства. В-третьих, на выборах 14 октября 2012 г. можно было наблюдать, как прямая демократия в виде движения наблюдателей трансформирует электоральный процесс в отношении ответственности, открытости, честности и т. д. Триста тысяч наблюдателей от различных партий, организаций и гражданских ассоциаций олицетворяли «спорную политику» на выборах (в Химках на один избирательный участок в целом приходилось до 70 наблюдателей). Это зачастую не создавало комфортной ситуации и порождало естественные конфликты, но сам факт такого представительства следует оценить как результат открытой возможности, сформированной в последний год для «спорной политики».

Стоит ли об этом говорить, если результат выборов был предсказуем? На наш взгляд, стоит. И вот почему. Предсказуемость выборов — такой же факт сформированной политической реальности в России, как и протесты или ассоциации гражданского общества. Тот, кто считает это не фактом, а целенаправленной политикой властей, все же признает, что эта политика опи-

рается на некоторые объективные обстоятельства. Предсказуемость выборов опирается на реальные соглашения, которые характеризуют современную политическую систему России, соглашения о разделе властных ресурсов, к которым относится не только сама власть, но и собственность, доступ к знанию, возможность открытых миграций, карьера и т. д. Конгломерат сил, из которых состоит «Единая Россия», един в отношении этого соглашения о разделе. И те, кто приходит голосовать и поддерживает эту партию, поддерживают соглашение. И они это понимают. Обеспечением устойчивости этих разделений служит политическая стабильность. При этом следует понимать, что поддержка политической стабильности порождает предсказуемость выборов. Здесь есть, однако, серьезная проблема. Имеются границы эффективности выборов с предсказуемым результатом.

Сила и слабость выборов с предсказуемым результатом

При оценке прошедших выборов высказывались и противоположные суждения. Эффективность выборов с предсказуемым результатом выражается в экономии затрат на проведение избирательной кампании. Политические партии и избиратели знают исход выборов, а потому партии могут проводить вялотекущую агитацию и пропаганду, а избиратели вообще не ходят на избирательные участки для голосования. Этот экономический подсчет эффективности позволяет объяснить относительно небольшую явку избирателей 14 октября 2012 г. и слабую конкурентность предвыборной борьбы осенью этого года. Но снижение затрат — не единственный показатель эффективности выборов с предсказуемым результатом. Другим показателем выступает способность таких выборов обеспечить жизнеспособность исходного соглашения о разделе прав и обязанностей (т. е. периодически поддерживать его) без применения силы. Соглашение жизнеспособно, если его постоянно подтверждают все участники соглашения. Это, по-видимому, и не устраивает часть оппозиционных политиков. По их мнению, выборы с предсказуемым результатом постепенно превращаются в механизм легитимации и закрепления политического статус-кво тогда, когда его-то и нужно менять.

Конечно, как факт политической реальности выборы с предсказуемым результатом служат объектом политической борьбы и спора. В этом отношении любые объяснения их состоятельности/несостоятельности будут восприниматься сквозь призму политического противостояния. То, что можно в этом случае предпринять, так это указать на условия эффективности данной системы. Отметим здесь два существенных момента: 1) устойчивость этого явления, определяемого логикой политики укрепления политической стабильности на основе широкого гражданского согласия; 2) развитие коалиционной стратегии как внутри правящей партии, так и вне ее с другими политическими

силами. Именно это, с точки зрения нынешней властной элиты, и обеспечивает необходимые условия для энергичного развития страны.

Политические условия энергичного развития

Для осуществления политики развития необходима широкая коалиция политических сил, обеспеченная влиятельным большинством в представительных органах государственной власти на всех уровнях управления. В этом отношении результаты выборов работают на укрепление этих условий. Во всех регионах, где проходили выборы законодательных органов власти, партия «Единая Россия» обеспечила значительное большинство мест (от 64% в Республике Северная Осетия — Алания до 98% в Саратовской области). Однако монополизм «Единой России» не является абсолютным повсеместным и на всех уровнях государственной власти. В Государственной Думе сегодня конституционное большинство обеспечивается коалицией единороссов с либеральными демократами и частью депутатов от справедливороссов, пытающихся создать свою независимую фракцию. На уровне субъектов Федерации стратегия партии тоже состоит в формировании широкой коалиции даже там, где партия получила необходимое большинство. Это происходит не только посредством формальных соглашений, но и через стратегию привлечения к совместной работе тех политических групп, предложения которых работают на политику развития в условиях стабильности. Конечно, здесь возникает ряд вопросов.

Стратегия союзов имеет долговременную перспективу и выполняет стимулирующие функции, если она обеспечивает объединение разных интересов на основе компромисса. Стратегия союзов, направленная на подчинение многообразных интересов одной политической воле, может дать лишь временный тактический успех. При этом тот, кто идет на одностороннее сотрудничество, как правило, проигрывает. Создает ли политическая реформа условия для компромисса и многостороннего обоюдного сотрудничества или она лишь набрасывает покрывало на фактическую монополию одной политической силы? И не являются ли выборы с предсказуемым результатом таким фактом нашей политической реальности, который лишает другие политические силы возможностей для политической борьбы, а значит, реальной возможности принуждения к компромиссу? Каким бы ни было отношение к партии власти, ее доминирующий в политике вес (за счет всех ресурсов) вряд ли подвергается сомнению.

Отметим здесь один примечательный факт. Сама «партия власти» не является единой, а представляет собой относительно устойчивую коалицию сил, использующих ресурс политической власти для сохранения сложившегося распределения прав и обязанностей, собственности и рынков. Ясно, что воспроизводство имеющихся ресурсов и их возрастание может определяться такой стратегией развития, которая не затрагивала бы произошедшее распреде-

ление. Возможно ли это в настоящее время? По-видимому, нет. Современная экономика, основанная на знаниях, диктует выбирать модели развития на основе разнообразия и скорее дифференцирующей справедливости, а не стремления к простому возрастанию богатства общества без учета социальных разрывов и диспропорций. Это, как представляется, признает современная политическая реформа, включающая в механизмы политической борьбы политический плюрализм и коалиционные соглашения на основе компромиссов. Границы эффективности выборов с предсказуемым результатом определяются как раз этими двумя составляющими современного развивающегося политического процесса в России. И это следует признать как победителям, так и тем, кто находится в меньшинстве. Широкое значение «спорной политики» — необходимость признания многообразия интересов и совершенствования избирательного процесса поддержано реформой, но еще предстоит много предпринять шагов для того, чтобы начало не осталось без продолжения.

В этом отношении выборы 14 октября 2012 г. породили у скептиков сомнение в каких-то дальнейших реформаторских действиях. Что здесь сказать? Современная политика, как подтверждают многие события новейшей истории, это улица не с односторонним движением. Подобная банальность — такая же реальность, как и выборы с предсказуемым результатом в последние годы в России. Научный реализм говорит о том, что мир предстает перед нами таким, каким является наше познание этого мира. Он прост и достаточно понятен, если пользоваться шкалой однолинейного мышления. Он запутан и сложен, если включить в процессы нашего мышления понятия неопределенности и открытости к изменениям. И политика может быть линейной и нелинейной, а прагматизм — значит жить сегодняшним днем или учитывать возможность управления посредством будущего, а не прошлого. Посмотрим, как откликнулся российский избиратель на новые партии. Активность наблюдалась в целом на левом фланге. Относительно большую поддержку на выборах региональных парламентов получили «Патриоты России» (в двух регионах они вошли в региональные парламенты), «Коммунисты России», «Зеленые», традиционное «Яблоко» (отнесем ее к левым либералам). Это является некоторым показателем запроса на новую левую идею, а следовательно, движением в сторону справедливости и солидарности. «Спорная политика» еще раньше отразила эту потребность, но не смогла ею воспользоваться из-за политических просчетов, связанных в основном с отсутствием современного политического реализма. Те силы, которые позиционировали себя в качестве радикальной оппозиции, выступили слабо. И это определенное свидетельство ориентации избирателя на союзы и компромиссы, а не расколы и противостояния. В общем, наблюдается нормальный политический процесс, связанный с политической борьбой и использованием стратегических и тактических активов всеми его участниками. И убедительная победа «Единой России» не является гарантией завершения этого процесса. Развития не может быть без изменений.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА: МИЛИТАРИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВ КАК ФАКТОР БОРЬБЫ ЗА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ

.....

Р. Р. Мухаррямов¹

Данная статья посвящена описанию одного из факторов современного политического процесса. Речь идет об активном вооружении стран Каспия в связи с всё возрастающей необходимостью защиты ими своих ресурсных накоплений, обусловленной политической, экономической, военной борьбой за углеводороды между этими странами, имеющими к ним непосредственное отношение.

Ключевые слова: политический процесс, военно-политическая ситуация, Каспийский регион, ресурсный национализм, милитаризация, статус Каспийского моря, нефтегазовые процессы.

The article describes one factor of the modern political process in Caspian region. It is connected with more intense armament of the Caspian states in view of necessity to defend their resource build-up. This need caused by the political, economic, military struggle for hydrocarbons between these countries that have direct concern to them.

Key words: political process, military and political situation, Caspian region, resource nationalism, militarization, the Caspian sea status, oil and gas processes.

С начала 1990-х гг. Каспийский регион оказался в центре соперничества различных стран и политических сил и стал рассматриваться в качестве источника богатых природных ресурсов, прежде всего углеводородного сырья. Для прикаспийских государств контроль над каспийскими ресурсами и их эксплуатация — одно из важнейших условий укрепления своей государственности и строительства политических институтов.

¹ Мухаррямов Ремир Равилевич – аспирант кафедры политологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: rm-proekt-lotos@mail.ru

Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2012-1.2.1-12-000-3006-022 «Вызовы и угрозы этнополитической безопасности Юга России: Прикаспийский вектор социально-политической стабильности российского государства».

Всё возрастающая конкуренция по поводу энергетических ресурсов Каспийского бассейна дала толчок к формированию военно-политических противоречий между прибрежными странами. Борьба за ресурсы приобретает форму военно-политической конкуренции прикаспийских государств за нефтегазовые месторождения и трубопроводные направления.

В данной статье акцент делается на политических процессах в регионе, в частности, исследуются доктринальные основы, связанные с реализацией военных стратегий прикаспийских стран, а также некоторые аспекты внутренней и внешней политики государств.

Сила государства зависит от ресурсного накопления и ресурсных возможностей; в свою очередь, убедительность стратегии ресурсного накопления стала сама зависеть от мощи такого института государства, как армия и флот. Значительная часть доходов от экспорта углеводородов систематически (начиная с 2001 г.) реинвестировалась в вооружённые силы, чтобы гарантировать политический контроль над сырьевыми богатствами. Нефтегазовый бизнес, опирающийся на силу государства, национальное военное строительство, а также военно-морская безопасность стали частями единой политической стратегии прикаспийских государств.

Армия — один из ключевых институтов государства, она выступает важным символом и гарантом его политического суверенитета. Практически для всех государственных новообразований, появившихся в последние годы на постсоветском пространстве, создание собственной армии стало одной из первейших задач. В странах Каспийского региона главная задача военной политики и строительства армии — защита ключевых отраслей государственной экономики, которые поддерживают политические режимы и формируют политическую мощь государств. Речь идет о нефтегазовых ресурсах, контроль над которыми — главная цель правящих элит новых прикаспийских государств. В достижении этой цели важная роль отводится росту милитаризации и демонстрации военной силы.

Каспийский фактор приобрел конфликтогенный характер в силу его гипертрофированной политизации со стороны ряда государств. Всё возрастающий спор вокруг энергетических ресурсов Каспийского моря дал толчок к формированию военно-морских сил прикаспийских государств. Рост их военных потенциалов, который выражается прежде всего в наращивании вооружений и усилении флотов, свидетельствует о том, что эти страны готовятся к защите национальных ресурсных секторов. Соотношение военно-морских сил и раньше оказывало существенное влияние на ситуацию в регионе, однако именно на современном этапе военный фактор прочно связан с ресурсными планами прикаспийских государств и готовностью защищать свои интересы акциями устрашения.

Военно-политическая ситуация в Каспийском регионе в последние годы характеризуется высокой динамичностью, обусловленной активизацией конкурентной борьбы между прибрежными государствами, а также стремлением внерегиональных сил осуществлять контроль над углеводородными ресурсами Каспия и маршрутами их транспортировки на мировые рынки.

Основным вызовом и угрозам региональной безопасности в Каспийском регионе способствуют противоречия между прикаспийскими государствами относительно правового статуса Каспия.

Во-первых, не решена проблема разграничения водного и воздушного пространства, над которым прибрежные страны планируют установить режим национального суверенитета. Важность решения этой проблемы связана в первую очередь с охраной нефтегазовых месторождений, а также с прокладкой трубопроводов по дну моря, находящихся в ведении стран, по территориям которых они проходят;

Во-вторых, не решена и проблема разграничения морского дна. На сегодняшний день соглашение о разграничении морского дна подписано тремя государствами — Россией, Казахстаном и Азербайджаном (разделено 64% акватории моря). В соответствии с этими соглашениями Казахстан получил контроль над 27% дна, Россия контролирует 19%, а Азербайджан — 18%. Ирану предлагается 14% шельфа, однако он претендует на 20% и настаивает на переносе границы на 80 км севернее линии, по которой прежде проходила морская граница СССР. Эта позиция Тегерана получила поддержку со стороны Туркмении.

Все прикаспийские страны, включая Россию, начали наращивать свою военную силу. Их лидеры оказались напуганными перспективой дестабилизации обстановки в регионе. Появились сторонники силовых мер в разрешении споров за месторождения нефти на каспийском шельфе. Имели место резкие обострения отношений между Азербайджаном и Туркменией, Азербайджаном и Ираном из-за месторождений нефти в южной части Каспийского моря. Указанная тенденция положила начало созданию военных флотов на Каспии прибрежными странами для защиты спорных территорий и развитию береговой оборонной инфраструктуры. Все прикаспийские страны понимают возможность силовых сценариев, связанных с борьбой за доминирование на Каспии. В конце августа 2006 г. в районе г. Актау прошли военные учения «Рубеж-2006». Итоги учений подводились в штабе Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и в Министерстве обороны Казахстана. Обсуждалась также идея создания на Каспии пятисторонней военно-морской группировки «Касфор» (по типу «Блэксифор» на Чёрном море). Однако эта идея не получила поддержки всех прибрежных государств, что свидетельствует о сохраняющемся недоверии между ними.

Данная тенденция со временем лишь усиливается и сегодня процесс милитаризации Каспия опережает процесс урегулирования его международно-

правового статуса. Таким образом, энергетические и транспортные проблемы Каспия переросли в военно-политическое противоборство.

В июле 2011 г. представители прикаспийских государств собрались в Москве на очередное заседание рабочей группы по статусу Каспия. Несмотря на то что стороны высоко оценили своё стремление к миру и сотрудничеству, встреча закончилась безрезультатно. Данное мероприятие (29-е по счёту за 20 лет после распада СССР) показало, что пять прикаспийских государств не добились значимых результатов в вопросе определения международно-правового статуса Каспия.

Становится очевидным, что правовая неопределённость Каспия в сочетании с усиливающимся вниманием к региону западных стран и альянсов стимулирует военное строительство прибрежных государств. Наиболее интенсивные усилия в этом направлении предпринимает Россия. В мае 2011 г. главнокомандующий Российским военно-морским флотом адмирал Владимир Высоцкий объявил на совещании в Астрахани, что российская Каспийская военная флотилия в ближайшее десятилетие получит как минимум 16 новых кораблей. К концу 2011 г. флотилия будет оснащена двумя новыми ракетными и тремя десантными кораблями. В дополнении к этому правительство собирается вооружить Каспийскую военную флотилию новыми береговыми противокорабельными ракетными комплексами «Бастион», имеющими в своем арсенале сверхзвуковые ракеты «Яхонт». В. Высоцкий также отметил, что ВМФ планирует увеличить протяжённость существующих причалов в Махачкале. Таким образом, Каспийскую военную флотилию сформируют из двух соединений, которые смогут базироваться в Астрахани и Махачкале [2, с. 219].

Остальные прикаспийские страны также усиливают свой военно-морской потенциал. Следует помнить, что все они вполне платежеспособны и в состоянии заниматься серьёзным военным строительством.

В связи с военно-политической ситуацией в Каспийском регионе определяющую роль в продвижении национальных интересов прикаспийских государств в международных отношениях на Каспии играет военный фактор, включающий военно-морской потенциал. Прикаспийские государства начали активно вооружаться, их военные расходы стабильно растут, что служит первым признаком растущего недоверия друг к другу. К примеру, в 2011 г. по сравнению с 2010 г. общие военные расходы на национальную оборону в прикаспийских государствах выросли на 23% и составили около 82 млрд дол. [5].

В среднем валовой внутренний продукт прикаспийских государств увеличился в 2010 г. только на 4,5%. Прирост же военных расходов значительно опережает этот показатель, что позволяет говорить о высоких темпах милитаризации Каспия, так как абсолютный рост военных расходов в прикаспийских государствах опережает рост ВВП этих стран.

Рост военных бюджетов прикаспийских государств свидетельствует о том, что они взяли курс на переоснащение своих армий новыми видами вооружения и военной техники. Это требует значительных затрат и говорит о платежеспособности трёх молодых каспийских государств: Азербайджана, Казахстана, Туркмении.

Следует также отметить высокие темпы и синхронность наращивания военных потенциалов Туркмении и Азербайджана. При этом после распада СССР ВМФ Азербайджана получил гораздо больше военной техники, нежели ВМФ Туркмении. Ашхабад укрепляет флот благодаря импорту (в основном из Украины, в счет поставок газа) и аренде у Ирана. Азербайджан же делает ставку на военно-техническое сотрудничество с Израилем. Речь идёт о строительстве Израилем в Азербайджане завода по производству беспилотных летательных аппаратов. Выпущенные беспилотники уже ведут наблюдение за участками спорных месторождений нефти Туркмении и Ирана, а также вдоль азербайджанско-иранской границы.

Анализ проведенных военных учений на Каспии свидетельствует о том, что вопрос из области дипломатии все больше переходит в область военно-дипломатическую. Этот факт подтверждает рост числа военных учений, в которых задействованы каспийские государства. Так, например, с 2003 по 2012 г. было проведено 11 военных учений различного уровня. В сентябре 2012 г. несколько прикаспийских стран активизировали военную деятельность в регионе. Так, на полигоне «Аданак» в Дагестане прошли учения «Кавказ-2012». В ходе учений отрабатывались совместные действия подразделений мобильного берегового ракетного комплекса «Бал» Каспийской флотилии ВМФ и артиллерийских батарей морской пехоты РФ. Одновременно на восточной стороне Каспия впервые в своей истории ВМС Туркмении провели крупномасштабные учения «Хазар-2012», которые, по словам президента Гурбангулы Бердымухамедова, были предприняты «в целях совершенствования боевой подготовки вооруженных сил страны». Участие в учениях помимо впервые задействованных военно-морских сил страны приняли фактически все рода войск национальных вооружённых сил. За учениями наблюдали президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов, члены правительства, руководители Меджлиса (парламента), а также приглашённые главы и военные атташе аккредитованных в стране дипломатических миссий. Туркменский лидер озвучил замысел первых крупномасштабных учений «Хазар-2012» на Каспии следующим образом: «Как и любому государству, имеющему выход к морю, нашей стране необходимо обеспечить надежную охрану и безопасность морских границ» [3]. По словам туркменского президента, разработана и утверждена программа развития военно-морских сил, а учения «Хазар-2012» призваны продемонстрировать их современный мощный оборонительный потенциал. В манёврах были задействованы ВМФ, ВВС и сухопутные силы, а также спец-

наз МНБ (Министерство национальной безопасности) и подразделения МВД. Отрабатывались действия по отражению нападения условного противника, проникшего на территорию Туркмении со стороны Каспия с целью выведения из строя военных объектов, захвата торговых судов, НПЗ и трубопроводов [1].

На мой взгляд, нейтральной Туркмении необходимо демонстрировать свою военную мощь в связи с недавним конфликтом с Азербайджаном. Между Ашхабадом и Баку есть разногласия по поводу принадлежности нефтегазовых месторождений Сердар (Азербайджан называет его Кыпаз), Осман и Омар (Азери и Чираг), которые располагаются на спорной территории Каспия.

Проводимые военные учения на Каспии тесно связаны с защитой ресурсов в регионе. В случае обострения ситуации возможны конкретные боевые действия. Как сообщает радио «Азаттык», нарастающая гонка вооружений впервые стала заметна осенью 2011 г., когда Россия и Казахстан провели совместные военные учения в акватории Каспийского моря. Начальник Генштаба ВС РФ назвал учения мерой предосторожности — подготовкой на случай «экспорта нестабильности из Афганистана после вывода войск НАТО из этой страны». Однако, по сообщению радио, газета «Московский комсомолец» опубликовала карту, которая предположительно отражала «истинный сценарий учений — он состоял в обороне нефтяных месторождений Казахстана от нескольких эскадрилий боевых самолетов F-4, F-5 и Су-25». Судя по курсу и моделям самолетов, условный противник прибыл из Ирана [4].

Как было сказано, вопрос о морских границах Азербайджана, Казахстана и Туркмении, особенно с Ираном, до сих пор остается неясным. В спорных водах имеются богатые месторождения нефти и газа, поэтому Азербайджан, Казахстан и Туркмения тратят деньги на защиту источника своих новых богатств. Эти три государства создают свои ВМС с нуля, а Россия и Иран укрепляют уже имеющиеся ВМС. Сказанное свидетельствует о том, что прикаспийские страны скрывают свои намерения, а это ведёт к недоразумениям, способным породить конфликты. Ирония в том, что официально власти всех пяти стран призывают к демилитаризации Каспия, а наращивание вооружений объясняют в основном угрозой терроризма или пиратства. Мы видим классический случай восприятия соседями оборонительных усилий как наступательных.

Таким образом, именно давление «ресурсного национализма», а не систематическая и упорядоченная политическая конкуренция объясняет переход к силовым аргументам в Каспийском бассейне. Логика ресурсного накопления запустила милитаризационные стратегии каспийских стран, политически укрепляющих прибрежные государства. Эти процессы поддерживали усиление политической субъектности правящих элит прикаспийских государств и их заявку на субъектность в каспийской политике.

Ресурсная конкуренция принимает форму необъявленного соперничества, заставляя государства наращивать военную мощь для защиты ресурсных ме-

сторождений и торговых путей. Поскольку Каспийское море оказалось территориялизировано, торговые порты и прилегающие к ним территории всё больше связываются условными линиями военизированного контроля.

Основная причинно-следственная цепочка нашего рассуждения может быть изложена в следующей последовательности: ресурсный эгоизм («ресурсный национализм») — внутрикаспийская политическая конкуренция — попытки государственной монополизации ресурсов и контроля над добычей углеводородов — военно-техническое противостояние и милитаризация Каспия.

На современном этапе, особенно в период глобализации, военный фактор связан прежде всего с теми политическими процессами, которые происходят в регионе и непосредственно отражают ресурсные интересы прикаспийских государств и их стремление отстаивать свои позиции посредством не только мирной дипломатии, но и военной силы или акций устрашения.

Библиографический список

1. *Князев А.А.* Каспий милитаризуется. ШОС расширяет влияние в регионе // Независимая газета. 2012. 17 сент.
2. *Магомедов А.К., Никеров Р.Н.* От Большого Каспия до Сахалина. Характер и рубежи борьбы за энергоресурсы Северной Евразии на этапах посткоммунизма. Ульяновск: УЛГТУ, 2010.
3. *Оруджев Р.* Чем закончится гонка вооружений на Каспии. URL: <http://www.zerkalo.az/2012/chem-zakonchitsya-gonka-vooruzheniy-na-kaspii/>.
4. Радио «Азаттык». На Каспийском море растёт гонка вооружений. Казахская служба РСЕ/РС. URL: <http://rus.azattyk.org/content/caspy-neft-vooruzhenie-kuchera/24628331.html>
5. *Тайров Р.* К 2015 году Каспий станет одним из самых нестабильных регионов мира: Минобороны Казахстана. URL: <http://www.regnum.ru/news/1571828.html>

References

1. *Knjazev A.A.* Kaspij militarizuetsja. ShOS rasshirjaet vlijanie v regione // Nezavisimaja gazeta. 2012. 17 sent.
2. *Magomedov A.K., Nikerov R.N.* Ot Bol'shogo Kaspija do Sahalina. Harakter i rubezhi bor'by za jenergoresursy Severnoj Evrazii na jetapah postkommunizma. Ul'janovsk: UIGTU, 2010.
3. *Orudzhev R.* Chem zakonchitsja gonka vooruzhenij na Kaspii. URL: <http://www.zerkalo.az/2012/chem-zakonchitsya-gonka-vooruzheniy-na-kaspii/>.
4. Radio «Azattyk». Na Kaspijskom more rastjot gonka vooruzhenij. Kazahskaja sluzhba RSE/RS. URL: <http://rus.azattyk.org/content/caspy-neft-vooruzhenie-kuchera/24628331.html>
5. *Tairov R.* K 2015 godu Kaspij stanet odnim iz samyh nestabil'nyh regionov mira: Minoborony Kazahstana. URL: <http://www.regnum.ru/news/1571828.html>

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК АКТОР СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

.....

Н. А. Баранов¹

Русская православная церковь рассматривается в качестве динамичного влиятельного субъекта публичного пространства, постоянно увеличивающего свое влияние в обществе и успешно использующего политические сети для решения своих задач. РПЦ претендует на роль посредника в общении верующих граждан и власти, что следует из ее моральных принципов и позиции, выработанной в последние годы. Возглавив борьбу за нравственность, Русская православная церковь использует все предоставленные ей возможности, эффективно используя преимущества сетевого взаимодействия.

Ключевые слова: Основы социальной концепции РПЦ, политические сети, Русская православная церковь, сетевое взаимодействие, церковь и государство, церковно-государственные отношения.

The Russian Orthodox Church is considered as the dynamical influential subject of the public space constantly increasing the influence in a society and successfully using political networks for the decision of the problems. The Russian Orthodox Church applies for a role of the intermediary in dialogue of believing citizens and the power that follows from its moral principles and a position developed last years. Having headed struggle for morals, the Russian Orthodox Church uses all possibilities given to it, effectively using advantages of network interaction.

Key words: Bases of the social concept of Russian Orthodox Church, political networks, Russian Orthodox Church, network interaction, church and the state, relations between church and the state.

Одним из наиболее динамичных акторов сетевого взаимодействия, поддерживающем тесные контакты как с представителями гражданского общества, так и с властными структурами, является Русская православная церковь. РПЦ эффективно участвует в общественной и государственной жизни страны, твердо отстаивая свои позиции и настойчиво продвигая свои интересы, вступая при этом в политические и социальные сети, объединенные общим

¹ Баранов Николай Алексеевич – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех». Эл. почта: nicbar@mail.ru

интересом, взаимозависимостью, сотрудничеством и равноправием. Призывы патриарха Кирилла скорректировать политический курс после декабрьских выступлений, «непраздные мысли» Вс. Чаплина, призывы к интеллигенции митрополита Илариона свидетельствуют об активной жизненной позиции РПЦ и расширении ее влияния на умы и сердца людей. Представители самой крупной религиозной конфессии своевременно и своеобразно откликаются на злободневные проблемы российской политической жизни, взаимодействуют с другими участниками сети на базе ресурсной зависимости, совершенствуя коммуникативные связи с другими сетевыми акторами, представляющими кооперативный интерес. Конкурс «Православная инициатива» по развитию культуры, регулярные съезды православных врачей, ежегодные Рождественские образовательные чтения, сотрудничество в различных формах с МЧС, Вооруженными силами РФ и правоохранительными органами, Счетной палатой, другими государственными структурами позволяют РПЦ оставаться актором, в сотрудничестве с которым заинтересованы как государственные органы, так и гражданское общество. Опыт участия РПЦ в публичной политике может быть рассмотрен как успешный пример креативного подхода и использования специфических ресурсов в целях получения конкурентного преимущества перед другими участниками сетевого взаимодействия.

В современном научном дискурсе все больше уделяется внимания анализу такого инструмента взаимодействия государственных органов и структур гражданского общества, как политические сети, объединенные общим интересом, взаимозависимостью, сотрудничеством и равноправием. Л. Сморгунов выделяет основные характеристики политических сетей. Во-первых, они представляют собой такую структуру управления публичными делами, которая связывает государство и гражданское общество и состоит из множества разнообразных государственных, частных, общественных организаций и учреждений, имеющих некий совместный интерес. Во-вторых, политическая сеть складывается для выработки соглашений в процессе обмена ресурсами, имеющимися у ее акторов, что предполагает их заинтересованность друг в друге. В-третьих, важным элементом политической сети выступает общий кооперативный интерес, отличающий ее от рынка, где каждый участник преследует прежде всего собственные интересы. В-четвертых, между участниками сети складываются горизонтальные связи, так как с точки зрения возможностей формирования совместного решения все они равны. В-пятых, сеть — это договорная структура, основанная на согласованных формальных и неформальных правилах коммуникации, в которой действует особая культура консенсуса. «В целом, — констатирует Л. Сморгунов, — политическая сеть представляет собой систему государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему

всех политическому вопросу, используя при этом формальные и неформальные нормы» [19, с. 685–686].

Теория политических сетей учитывает коммуникативные процессы постиндустриального общества и демократическую практику современных государств, так как переговорное взаимодействие в сетях становится наиболее востребованным направлением исследований с учетом повышения значимости знания и технологий коммуникации. Всем перечисленным характеристикам в полной мере соответствует деятельность Русской православной церкви как важного субъекта публичного пространства, постоянно увеличивающего свое влияние в обществе и успешно использующего политические сети для решения своих задач.

Русская православная церковь — самая крупная религиозная организация в России, которая является не только влиятельным публичным субъектом на постсоветском пространстве, но и культурообразующим фактором русской нации. РПЦ откликается на все проблемы, возникающие в российском обществе, ведет активный диалог с государством по интересующим ее паству вопросам, оставаясь наиболее значимым негосударственным актором публичной сферы. В изменяющихся социально-политических условиях Церковь переживает внутренние трансформации, связанные с деятельностью обновленной команды, сформировавшейся вокруг патриарха Кирилла.

Взаимоотношения между Церковью и государством переживали различные этапы в своем становлении. Так, в 1990-е гг. государство передавало в церковную собственность храмы, земли, исторические памятники архитектуры, ранее принадлежавшие РПЦ, что было обусловлено комплексом вины, сложившимся у российской власти перед Церковью за годы коммунистического правления. Причем решения в пользу Церкви принимались нередко теми, кто ранее осуществлял политику секуляризации. Как отмечает Н. Митрохин, «передача изъятого большевиками имущества превратила церковь в единственный социальный институт, в отношении которого в современной России действует принцип реституции» [8].

В 2000-е гг. взаимоотношения стали строиться в большей степени на взаимной поддержке и доверии светской и духовной власти. Так, взамен на поддержку государство разрешает Церкви создание института армейского духовенства, проведение занятий по основам православной культуры в школах; проводит консолидированную работу по борьбе с наркотиками, алкоголизмом, безнравственностью, по возрождению величия державы.

Существенные изменения затронули и саму Церковь: происходит процесс смены поколений верующих, характеризующийся резким омоложением контингента постоянных посетителей храмов. Социологические опросы, проводившиеся в последние два десятилетия различными социологическими службами (Левада-Центр, ФОМ, ВЦИОМ), дают устойчивую картину: около 59–66%

граждан России с конца 1990-х гг. и по настоящее время на вопрос об их религиозной самоидентификации признают себя православными [16].

К середине 2000-х гг. в церковь стали приходить представители более молодых поколений и средний возраст верующих начал интенсивно снижаться. Наиболее представительной частью церковной паствы стали женщины в возрасте 40–55 лет, имеющие среднее или среднее специальное образование и представляющие либо экономически успешный слой населения (работницы торговли, бухгалтеры, чиновницы или домохозяйки), либо интеллигенцию самого разного возраста (в провинции — школьные учителя и врачи, в крупных городах — вузовские преподаватели, ученые, журналисты). Специалисты отмечают, что заметной группой прихожан стали девушки в возрасте 16–25 лет с высоким уровнем образования (студентки, молодые специалисты до замужества) [8].

Большинство называющих себя православными главным в религии считают не спасение души или путь к вечной жизни, а обретение моральных и нравственных норм повседневной жизни [4, с. 73], что повышает значимость РПЦ в наше время, характеризующееся упадком нравственности и поиском национальной идеи.

В соответствии со ст.14 Конституции Российская Федерация является светским государством, в котором религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. В советское время Церковь законодательно была лишена возможности заниматься социальной работой, и лишь в январе 1991 г. был образован Отдел по церковной благотворительности и социальному служению Московского патриархата. Роль и влияние Церкви в обществе стали резко возрастать, что привело к потребности в принятии соответствующего регулирующего документа. В настоящее время отношение с государством РПЦ выстраивает в соответствии с Основами социальной концепции Русской православной церкви [10] — официального документа, утвержденного на юбилейном Архиерейском соборе 2000 г., в котором представлено понимание современной ситуации с сознательно консервативных, традиционалистских позиций.

В Основах социальной концепции излагаются базовые положения учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем. Документ также отражает официальную позицию Московского патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом. Помимо этого, он устанавливает ряд руководящих принципов, применяемых в данной области епископатом, клиром и мирянами. В частности, РПЦ может взаимодействовать с государством в делах, служащих благу самой Церкви, личности и общества. Она призвана принимать участие в устройении человеческой жизни во всех областях, где это возможно, объединяя соответствующие усилия с представителями светской власти.

Наиболее приемлемая форма политического присутствия Церкви в светском обществе — это, по выражению А. Кураева, «тактичное социальное партнерство» [7, с. 98].

Данное положение служит основанием для участия РПЦ во всех возможных формах сотрудничества как с государственными и муниципальными органами, так и со структурами гражданского общества для реализации своих целей. Причем сегодня речь идет об активизации Церкви в отношениях с обществом, которая по словам патриарха Кирилла, «должна идти к народу», а ее деятельность «нужно оценивать не только по числу храмов и монастырей, но и по влиянию, которое Церковь оказывает на жизнь людей и общество» [3, с. 10].

Примером такого сотрудничества является принятый 4 февраля 2011 г. Архиерейским собором Русской православной церкви документ «О принципах организации социальной работы в Русской православной церкви» [9], в котором социальное служение Церкви (благотворительность, социальная деятельность, диакония) характеризуется как «инициированная, организованная, координируемая и финансируемая Церковью или с ее помощью деятельность, имеющая своей целью оказание помощи нуждающимся». К делу социального служения Церкви в соответствии с документом могут привлекаться сотрудники государственных социальных и медицинских учреждений (врачи, медицинские сестры, педагоги, воспитатели, обслуживающий персонал интернатов, социальные работники и т. д.), в том числе не являющиеся активными членами Церкви. В делах милосердия и благотворительности РПЦ может сотрудничать с центральными, региональными и местными органами власти, благотворительными и иными общественными организациями и объединениями граждан, представителями традиционных религий и конфессий, политическими партиями, профсоюзами, деловым сообществом, что служит основой для формирования сетевых сообществ в решении взаимозаинтересованных проблем.

В качестве важного ресурса, обеспечивающего современное лидерство церкви, является ее способность откликаться на наиболее злободневные проблемы в обществе. У РПЦ есть четко выверенная точка зрения на все актуальные проблемы современной России: модернизацию, бюрократизацию, борьбу с бедностью, распространение наркотиков, алкоголизм.

Руководители РПЦ — частые гости в государственных органах власти. Так, 21 декабря 2011 г. состоялась встреча председателя Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополита Волоколамского Илариона с коллективом Счетной палаты Российской Федерации. В своем выступлении, посвященном теме «Духовность и нравственный контроль как противодействие коррупции», председатель ОВЦС, в частности, отметил большое значение религиозного фактора в борьбе с этой опасной болезнью нашего общества: «Церковь постоянно возвышает свой голос, призывая и верующих, и неверую-

щих избегать пороков сребролюбия, хищения и лихоимства, ведущих людей к духовной гибели, бескомпромиссно бороться с ними» [11].

Российские исследователи все чаще отмечают наступательную стратегию РПЦ, которая меняет саму Церковь и претендует на соответствующие перемены в обществе. Например, А. Малашенко выделяет три основных направления в стратегии нового патриарха: внедрение Церкви в общественно-политическую жизнь, активизация миссионерской деятельности и борьба в информационно-аналитическом пространстве, которые, по его мнению, невозможно эффективно реализовать без сотрудничества с государством [13, с. 402–403].

Однако Церковь взаимодействует не только с государством, но и с общественными структурами. Так, 29–30 сентября 2011 г. в г. Твери состоялся III Всероссийский съезд православных врачей, в котором приняли участие делегаты из 65 регионов Российской Федерации, а также из Белоруссии, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдовы и Украины. Организаторами съезда выступили Общество православных врачей России, правительство Тверской области, администрация города Тверь, Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению, Тверская и Кашинская епархия, Тверская государственная медицинская академия.

В январе 2012 г. были подведены итоги конкурса «Православная инициатива-2011». Главная цель конкурса — поддержка гражданских инициатив, развивающих масштабное и разностороннее сотрудничество между Церковью, православной общественностью, предпринимателями и государством. В конкурсе принимали участие проекты, в основе которых стояла реальная деятельность людей, направленная на объединение всех слоев современного российского общества вокруг традиционных православных ценностей. Митрополит Калужский и Боровский Климент, комментируя итоги конкурса, обратил внимание на восполнение недостатка социальной инфраструктуры по направлению «Культура»: «Нужны семейные досуговые центры, новые библиотечные фонды, на базе которых существовала бы возможность людям из глубинки узнать о христианском мировоззрении, приобщиться к традиционным ценностям русской семьи. Родниками национальной культуры являются малые города и села. Мегаполисы в этом отношении представляются скорее котлами, где осуществляется процесс растворения множества культур в едином наднациональном пространстве» [12].

РПЦ, регулярно присуждая премии, например, Патриаршую литературную премию, премию Международного общественного фонда единства православных народов и некоторые другие, вовлекает в орбиту своих интересов наиболее активных граждан, придерживающихся православных взглядов.

Примером сетевого взаимодействия, в котором РПЦ играет решающую роль, могут служить также различные организации, форумы, среди них выделяются Всемирный русский народный собор и Рождественские чтения.

Всемирный русский народный собор — международная общественная организация, функционирующая под эгидой РПЦ, существующая с 1993 г. и призванная способствовать формированию гражданского общества России. В его заседаниях традиционно принимают участие представители всех ветвей власти, лидеры общественных объединений, высшее духовенство традиционных религий России, преподаватели и студенты крупнейших учебных заведений страны, деятели науки и культуры, делегаты русских общин из ближнего и дальнего зарубежья, многочисленные представители молодёжи. С момента создания ВРНС главой этой общественной организации является Патриарх Московский и всея Руси.

Цель этой международной общественной организации — привлечение общественного мнения к наиболее острым вопросам современности. ВРНС стал общественной площадкой и местом встречи людей, которые независимо от политических взглядов объединены одной целью — заботой о настоящем и будущем России [17].

На XV Всемирном русском народном соборе, состоявшемся в 2011 г., обсуждался актуальный для российского народа вопрос базисных ценностей, вакуум которых особенно остро ощущается в последние годы. Не позиционируя себя ни с одной из политических партий, Церковь тем не менее обращает внимание на ответственность за политический выбор в предстоящей избирательной кампании, результаты которой будут определять жизнь страны на годы вперед. Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл озвучил набор ценностей, которые предлагаются обществу: «справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, достоинство, честность, патриотизм, солидарность, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность». От имени Патриаршего совета патриарх предложил для обсуждения триаду «вера, Родина, свобода» [2]. РПЦ призвала к тому, чтобы сформулированный ею набор фундаментальных ценностей учитывался при принятии правовых и политических решений в государстве.

Включение в качестве основных ценностей свободы является, с одной стороны, неожиданным предложением Церкви, а с другой — хорошо просчитанным ее иерархами потребностью, в которой нуждается современное российское общество, что было подтверждено массовыми выступлениями гражданского общества в декабре 2011 — марте 2012 г.

Коммерциализация всех сфер человеческого бытия, говорится в Соборном слове собора, несет угрозу духовной целостности человека, превращая людей в рабов потребления, теряющих высшие духовные ориентиры. В то же время выражается уверенность в том, что «восточнославянская цивилизация скажет свое весомое слово в диалоге мировых цивилизационных проектов, покажет пример преодоления трудностей на основе духовного единства, солидарности,

обращения к вечным ценностям и идеалам» [18], которые сохраняются в нашей многовековой традиции.

Другой публичной формой, используемой РПЦ для влияния на государственные вопросы, являются Рождественские чтения — крупнейший в Российской Федерации ежегодный церковно-общественный форум, который дает возможность выразить позицию Церкви в области образования, обсудить важнейшие вопросы церковно-государственного сотрудничества, сохранения традиционных семейных ценностей, православного воспитания детей и юношества, развития взаимоотношений РПЦ со светским обществом. В Рождественских чтениях принимают участие патриарх и священноначалие Русской православной церкви, представители органов исполнительной, законодательной и судебной власти, ученые и общественность. Так, XX Международные Рождественские образовательные чтения, прошедшие 22–25 января 2012 г. в Москве, обсудили тему: «Просвещение и нравственность: забота Церкви, общества и государства». В рамках Рождественских чтений были заслушаны доклады на заседании секции «Военно-патриотическое воспитание молодежи», проведены мастер-тренинги по социальному проектированию, ряд конференций по направлению «Церковь и культура», в рамках которых был обобщен опыт создания электронных библиотек.

РПЦ принимает активное участие в решении других социальных проблем. Так, эффективно функционирует совместная рабочая группа Государственного антинаркотического комитета и Русской православной церкви, в состав которой входят представители Церкви и федеральных министерств и ведомств — Минздравсоцразвития, Минобрнауки, Минэкономразвития, ФСИН, ФСКН. Успешно взаимодействуют представители Церкви и уполномоченные по правам ребенка федерального и регионального уровня, акцентируя внимание на развитии деятельности в сфере заботы о приемных семьях, о детях, которые остаются без попечения родителей, детях-инвалидах. МЧС активно сотрудничает с РПЦ в деле устранения последствий влияния тоталитарных сект.

Для политических сетей в качестве эффективного коммуникационного средства особую значимость приобретает Интернет, с помощью которого РПЦ взаимодействует с другими сетевыми акторами, выражает свое отношение к происходящим событиям, комментирует те или иные явления политической жизни, обозначает официальную позицию руководства Церкви по актуальным вопросам современной действительности. Посредством Интернета различные структуры Церкви взаимодействуют с мирянами и со всем обществом.

Православный Рунет появился в 1996 г. На март 2012 г. среди интернет-ресурсов РПЦ насчитывается 267 епархиальных сайтов (в 2010 г. — 199, в 2011 г. — 230), 439 сайтов монастырей (в 2010 г. — 337, в 2011 г. — 414), 2175 сайтов храмов (в 2010 г. — 1445, в 2011 г. — 1907), а также 108 сайтов духовных академий и семинарий (в 2010 г. — 96, в 2011 г. — 102), 1663 сайтов православ-

ных СМИ (в 2010 г. — 1125, в 2011 г. — 1485), 163 домашних страницы священников (в 2010 г. — 132, в 2011 г. — 161) [5]. Создано сообщество православных веб-разработчиков, председателем которого до февраля 2011 г. являлся Александр Дятлов.

Официальные сайты имеют все сколь-нибудь значимые структуры Русской православной церкви, большинство из которых регулярно, а зачастую ежедневно обновляются. Находится в стадии активного развития православная блогосфера (в марте 2012 г. насчитывалось 355 форумов и блогов для православных) [6], в которой обсуждаются как религиозные, так и светские злободневные темы. Так, широко известен форум миссионерского портала протоиерея А. Кураева [20]. Статистика форума впечатляет: на 17 марта 2012 г. зарегистрировано 4653363 сообщений в 75385 темах от 32555 пользователей.

РПЦ за последние годы стала более современной благодаря критическому пересмотру форм и методов работы священнослужителей с верующими. Еще при предыдущем патриархе, а в большей степени при нынешнем, в церковь стала привлекаться образованная, социально и экономически успешная молодежь. Дискуссия о допустимости проповедничества священника на рок-концерте была завершена после участия в одном из концертов, организованных в 2008 г. в Киеве диаконом Андреем Кураевым, митрополита Кирилла, ставшего первым постоянным членом Священного синода, принявшим участие в подобном мероприятии. По мнению Н. Митрохина, после 2005 г. возник неформальный идеологический блок, который он называет «молодой церковью» [8]. В 2009 г. ее представители оказались на значимых должностях в Московской патриархии.

Твердая убежденность в избранном пути, высокая теоретическая подготовка, креативное мышление интеллектуалов от РПЦ — все эти качества привлекают общество, которое перестало с недоверием относиться к Церкви. Таким образом, Русская православная церковь, используя все возможности, предоставляемые законодательством Российской Федерации, активно и эффективно участвует в общественной и государственной жизни страны, твердо отстаивая свою позицию и настойчиво продвигая свои интересы. Будучи религией большинства, она пронизывает в значительной степени государственную жизнь и государственные структуры. В свою очередь политическая власть использует Церковь в качестве одного из ресурсов для дополнительной легитимации. Сотрудничество с РПЦ даже Коммунистической партии свидетельствует о том, что марксистские каноны заменяются жизненной потребностью в угоду политической целесообразности.

Церковь сохраняет лояльность государству, акцентируя внимание на воспитании нравственности и формировании в обществе моральных ценностей, присущих православию. Опираясь в ряде вопросов на государство, РПЦ следует принципу, не позволяющему государственным структурам проникать

в церковные дела, одновременно оставаясь важнейшим субъектом публичной сферы и значимым институтом в жизни большинства граждан России. Как пишет С. Филатов, конец 2010 г. для руководства РПЦ стал «временем триумфа за поддержку и помощь со стороны светской власти» [13, с. 59], так как она получила все, о чем мечтала: присутствие религиозно ориентированных дисциплин в школе, участие духовенства в Вооруженных силах и возвращение Церкви незаконно отнятого у нее имущества.

В начале 2012 г. протоиерей В. Чаплин сформулировал блок тезисов по коренному изменению ситуации в Российской Федерации, в которых изложил свой взгляд на политические перемены в стране, проблему коррупции, миграции, заботу о Вооруженных силах РФ и сотрудниках правоохранительных органов, статус русского народа. «Если власть не хочет быть медленно загрызенной, а народ — кормить чужую армию и чужой бизнес, — пишет священнослужитель, — нужно переходить от «стабильности» к диктатуре совести и воли. Воли политической и нравственной... Не нужно сдерживать волю народа к политической активности — на местном, региональном, общенациональном уровне. Такую волю, наоборот, нужно поддерживать... Пусть 2012 год станет годом волевой, нравственной России. Страны, имеющей смысл жизни — в этом веке и в будущем» [14]. Таким образом, формируется наступательная позиция РПЦ по всем наиболее значимым проблемам современной российской действительности, а представители «молодой церкви» выступают флагманами такой политики, используя возможности как государства, так и гражданского общества.

Эту наступательную позицию не только поддерживает, но и инициирует патриарх Кирилл — ключевая фигура в выстраивании современной модели церковно-государственных отношений. Выступая 22 февраля 2012 г. на расширенном заседании Патриаршего совета по культуре, посвященном современной ситуации в области национальной культуры, Предстоятель Русской православной церкви сказал: «Когда культура переживает кризис, Церковь не может и не должна быть в стороне. Будущие поколения никогда не простят Церкви — Церкви XXI века в России — ее отстраненность от решения этих проблем. И пускай никто нас не пугает клерикализацией. Это совсем другого порядка действия — это осознание ответственности за судьбу своего народа, за будущее своей страны. Церковь не может быть в стороне еще и потому, что основными ценностями, которыми живет наша культура, являются те ценности, которые хранит и передает из поколения в поколение Православная церковь» [1].

Сотрудничество Церкви со светской властью в тех областях, в которых такое сотрудничество возможно и полезно, патриарх Кирилл считает фундаментальным принципом церковно-государственных отношений, построенных на принципе «симфонии», включающем в себя невмешательство Церкви в дела государства и невмешательство государства в дела Церкви при взаи-

моуважительном диалоге и конструктивном сотрудничестве. Поэтому решения, принимаемые при участии Русской православной церкви, носят вполне предсказуемый характер. Так, 19 апреля 2012 г. состоялись соборные слушания Всемирного русского народного собора на тему «Общественная ситуация в России и будущее русского народа». В принятой резолюции, которая продолжила наступательную риторику иерархов РПЦ, говорится о том, что общество ощущает вакуум идей, социальных энергий и смыслов, который может быть заполнен только обращением к созидательному русскому фактору, потенциал которого должен быть в полной мере использован в настоящий исторический момент. В подтверждение потребности в сетевом взаимодействии в документе предлагается «общенациональный диалог и общенациональная сеть гражданского действия, нацеленная на разрешение главных проблем нашего народа и нашей страны, на усиление роли народа в принятии всех решений» [15]. Всемирный русский народный собор, заявляясь в документе, готов стать центром такого диалога и такого действия, объединяя представителей разных социальных слоев, политических групп, поколений и призваний.

Таким образом, РПЦ претендует на роль посредника в общении верующих граждан и власти, что следует из ее моральных принципов и позиции, выработанной в последние годы. Возглавив борьбу за нравственность, Русская православная церковь использует все предоставленные ей возможности, эффективно используя преимущества сетевого взаимодействия.

Библиографический список

1. Выступление Предстоятеля Русской Церкви на расширенном заседании Патриаршего совета по культуре. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2029569.html>
2. Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на открытии XV Всемирного русского народного собора. URL: http://www.vrns.ru/syezd/detail.php?nid=1287&bin_n_rubrik_pl_news=490&bin_n_rubrik_pl_news=492
3. Денисова А. Е. Русская православная церковь как институт социальной работы // Теодицея: альманах (Пятигорск). 2011. № 2.
4. Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. 2009. № 2 (100).
5. Каталог православных ресурсов сети Интернет. URL: <http://www.hristianstvo.ru/>
6. Каталог православных ресурсов сети Интернет. URL: <http://www.hristianstvo.ru/internet/dialogue/>
7. Кураев А. Церковь в мире людей. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2009.
8. Митрохин Н. Русская православная церковь в России в 2000–2008 годах: очерк некоторых структурных проблем // Неприкосновенный запас. 2009. № 1 (63). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/mi13-pr.html>

9. О принципах организации социальной работы в Русской православной церкви. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html>
10. Основы социальной концепции Русской православной церкви. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>
11. Официальный сайт Московского патриархата. Синодальные учреждения. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1845120.html>
12. Официальный сайт Московского патриархата. Церковь и культура. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1579763.html>
13. Православная церковь при новом патриархе/под ред. А. Малащенко и С. Филатова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
14. Протоиерей Всеволод Чаплин: Непраздн (ичн) ые мысли. Ежедневное интернет-СМИ «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/protoierej-vsevolod-chaplin-neprazdnichnye-mysli/>
15. Резолюция соборных слушаний Всемирного русского народного собора «Общественная ситуация в России и будущее русского народа». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2171346.html>
16. Религиозная идентичность и воцерковленность. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/cult/rel_rel/d081623; Религия и церковь. URL: <http://old.levada.ru/religion.html>
17. Сайт международной общественной организации «Всемирный русский народный собор». URL: <http://www.vrns.ru/>
18. Соборное слово XV Всемирного русского народного собора. URL: http://www.vrns.ru/syezd/detail.php?nid=1304&binn_rubrik_pl_news=490&binn_rubrik_pl_news=496
19. *Сморгунов Л.В.* Сетевой подход в исследовании политики // Политология: Лексикон/под ред. А.И. Соловьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
20. Форум миссионерского портала диакона Андрея Кураева. URL: http://kuraev.ru/index.php?option=com_smf&Itemid=63

References

1. Vystuplenie Predstojatelja Russkoj Cerkvi na rasshirennom zasedanii Patriarshego soveta po kul'ture. Oficial'nyj sajт Moskovskogo patriarhata. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2029569.html>
2. Vystuplenie Svjatejshego Patriarha Moskovskogo i vseja Rusi Kirilla na otkrytii XV Vseirnogo russkogo narodnogo sobora. URL: http://www.vrns.ru/syezd/detail.php?nid=1287&binn_rubrik_pl_news=490&binn_rubrik_pl_news=492
3. *Denisova L.E.* Russkaja pravoslavnaia cerkov' kak institut social'noj raboty // Teodiceja: al'manah (Pjatigorsk). 2011. № 2.
4. *Zorkaja N.* Pravoslavie v bezreligioznom obshhestve // Vestnik obshhestvennogo mnenija. 2009. № 2 (100).
5. Katalog pravoslavnyh resursov seti Internet. URL: <http://www.hristianstvo.ru/>

6. Каталог православных ресурсов сети Internet. URL: <http://www.hristianstvo.ru/internet/dialogue/>
7. Kuraev A. Cerkov' v mire ljudej. M.: Izd. Sretenskogo monastyrja, 2009.
8. Mitrohin N. Russkaja pravoslavnaja cerkov' v Rossii v 2000–2008 godah: ocherk nekotoryh strukturnyh problem // Neprikosnovennyj zapis. 2009. № 1 (63). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/mi13-pr.html>
9. O principah organizacii social'noj raboty v Russkoj pravoslavnoj cerkvi. Oficial'nyj sajt Moskovskogo patriarhata. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html>
10. Osnovy social'noj koncepcii Russkoj pravoslavnoj cerkvi. Oficial'nyj sajt Moskovskogo patriarhata. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>
11. Oficial'nyj sajt Moskovskogo patriarhata. Sinodal'nye uchrezhdenija. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1845120.html>
12. Oficial'nyj sajt Moskovskogo patriarhata. Cerkov' i kul'tura. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1579763.html>
13. Pravoslavnaja cerkov' pri novom patriarhe / pod red. A. Malashenko i S. Filatova. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2012.
14. Protoierej Vsevolod Chaplin: Neprazdn(ichn)ye mysli. Ezhednevnoe internet-SMI «Pravoslavie i mir». URL: <http://www.pravmir.ru/protoierej-vsevolod-chaplin-neprazdnichnye-mysli/>
15. Rezoljucija sobornyh slushanij Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora «Obshhestvennaja situacija v Rossii i budushhee russkogo naroda». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2171346.html>
16. Religioznaja identichnost' i vocerkovlennost'. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/cult/rel_rel/_d081623; Religija i cerkov'. URL: <http://old.levada.ru/religion.html>
17. Sajt mezhdunarodnoj obshhestvennoj organizacii «Vsemirnyj russkij narodnyj sobor». URL: <http://www.vrns.ru/>
18. Sobornoe slovo XV Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora. URL: http://www.vrns.ru/syezd/detail.php?nid=1304&binn_rubrik_pl_news=490&binn_rubrik_pl_news=496
19. Smorgunov L.V. Setevoj podhod v issledovanii politiki // Politologija: Leksikon / pod red. A.I. Solov'eva. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2007.
20. Forum missionerskogo portala diakona Andreja Kuraeva. URL: http://kuraev.ru/index.php?option=com_smf&Itemid=63

СЕТЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

.....

А. В. Егупов, Т. Ю. Жданова¹

Дается анализ роли религиозной организации как института, а также религиозности, которая приводит к трансформации верующих в «религиозных». Рассматриваются религиозные организации, которые, реализуя сетевые стратегии, доказывают свою успешность, так как отвечают требованиям современного общества. Делается вывод о кризисе модели «государства всеобщего благоденствия» и возрастающей неспособности современного государства решать социальные проблемы населения.

Ключевые слова: сетевая стратегия, сетевая структура, религиозные организации, религиозные фундаменталисты, «новые интеллектуалы», исламская организация, исламизация, протестантские организации, Русская православная церковь.

The purpose of article is the analysis of a role of the religious organization as institute, and also religiousness which leads to transformation of «believers» in «religious». Religious organizations, implementing network strategy proves to be successful, because meet the requirements of a modern society in which there is more and more clearly the crisis model of «welfare state» and the increasing inability of the modern state to solve social problems of the population.

Key words: network strategy, network structure, religious organizations, religious fundamentalists, the «new intellectuals», Islamic organization, Islamization, Protestant organization, Russian orthodox church.

Религиозные организации чаще всего определяются как социальный (реже как политический) институт. Выстраиваемые ими стратегии в обществе можно назвать социальными стратегиями. Причем эти стратегии направлены

¹ Егупов Александр Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: san77@mail.ru

Жданова Татьяна Юрьевна – магистрант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: zhdanova.toyou@gmail.com

Работа выполнена в рамках проекта «Сетевой ландшафт российской публичной политики: проблемы развития и безопасность», проводимого по государственному заказу Министерства образования и науки, 2013 год. Шифр заявки 6.1134.2011.

как вовне, в общество, так и внутри самой организации, затрагивая ее состав и организационные основы.

Религиозные организации традиционно были институтами социального служения, и после обмирщения христианских церквей и других традиционных религиозных организаций стали восприниматься во многом в качестве скорее социально-культурного элемента общества. Сами церкви и религиозные организации уделяют все больше внимания социальной сфере и вопросам воспитания и досуга молодежи, благотворительной деятельности и т. д. Такое участие религиозных организаций в публичной сфере поощряется государством, которое нуждается в поддержке и в дополнительных инициативах в решении социальных проблем и не видит рисков в таком укреплении позиций религиозных организаций в обществе.

Основные движущие силы религиозных организаций можно разбить на несколько групп.

К первой относится духовенство, которое профессионально занимается религиозной деятельностью, религиозным служением, распространением и пропагандой религиозных идей (проповеди, мессианство, прозелитизм).

Первая группа неоднородна, в нее входят религиозные фундаменталисты, консерваторы, и так называемый религиозный истеблишмент. Консерваторы придерживаются религиозных догм, для них религия — в первую очередь сфера внутренняя, а потом уже общественно- и социально-политическая.

К религиозному истеблишменту относят «часть духовенства, которая наиболее полно интегрировалась в структуры власти и представляет религиозные обоснования претензиям этой власти на законность» [13, с. 56]. Деятельности религиозного истеблишмента соответствует связанный с проникновением во власть представителей духовенства клерикализм, т. е. уже политическое направление деятельности, добивающееся главенствующей роли церкви и духовенства в общественной, политической и культурной жизни общества. В России особенно отчетливо можно наблюдать описанные процессы.

Ко второй группе можно отнести приверженцев религии или религиозной организации (группы): верующих мирян, прихожан, последователей, адептов и др. Они тоже не составляют однородную силу.

Существуют религиозно-ориентированные слои: молодежь, интеллигенция, организации, объединения и др., которые действуют пассионарно или демонстративно, их религиозные убеждения громко озвучиваются ими. Они стремятся изменить существующее положение в общественной, политической, экономической сфере сообразно своим религиозным убеждениям. Таким образом религия проникает в политическую сферу и сама политизируется. Есть также и пассивные верующие, которые тем не менее в определенных ситуациях в силу их массовости могут стать мощной движущей силой.

Для обозначения религиозно-политических активистов французский политолог, эксперт-религиовед О. Руа ввел понятие «новые интеллектуалы» [13, с. 65]. «Новые интеллектуалы» отличаются как от традиционного духовенства, потому что не имеют теологического образования и твердого знания теологии, так и от университетской профессуры, поскольку чаще всего не являются профессиональными учеными и преподавателями высших учебных заведений. То есть они не имеют подтвержденного званиями и полномочиями социального статуса, отличающего их от масс и позволяющих эти массы вести за собой. Однако такие «новые интеллектуалы» активно ведут пропагандистскую работу через собственные исследовательские и образовательные учреждения, не признаваемые официальной наукой, выпускают свои книги, создают фильмы, проводят семинары. «Новые интеллектуалы» чаще всего не работают в официальных государственных структурах и не всегда регистрируются как религиозные организации. Чаще всего они существуют в статусе религиозных групп, образуя параллельные государственным структуры и институты, средствами для контроля над социальной активностью которых государство не обладает [13, с. 67].

К таким «новым интеллектуалам» в России можно отнести лидеров небольших нетрадиционных религиозных организаций, особенно это характерно для синтетических религий в лоне движения «Нью-Эйдж», которое претендует на создание последней мировой синтетической религии, призванной заменить христианство [25, с. 45]. Среди всех новых религиозных движений «Нью-Эйдж» является наиболее широким. Это не структурированное, но и не стихийное движение состоит из сети многочисленных организаций (общественных организаций, просветительских кружков, институтов, клубов, издательств, фондов и пр.), связанных между собой одними и теми же ценностными и идейными установками. Распространение этого движения является мировой тенденцией [26]. Сетевая структура позволяет таким организациям быть мобильными и вовлекать большое количество новых членов.

Сетевые стратегии различных организаций становятся все более распространенными и успешными в условиях постиндустриального информационного общества, в котором коммуникация представляет собой ключевой элемент.

Отличительной чертой организации с сетевой структурой является её децентрализация. При сетевом типе организации невозможно выделить главное организующее звено, строгая иерархия отсутствует. Центр в сети существует лишь в идейном, идейно-политическом и иногда (но не обязательно) в финансовом смысле. Участники сети — добровольная коалиция. Сеть может быть управляемой только с согласия самих управляемых, и отсутствие иерархической соподчиненности — не дефект, а неотъемлемое свойство сети, придающее ей дополнительную гибкость и устойчивость, поскольку при такой организации выход кого-нибудь из участников сети не способен парализовать

деятельность сети в целом. Будучи открытыми структурами, сети способны к расширению путем включения в себя новых узлов, если те решают аналогичные задачи и исповедуют сходные ценности (т.е. используют аналогичные коммуникационные коды) [20]. Появлению этих новых узлов, дающих дополнительную широту охвата деятельности сетевых религиозных организаций и их распространения, способствует и такая особенность, как спонтанное возникновение социальных сетей. Существование сетевых структур не зависит лишь от желания социального инженера. Если люди долго взаимодействуют между собой, скажем, в рамках одного предприятия, то в игру все в большей мере вступают законы социологии малых групп. Группа людей, совместно проводящих время, имеет тенденцию становиться сетевой группой, с частичными лидерами и преобладанием горизонтальных связей. Происходит неформальное структурирование коллектива и формируется своего рода неофициальная параллельная структура, невидимая сеть [18].

Примером такой сети может служить спонтанная и неконтролируемая исламская филантропия: исламские больницы, школы и др. появляются по всему миру, несмотря на отсутствие какого-либо координирующего центра на основе воспроизведения процессов, происходящих в других странах. Официальный источник их финансирования — пожертвования рядовых мусульман [13, с. 52].

Такая исламская социальная работа — одна из причин притока молодежи Северного Кавказа к ваххабитам. И это одно из опасных с точки зрения безопасности государства и негативных свойств сетей, в том числе религиозных. В начале 1990-х гг. сепаратистски ориентированные элиты Северного Кавказа продвигали идеи, ставшие известными в регионе как ваххабизм (салафизм). Они делали ставку на идеологию «интегристского ислама», не признающего деления мусульман на расы, этносы, тейпы, другие локальные этнические и конфессиональные группы. В современных условиях Северо-Кавказского региона, когда сепаратисты формально разгромлены, экстремистские религиозно-политические организации, как правило, являются сетевыми структурами, не имеющими никаких обязательств даже перед своими рядовыми членами [19].

Некоторые исследователи ислама и современных исламских движений возникновение и активность исламских движений и организаций считают реакцией на отсутствие современного гражданского общества и сети его организаций и социальных институтов. Создаваемые исламистами альтернативные социальные институты (мечети, больницы, исламские банки и кассы взаимопомощи) позволяют компенсировать это отсутствие и практически повсюду распространять свое влияние [3].

Идея о создании альтернативных институтов восходит к работам Антонио Грамши о том, что сеть гражданских ассоциаций, созданных коммунистами, сможет постепенно вытеснить капиталистическое государство [13, с. 51]. Однако еще до Грамши эта идея успешно воплощалась Римско-католической

церковью, достаточно вспомнить существовавшие ещё в Средние века ее многочисленные ордена и связанные с ней в нынешнее время различные общины и другие организации, создающие больницы, образовательные и прочие институты. Католическая церковь и сегодня активно ведёт экспансию через миссионерскую социальную деятельность, в частности, через международную организацию «Каритас», которая оказывает помощь нуждающимся независимо от их этнической принадлежности, вероисповедания, социального статуса и т.д. Среди программ «Каритас» можно назвать оказание продовольственной, вещевой, медикаментозной помощи, бесплатные услуги юриста, психолога, адвоката, оказание помощи в трудоустройстве. Организация осуществляет патронаж инвалидов, работу с детьми в интернатах и т.д. В условиях, когда государство не справляется с оказанием социальной поддержки населению, люди охотно пользуются услугами «Каритас», при этом некоторые принимают католичество [12].

Значительная благотворительная деятельность по линии «Каритаса» осуществляется на Кубани, в Абхазии и Чечне [21]. Организация занимается оказанием помощи пострадавшим в Крымске [8].

Представители государственных структур и правоохранительных органов Краснодарского края особо отмечают активность в построении социальных сетей протестантскими общинами, деятельность которых, по мнению экспертов, находит отклик и среди молодежи [9, с. 59].

Протестантские организации по всему миру активно занимаются благотворительностью, миссионерством и социальной деятельностью, так как в практическом богословии это имеет определяющее значение. Они создают евангельские христианские университеты, которые устраивают лагеря для людей с ограниченными возможностями, организуют летние и семейные христианские лагеря [14, 19], ведут образовательную деятельность, оказывают помощь во время стихийных бедствий и пр.

Члены протестантских церквей, особенно молодежь, участвуют в социальных программах, работая в детских домах, приютах для бездомных, больницах, домах престарелых.

По данным Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН), в Краснодарском крае действует 9 реабилитационных центров для наркозависимых, 8 из них принадлежат протестантским религиозным организациям: 5 — религиозной организации евангелистов (пятидесятников) «Исход», 3 — религиозной организации евангельской церкви «Вифания» [1]. Церковь «Слово Веры» регулярно проводит акции «Наркостоп» и лекции против наркомании.

Деятельность протестантов находится под бдительным наблюдением властей, поэтому чтобы открыто заниматься социальной работой, к примеру, ор-

ганизация «Слово Веры» создала Институт общественных отношений и духовного возрождения Кубани. Как подчеркивает пастор общины, в отличие от «Вифании», которая пытается напрямую заявить о своем служении и постоянно получает отказ, «Слово Веры» работает свободно через институт [21].

На уровне Российской Федерации 150 представителями 40 протестантских организаций в целях совместного отстаивания своих интересов перед властями в 2003 г. был создан Российский евангельский альянс (РЕА). Его подразделения существуют в 21 регионе [19].

В социальных сетях, создаваемых религиозными сообществами, большую роль также играют глобальные средства массовой коммуникации. Религиозные организации умело используют эти средства. Не обладая в полной мере «инструментальной» властью, базирующейся на экономическом и военном могуществе, они прибегают к экспрессивным способам завоевания сердец и умов людей [5, с. 308].

Наиболее масштабным протестантским проектом за последние годы в России стал евангелистский медиапроект «Ощути силу перемен» (он реализуется на протяжении 7 лет в России и за рубежом). С 1 по 30 ноября 2010 г. в рамках медиапроекта в Краснодаре и других городах и поселках Краснодарского края, а также в Республике Адыгея велась агитация через наружную рекламу, средства массовой информации, раздачу специально изданной книги, флаеров и писем, которые люди находили в своих почтовых ящиках, и путем уличных социальных опросов. Была организована круглосуточная горячая телефонная линия и адрес смс-сообщений, чтобы каждый мог позвонить и узнать про этот проект. В Краснодаре по радио и телевидению звучала реклама о проекте «Сила перемен» [7]. Кроме того, многие тысячи людей посмотрели по каналу «МузТВ» тридцать христианских передач «со свидетельствами людей, в чьи жизни пришел Бог и совершил Свои благословенные перемены к лучшему». «Силу перемен» Русская православная церковь считает тоталитарной сектой и призывает людей быть осторожными и относиться критически к рекламируемому проекту [6].

Таким образом, благодаря успешно выстраиваемой ими сети с большим вовлечением в нее молодежи и возрастающим количеством членов организаций, протестантские религиозные организации в Краснодарском крае потенциально обладают реальной социальной мощью и соответственно серьезным потенциалом политического действия. В протестантских организациях немало харизматических лидеров, которые при определенных обстоятельствах могут действовать и как политики.

То же можно сказать и о многих других успешно растущих религиозных организациях, не так давно появившихся на Кубани, которые не были официально признаны в нашей стране в советское и досоветское время и не имеют укоренившейся традиции делать предложения и высказывать просьбы и недо-

вольство, обращенные к государству, а не обществу, или избегать и тех, и других, как это делают староверы.

Что касается традиционных религиозных организаций, коими для Кубани являются православные церкви, то их организационный потенциал в связи с их архаичностью строится скорее на жесткой иерархичной структуре, которая в недавнее время еще более усилилась.

После принятия решения об изменении структуры Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ МП), представленной в Краснодарском крае Екатеринодарской и Кубанской епархией, в ее будущем реформированном виде стала прослеживаться более жесткая вертикаль, замыкающаяся на Патриархе. Согласно преобразованию в структуре церкви резко увеличится число епископов (в 2,5–3 раза) и епархий, а также будут созданы митрополии. В каждом субъекте Федерации появится митрополия с митрополитом в столице субъекта, главенствующим над остальными епископами [22].

Такая жесткая иерархическая структура позволяет, несмотря на географическую разбросанность и удаленность друг от друга структурных элементов Церкви, действовать единым фронтом, сохраняя идеологическое единообразие, и таким образом воздействовать на социально-политические процессы. Однако растущую по примеру государственной вертикали церковную вертикаль власти могут ожидать те же проблемы.

В то же время, чем больше Русская православная церковь «сталкивается» и взаимодействует с современным обществом, тем сильнее она меняется сама, и ей тоже становятся не чужды сетевые стратегии.

Так, согласно упомянутой реформе круг обязанностей приходского священника кардинально расширяется, теперь они должны будут активно проводить катехизическую, молодежную работу, миссионерскую деятельность, реализовывать социальные проекты. Для этого в помощь настоятелям назначаются (где это позволяет финансовое положение) штатные служащие-миряне, которые будут осуществлять свои функции профессионально. При приходах также создаются попечительские советы, в которых настоятели совместно с местными чиновниками и бизнесменами организуют экономическую и административную поддержку прихода [22].

Помимо всего сказанного, Русской православной церковью и лично патриархом Кириллом взят курс на строительство множества приходов, которые постепенно станут и церковными общинами. Здесь можно вспомнить базовые христианские общины в Латинской Америке, которые появились для катехизации низов общества, но постепенно перешли к социальной, а затем и политической деятельности. Они занялись созданием альтернативных социальных институтов (больниц, школ, бесплатных курсов обучения и переобучения, детских лагерей). С одной стороны, такие альтернативные социальные институ-

ты выполняют непосредственно социальные функции, с другой — являются институтами пропаганды и привлечения сторонников к организации, которая их создает.

Русская православная церковь тоже осознала, что храм — «это место, где молодежь может проводить свой досуг, где должны находить помощь пожилые, больные, бездомные. Поэтому сегодня обязательно наличие в каждом приходе социального работника, специалиста по работе с молодежью, катехизаторов» [11].

Много новых приходов строится и в Краснодарском крае. Новые здания церквей и часовен начинают активней работать с прихожанами, занимаются социальными, благотворительными проектами, духовно-нравственным воспитанием молодежи и др. Например, в г. Краснодаре в Храме Рождества Христова создан единственный на Кубани и один из немногих в стране православный детский дом [2], община «Закон», где проводятся бесплатные юридические консультации [15], община «Молодежная» [16], православный центр «За жизнь нерожденных младенцев» [24]. В том же храме действуют 4 социальные общины, которые оказывают помощь нуждающимся членам прихода, а также одиноким и больным людям (взрослым и детям) на дому и в стационарных учреждениях, людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию [17].

Социальное служение сегодня приобретает все большие масштабы. Так, 8 декабря 2011 г. было проведено рабочее совещание по организации добровольческого движения «Доброе сердце». Формируемое по благословению митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора оно призвано служить развитию системной социальной работы сначала в Краснодаре, а позже — и во всей епархии, координации деятельности сестринств, братств, церковных социальных центров, их взаимодействию с государственной системой социальной защиты населения, с другими волонтерскими движениями [10].

В этом отношении у Русской православной церкви есть серьезные преимущества, так как с ней прежде всего сотрудничают государственные структуры. У РПЦ заключено большое количество прямых договоров о взаимодействии с рядом министерств и ведомств (Минздравсоцразвития, МЧС и др.) [11].

Государство спокойно относится к влиянию РПЦ, что позволяет ей развернуть наиболее широкую социальную работу. Так, только представителей Русской православной церкви допускают для работы в армии. То же касается и преподавания в школах только традиционными для регионов России религиозными организациями «Основ религиозных культур и светской этики». В 2010 г. патриарх Кирилл во время встречи с главой ФСКН договорился с ним фактически об эксклюзивном сотрудничестве в противовес другим нетрадиционным религиозным объединениям, хотя ранее РПЦ не обращало внимания на эту сферу и большого опыта в вопросе борьбы с наркоманией и помощи наркозависимым не имеет. В Краснодарском крае работает лишь один реабилитационный центр.

литационный центр РПЦ для наркозависимых — Духовно-оздоровительный православный центр святомученика Михаила Лекторского в г. Армавире [1].

Русская православная церковь также нацелена на расширение своего присутствия в СМИ, организацию работы пресс-служб при всех приходах и создание собственных СМИ, в том числе в сети Интернет, таких как Православие.RU (<http://www.pravoslavie.ru>) и Православие и мир (<http://www.pravmir.ru>). Пользуются популярностью персональные аккаунты отдельных священнослужителей, например, форум миссионерского портала протоиерея Андрея Кураева, у которого 34554 пользователя, максимум онлайн за все время — 1783 чел. [23].

Каждая религиозная организация ориентирована на определенные социальные группы, поэтому РПЦ вытесняет другие конкурирующие религиозные организации. Чаще всего протестанты говорят, что из-за проповеди православных, многие местные чиновники и социальные институты даже отказываются от их благотворительной помощи.

Сама Русская православная церковь благодаря активной социальной деятельности и позиционированию через СМИ воспринимается более открытой для участия. По данным социологов, в настоящее время идет приток новых православных, причем из среды молодежи, людей с высшим образованием, в основном мужчин [4]. Этот путь, по-нашему мнению, сможет помочь ей стать по-настоящему массовой и обрести реальную поддержку не только представителей государственных структур и определенных специфических слоев (как казачество в Краснодарском крае), но и широких народных масс.

Проведенный анализ показал, что государство перекладывает решение ряда социальных проблем населения на институты гражданского общества. Но в России они еще не выстроены, поэтому создание альтернативных социальных институтов религиозными организациями дает сильный эффект, выраженный в привлечении большого количества активных верующих, готовых действовать на неограниченной территории, в их высокой лояльности и преданности религиозной организации, возрастании влияния и социального капитала религиозной организации, который позже может быть конвертирован и в политический капитал. Высокая и всё возрастающая роль в современном обществе коммуникативных процессов соответствует сетевым стратегиям и отражена в широком использовании религиозными организациями различных СМИ.

Большинство религиозных организаций на Кубани, особенно протестантские и так называемые новые, растут в основном за счет создания системы сетей и альтернативных социальных институтов. Этой стратегией стала пользоваться и Русская православная церковь.

Библиографический список

1. Данные Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН). URL: http://fskn.gov.ru/pages/main/community_ties/rehabilitation/uzfo/10195/index.shtml.
2. Детский дом. Храм Рождества Христова. URL: <http://xram-xpicta.ru/detskiy-dom-rozhdestvenskiy.html>.
3. *Донцов В. Е.* Современные исламские движения и организации на Ближнем Востоке в системе международных отношений: учеб. пособие. М: Дипломатическая академия МИД России, 2001.
4. *Дубин Б., Малащенко А.* Образ православного верующего в современной России. URL: <http://www.carnegie.ru/events/?fa=3725>.
5. *Зонова Т. В.* Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы. М.: РОССПЭН, 2000.
6. *Иваненко П.* Завершился проект «Сила перемен». URL: http://www.cross-house.ru/news/2010/12/21/News1_84.html
7. *Иваненко П.* Социальный проект «Сила перемен» на Юге России. URL: http://www.cross-house.ru/news/2010/11/21/News1_83.html
8. «Каритас» оказывает помощь пострадавшим от наводнения в городе Крымске. URL: <https://caritasru.wordpress.com/>
9. Кубанская молодежь и религия. Вопросы профилактики экстремизма: информ.-метод. сб. Краснодар: Южный региональный ресурсный центр, 2008.
10. Кубань. Совещание в епархиальном отделе социального служения было посвящено развитию добровольческого движения. URL: <http://www.pravkuban.ru/main/soc/1158345413-kuban-soveshhanie-v-eparxialnom-otdele-socialnogo-sluzheniya-bylo-posvyashcheno-razvitiyu-dobrovolcheskogo-dvizheniya.html>
11. *Липич О.* Владимир Легойда: За три года многое изменилось в жизни не только Церкви, но и общества: интервью. URL: <http://www.pravmir.ru/vladimir-legojda-zatrigoda-mnogoe-izmenilos-v-zhizni-ne-tolko-cerkvi-no-i-obshhestva/>
12. *Митрофанова А. В.* Католическая церковь на постсоветском пространстве. URL: http://www.rusk.ru/analitika/2010/02/22/katolicheskaya_cerkov_na_postsovetskom_prostranstve
13. *Митрофанова А. В.* Политизация православного мира. М.: Наука, 2004.
14. *Некрылова В. В* Краснодаре прошел лагерь для людей с ограниченными возможностями. URL: http://www.cross-house.ru/news/2009/12/05/News1_66.html/.
15. Община «Закон». Храм Рождества Христова. URL: <http://xram-xpicta.ru/obschina-zakon.html>.
16. Община «Молодежная». Храм Рождества Христова. URL: <http://xram-xpicta.ru/obschina-molodezhnaya.html>.
17. Община «Социальная». Храм Рождества Христова. URL: <http://xram-xpicta.ru/obschina-socialnaya.html>

18. Олескин А. В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. URL: http://polbu.ru/oleskin_biopolitics
19. Религия в современной России. Разрушение религиозных скреп российской государственности. URL: http://www.rusrand.ru/idea/idea_57.html
20. Соловьев Э. Сетевые организации транснационального терроризма. URL: <http://intertrends.ru/five/006>
21. Филатов С., Лункин Р. Краснодарский край. Атлас современной религиозной жизни России. Справка. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=1673>
22. Филатов С. Кирилловы реформы продвигаются от макушки к корням. URL: <http://religionip.ru/node/258#TqeIVmJKJJU.twitter>
23. Форум миссионерского портала диакона Андрея Кураева. URL: <http://kuraev.ru/smf/>
24. Центр «За жизнь нерожденных младенцев». Храм Рождества Христова. URL: <http://храм-хпicta.ru/centr-za-zhizn-nerozhdennyh-mladencev.html>
25. Четверикова О. Н. Религия и политика в современной Европе. М.: Московские учебники и Картолитография, 2005.
26. «Эра Водолея»: Навстречу Новому Мировому Порядку. URL: <http://www.dvpt.ru/?page=analytics026>

References

1. Dannye Federal'noj sluzhby Rossijskoj Federacii po kontrolju za oborotom narkotikov (FSKN). URL: http://fskn.gov.ru/pages/main/community_ties/rehabilitation/uzfo/10195/index.shtml.
2. Detskij dom. Hram Rozhdestva Hristova. URL: <http://xpam-xpicta.ru/detskij-dom-rozhdestvenskiy.html>.
3. Doncov V.E. Sovremennye islamskie dvizhenija i organizacii na Blizhnem Vostoke v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij: ucheb. posobie. M: Diplomaticeskaja akademija MID Rossii, 2001.
4. Dubin B., Malashenko A. Obraz pravoslavnogo verujushhego v sovremennoj Rossii. URL: <http://www.carnegie.ru/events/?fa=3725>.
5. Zonova T.V. Diplomatiya Vatikana v kontekste jevoljucii evropejskoj politicheskoj sistemy. M.: ROSSPJeN, 2000.
6. Ivanenko P. Zavershilsja proekt «Sila peremen». URL: http://www.cross-house.ru/news/2010/12/21/News1_84.html
7. Ivanenko P. Social'nyj proekt «Sila peremen» na Juge Rossii. URL: http://www.cross-house.ru/news/2010/11/21/News1_83.html
8. «Karitas» okazyvaet pomoshh' postradavshim ot navodnenija v gorode Krymske. URL: <https://caritasru.wordpress.com/>
9. Kubanskaja molodezh' i religija. Voprosy profilaktiki jekstremizma: inform.-metod. sb. Krasnodar: Juzhnyj regional'nyj resursnyj centr, 2008.
10. Kuban'. Soveshhanie v eparhial'nom otdele social'nogo sluzhenija bylo posvjashheno razvitiyu dobrovol'cheskogo dvizhenija. URL: <http://www.pravkuban.ru/main/>

soc/1158345413-kuban-soveshhanie-v-eparxialnom-otdele-socialnogo-sluzheniya-bylo-posvyashhenorazvitiyu-dobrovolcheskogo-dvizheniya.html

11. *Lipich O.* Vladimir Legojda: Za tri goda mnogoe izmenilos' v zhizni ne tol'ko Cerkvi, no i obshhestva: interv'ju. URL: <http://www.pravmir.ru/vladimir-legojda-za-tri-goda-mnogoe-izmenilos-v-zhizni-ne-tolko-cerkvi-no-i-obshhestva/>
12. *Mitrofanova A.V.* Katolicheskaja cerkov' na postsovetском prostranstve. URL: http://www.rusk.ru/analitika/2010/02/22/katolicheskaya_cerkov_na_postsovetском_prostranstve
13. *Mitrofanova A.V.* Politizacija pravoslavnogo mira. M.: Nauka, 2004.
14. *Nekrylova V. V* Krasnodare proshel lager' dlja ljudej s ogranichennymi vozmozhnostjami. URL: http://www.cross-house.ru/news/2009/12/05/News1_66.html/.
15. Obschina «Zakon». Hram Rozhdestva Hristova. URL: <http://xpam-xpicta.ru/obschina-zakon.html>.
16. Obschina «Molodezhnaja». Hram Rozhdestva Hristova. URL: <http://xpam-xpicta.ru/obschina-molodezhnaya.html>.
17. Obschina «Social'naja». Hram Rozhdestva Hristova. URL: <http://xpam-xpicta.ru/obschina-socialnaya.html>
18. *Oleskin A.V.* Biopolitika. Politicheskij potencial sovremennoj biologii: filosofskie, politologicheskie i prakticheskie aspekty. URL: http://polbu.ru/oleskin_biopolitics
19. Religija v sovremennoj Rossii. Razrushenie religioznyh skrep rossijskoj gosudarstvennosti. URL: http://www.rusrand.ru/idea/idea_57.html
20. *Solov'ev Je.* Setevye organizacii transnacional'nogo terrorizma. URL: <http://intertrends.ru/five/006>
21. *Filatov S., Lunkin R.* Krasnodarskij kraj. Atlas sovremennoj religioznoj zhizni Rossii. Spravka. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=1673>
22. *Filatov S.* Kirillovy reformy prodvigajutsja ot makushki k kornjam. URL: <http://religionip.ru/node/258#.TqeIVmJKJJU.twitter>
23. Forum missionerskogo portala diakona Andreja Kuraeva. URL: <http://kuraev.ru/smf/>
24. Centr «Za zhizn' nerozhdenных mladencev». Hram Rozhdestva Hristova. URL: <http://xpam-xpicta.ru/centr-za-zhizn-nerozhdennyh-mladencev.html>
25. *Chetverikova O.N.* Religija i politika v sovremennoj Evrope. M.: Moskovskie uchebniki i Kartolitografija, 2005.
26. «Jera Vodoleja»: Navstrechu Novomu Mirovomu Porjadku. URL: <http://www.dvpt.ru/?page=analytics026>

ФЕНОМЕН ЭМАНСИПАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

А. Ш. Гусейнов¹

Феномен эмансипации анализируется с позиций разных теоретико-методологических подходов. Автор предлагает рассматривать эмансипацию как одну из форм протеста. Отмечается недостаточная дифференцированность различных форм протеста в научном дискурсе; обсуждается эволюция, сущность и различные виды эмансипации, а также внешние и внутренние факторы, способствующие обретению личностной независимости или препятствующие ей.

Ключевые слова: активность и развитие личности, личностный рост, неприятие контроля, протест, эмансипация, автономность, личностная зрелость.

The phenomenon of emancipation is analyzed from the points of different theories and methodological approaches. The author offers to consider emancipation as one of the protest forms. In the article the insufficient differentiation of various forms of the protest in the scientific discourse is noted; evolution, essence and various types of emancipation, as well as the external and internal factors that contribute to the attainment of personal independence or prevent it are discussed.

Key words: activity and personal development, personal growth, rejection of the control, protest, emancipation, autonomy, personal maturity.

Явление протеста сопровождает активность человека на протяжении всего жизненного пути; протест играет заметную роль в становлении личности и взрослении, в процессе взаимоотношений со значимыми людьми. В настоящее время протест как феномен выступает предметом анализа многих социально-гуманитарных наук, причем часто исследуются социальные факторы, обуславливающие протестную активность различных групп. В психологии исследование феномена протеста носит фрагментарный характер.

Целесообразно выделить разные формы протеста, такие как оппозиция, недовольство, аномия, эскапизм, негативизм, эмансипация и др., которые мало описаны в научной литературе, недостаточно дифференцированы, ча-

¹ Гусейнов Александр Шамильевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Краснодарского государственного университета физической культуры, сервиса и туризма. Эл. почта: AGuseinov@yandex.ru

сто синонимизированы. Кроме того, в научном междисциплинарном дискурсе протест и его разновидности чаще рассматриваются в негативном свете. Функционирование разных форм протеста обычно сопряжено с внутренними противоречиями и внешними конфликтными условиями, «запускающими» их формирование и обуславливающими дезадаптации и деструктивное поведение. Напротив, реакция эмансипации, будучи малоисследованной формой протеста, занимает особое положение и заметно отличается от других видов протеста с выраженными негативными проявлениями, ограничивающими личностное развитие. Эта форма протеста (возможно, не единственная) имеет положительный смысл и часто употребляется в контексте независимости, свободы, ответственности. Вместе с тем в психологии девиантного поведения отмечается, что эмансипация может выступать движущей силой асоциального и антисоциального поведения [7; 13; 27].

В связи с этим попытаемся выявить специфику феномена эмансипации применительно к протестной активности, проследить ее конкретные проявления и эволюцию от незрелых форм к сформированным. Рассмотрение эмансипации как динамичного процесса предполагает устойчивый вектор личностной активности, обуславливаемый направленностью личности на самовыражение, утверждение собственной независимости и достижение личностной зрелости и автономии.

Исторически (филогенетически) и онтогенетически способность осознавать себя как личность и быть независимым сформировалась позже групповых, интерактивных форм активности [5; 12; 21]. Эмансипация как склонность и стремление к выделению себя, доминантности наблюдается и в животном мире. Этологи с давних пор интересуются условиями, позволяющими животным подняться на вершину иерархической пирамиды. Оказалось, что помимо агрессивности, настырности и желаний выделиться, все остальные качества могут быть у доминанта любыми [8]. К. Лоренц, прослеживая аналогии в поведении разных видов позвоночных и человека, ссылается на так называемые турнирные бои, которые обходятся без повреждения партнера, но позволяют в случае победы добиться независимости и доминирования в стае или стаде [14].

В Словаре русского языка эмансипация — это «освобождение от зависимости» [16, с. 807], в Словаре иностранных слов эмансипация (от лат. *emancipatio*) — освобождение от зависимости, предрассудков; уравнивание в правах [10].

Понятие эмансипации наиболее полно разработано в возрастной и глубинной психологии, где оно раскрывается как постепенное обретение личностной независимости и самостоятельности. Эмансипация, являясь имманентной силой развития, развивается согласно внутренней логике психического развития ребенка.

А.И. Божович утверждает: «Развитие ребенка имеет свои собственные закономерности, свою внутреннюю логику, а не является пассивным отражением действительности, в условиях которой это развитие совершается» [2, с. 144].

В то же время на эмансипацию, развитие тех или иных ее форм уже с рождения человека влияют многие социальные факторы, прежде всего взаимодействие с матерью. Психика младенца с момента рождения включена в общее бытийное пространство с другими людьми. А.С. Выготский не случайно называет младенца «максимально социальным существом», поскольку создающаяся благодаря изначальной беспомощности младенца социальная ситуация развития определяет активность младенца, его направленность к предметам окружающего мира посредством другого человека. По мнению ученого, ребенок, несмотря на физическое отделение от матери в период родов, биологически не отделяется от нее до самого конца младенческого возраста, пока не научится ходить, а его психологическая эмансипация от матери, выделение себя из первоначальной слитности с ней наступает только в раннем детстве. Основное новообразование младенческого возраста он обозначает термином «пра-мы», тем самым подчеркивая психическую общность младенца и матери, которая служит исходным пунктом дальнейшего развития сознания и выделению Я [5].

В глубинной психологии дано убедительное объяснение того, как зарождается личность, как младенцы прогрессируют от беспомощности и полной зависимости к самостоятельности и независимости, от состояния симбиоза и пассивности к физическому и эмоциональному разделению.

М. Малер, определяя фазу слитности ребенка с матерью как нормальную симбиотическую фазу — фазу со-зависимости, полагает, что уже на этой фазе беспомощный младенец, напрягая свое тело в ответ на раздражающие стимулы или неприятные ощущения от слияния с телом матери, делает неуверенные попытки к отделению и обретению собственной независимости [15, с. 23]. В период от двух до четырех месяцев ребенок начинает искать интеракций с матерью, его «комплекс оживления» и «специфическая улыбка» (улыбка, обращенная к матери), свидетельствуют об этом. По словам Р. Спитца, «появление реакции улыбки служит индикатором установления и синтеза психической организации на более высоком уровне сложности, чем тот, который преобладал до этого» [23, с. 100]. В это же время ребенок пробует кусать грудь, царапаться и проявлять излишнюю вербальную агрессию. Х. Хартман и вслед за ним Х. Когут утверждают, что данное поведение — признак стремления к самостоятельности и развитию собственного Я [9; 22]. Р. Спитц расширяет наши представления о формировании независимости младенца. Он убежден, что использование жеста — покачивания головой — не просто указывает на решение ребенка об отказе, но и свидетельствует о способности совершать мыслительную операцию отрицания, что «в свою очередь неизбежно будет

вести к формированию абстрактного понятия, лежащего в основе несогласия, первого абстрактного понятия, появляющегося в процессе мышления» [23, с. 40]. Применение способности рассуждать в обращении с внешним миром, выражение отказа без привлечения действия Р. Спитц называет мощным импульсом развития от первоначальной беспомощности и полной зависимости к большей автономии и независимости. М. Малер установила, что уже к четырем-пяти месяцам (субфаза отползания) младенец начинает дифференцироваться от матери и утверждать себя. Дальнейший процесс сепарации-индивидуации, сущностью которого является достижение отделения от матери, «протекает в ситуации возрастной готовности к независимому функционированию и сопровождается удовольствием от этого состояния» [15, с. 23]. В связи с этим М. Малер обращает внимание на защитную позицию ребенка в возрасте от 18 до 36 месяцев и его желание отстаивать свой, находящийся в становлении, приносящий удовольствие и ревностно охраняемый образ себя от посягательств матери и других значимых взрослых. Согласно ее мнению, «не любой импульс как таковой является сепарационным, а только внутренне заданный импульс, побуждающий к индивидуации, которая не может быть достигнута без автономной сепарации» [15, с. 31]. В то же время М. Малер и ее коллеги отмечают амбивалентность в поведении 18-месячных детей, которые «разрывались между желанием быть возле своих матерей и потребностью в независимости». Авторы подметили, что дети боятся появившегося чувства отдельности и, стараясь вытеснить его, ведут себя так, будто матери являются частью их самих. «Например, ребенок мог потянуть мать за руку, стремясь заставить ее взять тот предмет, который ему хотелось бы взять самому» (цит. по: [11, с. 303–304]).

Весомый вклад в понимание формирования эмансипации на самых ранних этапах онтогенеза внесли исследования Д. Стерна, которые показали, что отделение-индивидуализация и формирование self (self-объектной дифференциации) начинается в возрасте двух месяцев. Обосновывая существование автономии и независимости у младенца практически с рождения, Д. Стерн доказывает, что в четыре месяца утверждение независимости ярко проявляется в том, как младенец отводит взгляд, в семь месяцев — в жестах и интонациях голоса, а в два года — в словах. Ученый утверждает, что независимость проявляется во всех видах социального поведения, которые регулируют количество и качество вовлеченности [19].

Динамика формирования зависимости/независимости раскрывается в контексте «моделей привязанности», где надежные варианты привязанности обеспечивают построение внутренних структур и способствуют развитию уверенности и независимости. Дж. Боулби, ссылаясь на наблюдения М. Эйнсуорта, обращает внимание на важный фактор в развитии независимости в раннем возрасте — исследовательские экскурсии младенцев. Используя мать в качестве опоры, посредством «серии экскурсий» они могут исследовать окружаю-

щую среду. Обычно исследовательское поведение к восьмимесячному возрасту демонстрирует каждый младенец со здоровым паттерном привязанности. В случае отсутствия матери попытки освоения мира (экскурсии) становятся менее выраженными или прекращаются [3].

Существенные дополнения к рассматриваемой проблеме эмансипации вносит С. Лебовиси: «Качества привязанности являются долговременными», сформированные положительные модели привязанности способствуют уверенности в собственных силах на протяжении длительного времени [20, с. 472]. Этот вывод подтверждается ценным лонгитюдным исследованием младенцев с различными паттернами привязанности на протяжении всего периода детства вплоть до 15 лет. Н. С. Вейнфилд с коллегами обнаружили следующие различия в поведении исследуемых: при решении когнитивных задач дети с надежной привязанностью отличались большим упорством и опорой на собственные силы, чем дети с нездоровым паттерном привязанности. В летних лагерях, вдали от родителей они демонстрировали дружелюбие и лидерство [30].

Многие ученые отмечают важность развития у ребенка стремления к независимости и поощрения матерью этой важной тенденции, способствующей поддержке и развитию самостоятельных форм поведения [11; 15; 18]. Однако мать, не имеющая собственной полноценной реализации, может препятствовать эмансипации и самостоятельности ребенка. Еще И. Бахофен в своем исследовании гинекократической эпохи выделил два противоположных аспекта материнства: с одной стороны, благодатное материнство, выражаемое в целостной и безграничной любви к ребенку; с другой — любовь-заботу, господствующее материнство, препятствующее формированию духовной независимости, способствующее инфантилизации. И. Бахофен пишет: «Как понятно нам теперь исключительное превознесение матери в картинах, рисуемых Гесиодом, изображающих ее непрерывную заботу и вечное несовершеннолетие сына, возрастающего более физически, чем духовно, в покое и полноте, ... наслаждающегося уходом материнских рук вплоть до зрелого возраста» [1, с. 233].

Джойс МакДугалл выделяет важный нюанс диадных взаимоотношений, полагая, что мать постепенно, непреднамеренно может внушать своему младенцу специфическое состояние, а именно наркотическое отношение к ее присутствию и ее функциям по уходу за ним, формирующее тотальную зависимость у ребенка, губительно действующее на ростки независимости [29]. Аналогичный выход на внешние барьеры, препятствующие эмансипации, мы находим и у М. Малер, в частности в ее описании блокирования развития личностной автономии, исходящей от матери: «Вездесущая инфантилизирующая мать, которая препятствует внутреннему стремлению ребенка к индивидуации, обычно выражающемуся в автономном локомоторном функционировании его Эго, может задерживать развитие у ребенка способности разделять

Я и Другого, несмотря на прогрессивное или даже опережающее возраст развитие его когнитивных, перцептивных и аффективных функций» [15, с. 23].

Н.В. Самоукина, отмечая последствия негативного материнского проектирования, добавляет важное замечание: формирование сильного, автономного ребенка или, наоборот, сверхзависимого социального «калеки», зависит от меры активности матери, а также от силы и активности самого ребенка. В условиях психологического негативного проекта «в «силовом поле» сверхкритики и сверхконтроля потенциально слабый ребенок действительно становится «стертым», пассивным и покорным, как бы отдавая матери свою жизнь и самого себя. Сильный ребенок будет бороться за возможность самостоятельно строить себя и свою жизнь, преодолевая установки матери, и, повзрослев, уходит от нее» [18, с. 76].

Итак, стремление к самостоятельности и эмансипации является необходимым условием развития личности и фактором становления взаимоотношений со значимым окружением. Кроме того, именно реализация собственных эмансипационных тенденций (в противовес зависимости и привязанности) способствует формированию личностных структур и их гармоничному сочетанию. Нами предлагается структурная модель личности, состоящая из таких компонентов, как прото-Я, эндо-Я, собственно Я, экзо-Я и транс-Я [6, с. 93–94]. По мере взросления ребенок формирует эти компоненты и структуру личности в целом. Задача личности — формирование и принятие своего уникального образа целостной личности, а затем трансляция масштаба собственного образа на социум. Причем динамичная экспансия структуры собственной личности на социальное окружение должна соответствовать масштабу субъекта, т. е. способности человека влиять на соответствующее его потребностям и возможностям определенное количество людей (экспансия масштаба). Полагаем, что ребенок практически с рождения начинает влиять на мать и тем самым может управлять взаимодействием. Управление обучающим и есть функция экзо-Я — личностного образования, выделяемого нами в структуре личности и отвечающего за взаимодействие с другими, контроль над ними, а также за влияние и самореализацию. Специфика этого компонента личности состоит не только в его актуализация при внешних угрозах свободы, но и в использовании других людей для экспансии и реализации собственного потенциала и масштаба.

Отсутствие высших эмоций при преобладании низших, слабость самосознания, воли, изначальная беспомощность и зависимость делают младенца существом, проявляющим примитивное, архаическое, аффективное доличностное образование — прото-Я, в то же время актуализирующим экзо-Я. Депривация и безынициативность матери делают развитие экзо-Я ребенка лишенным объекта, т. е. ребенку нечем и нечем управлять. Напротив, формирование надежной привязанности и реализация стремления к эмансипации приводят к воз-

возможности перехода от управления другими (как желания их контролировать или зависеть от них) к самодетерминации поведения. Поэтому субстанция, структурный компонент Я, ответственный за самоконтроль и за самореализацию собственных желаний, формируется намного позже, обычно к трем годам. Однако в протесте структура Я не всегда успешно справляется с данной ролью регулятора и координатора, поскольку перегружена проблемами внутренних конфликтов и внешних ограничений, включая депривацию потребностей.

Многие авторы указывают на выраженные проявления различных форм эмансипации, в том числе с протестной составляющей, в периоды возрастных кризисов [2; 4; 5; 21; 25]. Протестные симптомы отражают потребность развивающейся личности в отделении от родителей, внутреннюю тенденцию к самостоятельности. К трем годам у ребенка появляются собственные желания, непосредственно не совпадающие с желаниями взрослых. В раннем возрасте между желаниями ребенка и взрослых не было особых расхождений. Если ребенок хотел чего-то недозволенного, взрослые могли быстро переключить его внимание на другой привлекательный предмет. К трем годам желания ребенка становятся определенными и устойчивыми, что подтверждается настойчивыми словами «Я хочу», к этому времени им уже усвоены первичные навыки контроля и саморегуляции. На пути к независимости необходима перестройка системы отношений: из объекта, воспроизводящего действия взрослого, он должен превратиться в субъекта, самостоятельно принимающего решения и отстаивающего свой выбор.

Однако ребенок в три года ощущает излишнюю зависимость от родителей, которые заметно ограничивают его активность. Давление, контроль со стороны взрослых усиливаются, это давление воспринимается, интроецируется ребенком, который находится на пересечении векторов действия двух сил: с одной стороны, это давление родителей, а с другой — необходимость независимости и отделения, связанные с ростом самосознания. Когда действие этих разнонаправленных векторов-факторов становится критическим — возникает кризис. Протестная активность, в свою очередь, провоцирует эскалацию запретов и стимулирует стремление ребенка к эмансипации, самостоятельности и автономии.

Не случайно А. Валлон называет возраст трех-четырех лет периодом противопоставления, поскольку ребенок начинает испытывать потребность утверждать и завоевывать свою самостоятельность, что приводит к конфликтам с окружающими. В период негативного персонализма Я старается проявиться в демонстративной самостоятельности. Но этот кризис необходим, с этого времени ребенок начинает осознавать свою внутреннюю жизнь [4].

Эмансипация от взрослого служит основой качественно нового типа взаимоотношений ребенка со взрослым. Отмечая раннее стремление ребенка к самостоятельности, Д. Б. Эльконин указывает на возникающее в процессе всего

психического развития детей внутреннее противоречие: «С одной стороны, у ребенка идет процесс возрастания самостоятельности, а с другой — усиливается тенденция к общей жизни и совместной деятельности со взрослыми... всякий шаг в эмансипации от взрослых есть одновременно шаг в сторону все большей и глубокой связи с жизнью общества» [24, с. 114].

Д. Б. Эльконин раскрывает факторы, обуславливающие формирование разных форм эмансипации: в случае если дети не могут самостоятельно найти и установить эту более широкую связь с обществом (со взрослыми), а взрослые не помогают им в этом, внутренние противоречия начинают проявляться во внешнем противопоставлении ребенка взрослым, т. е. взаимодействие приобретает негативную окраску. В случае поддержки взрослыми этого стремления к эмансипации ребенок, подросток и юноша тяготеют к самостоятельности и благополучно осваивают все новые сферы жизни [24].

Существенные аспекты зрелой эмансипации выделены Р. Гоулдом, который определяет процесс взросления как постепенный отказ от детских иллюзий и ложных предположений в пользу уверенности в своих силах и самопринятия. Тогда поведение становится все более самостоятельным и жизненно важные решения определяются смысловой системой индивидуума [28].

Д. А. Леонтьев вслед за Р. Гоулдом связывает эволюцию эмансипации с развитием и оформлением смысловой сферы личности. Отталкиваясь от идеи А. Н. Леонтьева о том, что личность рождается дважды — в возрасте трехлетнего негативизма и в подростковом возрасте, когда возникает самосознание, свои интересы, автор обосновывает следующие виды эмансипации. Первое рождение личности он предлагает определять как операциональную эмансипацию ребенка от взрослого, поскольку она основана на самостоятельной активности и моторной подвижности ребенка. Вместе с тем зависимость ребенка от родителей свидетельствует о подчиненности смысловой сферы ребенка родительскому воздействию и о влиянии семейной атмосферы на смысловые ориентации. С момента второго рождения личности, когда собственная активность субъекта начинает играть ключевую роль в выработке смысло-жизненных ориентаций, личность обретает интенциональную, смысловую эмансипацию, являющуюся последним звеном в последовательном процессе эмансипации от материнского организма и родительской семьи. Д. А. Леонтьев, отмечая качественно иной уровень эмансипации, полагает, что только интенциональная эмансипация позволяет человеку стать самостоятельной, автономной личностью, но для этого необходима «рефлексивная критическая самостоятельная позиция по отношению к другим социальным группам и общностям, членом которых человек является» [12, с. 126]. Рассматривая данную тему, ученый делает важный вывод: последовательная эмансипация от всех форм симбиотической зависимости образует единый вектор личностного развития, на разных его этапах предстающий в разных конкретных проявлениях.

Реакция эмансипации с выраженным протестом против установленных правил актуализируется в подростковом возрасте. В основе эмансипации лежит характерная для подростков потребность в освобождении от контроля и покровительства взрослых, стремление к свободе, самостоятельности и самоутверждению себя как личности. Данная реакция имеет и негативные проявления — непереносимость возражений и критики в свой адрес, нетерпимое отношение к опеке, плохая адаптация к существующим порядкам, законам, традициям [7, с. 60]. Поскольку в свете этого подхода процесс эмансипации смещается в сторону деструктивности, целесообразно выявить факторы, обуславливающие формирование негативных форм эмансипации, вплоть до ее крайних форм.

Э. Фромм предполагает, что общая тенденция к росту, будучи психологическим эквивалентом аналогичной биологической тенденции, приводит к таким специфическим тенденциям, как стремление к свободе и ненависть к угнетению, поскольку свобода — основное условие любого роста. Однако стремление к свободе и независимости может быть подавлено, исчезнуть из сознания индивида, но и в этом случае оно продолжает существовать в потенциальной форме, заявляя о себе сознательной или подсознательной ненавистью [21, с. 238–239]. Указывая на трудности и противоречия процесса эмансипации, Э. Фромм рассматривает этот процесс в терминах невроза — как неудачную попытку разрешить конфликт между непреодолимой внутренней зависимостью и стремлением к свободе.

Феноменология эмансипации активно исследуется в рамках девиантного поведения. Согласно А.Е. Личко, реакции эмансипации, наряду с другими значимыми реакциями, связаны с протестностью личности. Эти реакции возникают на фоне акцентуаций характера, имеют склонность к генерализации и приобретению патологических стереотипов. Автор перечисляет социально-психологические факторы, под действием которых развивается реакция эмансипации: чрезмерная опека со стороны старших, мелочный контроль, лишение минимальной самостоятельности и всякой свободы, т.е. воспитательская гиперпротекция. А.Е. Личко обнаружил, что выраженная реакция эмансипации свойственна смешанному истероидно-неустойчивому типу личности и указывает на психологическую склонность к делинквентности; у гипертимных подростков реакция эмансипации наиболее проявляется в поступках (их сильно тяготит родительская гиперпротекция и мелочный контроль), а у истероидных и шизоидных — в высказываниях [13].

Стремление к эмансипации, характерное для подростков, не исчезает и в юношеском возрасте. Социальный протест молодежи — это попытка построить собственную систему ценностей, чтобы найти новые цели и принципы, которые придадут жизни смысл и направленность. Согласие и сотрудничество с другими ощущается как угроза своей идентичности. В случае, когда протест

обусловлен логикой реализации собственных жизненных задач, ценностями и внутренними смыслами личности, сформированными на основе собственного опыта, можно говорить об обретении интенциональной эмансипации.

Однако зрелый ценностный протест, подготовленный интенционально-смысловой эмансипацией, духовными усилиями, — удел немногих. Большинство молодых людей, будучи инфантильными, погружаются в пучину протеста спонтанно, вдохновляясь не собственными продуманными и выстраданными убеждениями в результате духовной работы, а идеями лидеров (часто деструктивными), т. е. не обладая подлинной самостоятельностью, автономностью и целостностью личности.

Негативные аспекты данной проблемы, эффекты трансформации эмансипации рассмотрели П. Коллиер и Д. Горовиц в работе «Поколение разрушителей». Авторы, удачно используя метафору, проводят аналогию между эпохой молодежного бунта 1960-х гг. и открытым ящиком Пандоры, явившим обществу последствия незрелых и деструктивных форм эмансипации — организованную преступность, повальное увлечение наркотиками среди молодежи, СПИД, субкультуру с ее вседозволенностью, сектантство экстремистской направленности [27].

Обращаясь к феномену свободы, Э. Фромм подчеркивает, что утверждение собственной жизни, роста, свободы предполагает готовность и способность к такому самоутверждению. Однако в большинстве случаев человек еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным и объективным. Право выражать свои мысли имеет смысл только в том случае, если человек способен иметь собственные мысли. Э. Фромм убежден, что «свобода от внешней власти становится прочным достоянием только в том случае, если внутренние психологические условия позволяют нам утвердить свою индивидуальность» [21, с. 201]. Поэтому подлинная независимость — это не просто противопоставление себя чему-то, а преодоление внутренних барьеров, которое реализуется «через любовь и труд, через подлинное проявление своих чувственных, интеллектуальных и эмоциональных способностей; таким образом он может вновь обрести единство с людьми, с миром и с самим собой, не отказываясь при этом от независимости и целостности своего собственного «я»» [21, с. 122].

В результате теоретического обобщения мы пришли к выводу, что феномен эмансипации представляет собой непрерывный процесс и включает в себя широкий спектр психологических понятий — от физического и эмоционального отделения и реакции, протекающей по типу противоборства, до качества личности, ее интенциональной направленности на самоутверждение, независимость и обретение внутренней свободы.

Непрерывная эмансипация, в основе которой лежит осмысленное стремление к самовыражению, самоутверждению себя как личности и освобождению от опеки и симбиотических связей, способна стать ключевым моментом,

стартом в направлении достижения индивидуально конкретизирующейся независимости, самостоятельности убеждений и автономии. Напротив, негативные формы эмансипации, связанные с психологической незрелостью и инфантилизмом личности, с недостаточной духовной работой и неспособностью самоидентифицироваться, приводят к отказу от самоопределения и выбору отрицательных образцов для подражания, обуславливают ее подверженность сомнительными идеологиями, вовлекающим личность в деструктивный, разрушительный протест.

Заключение

Систематизация научных представлений относительно феномена эмансипации личности позволила выделить следующие существенные его компоненты: 1) потребность в автономии и независимости формируется у человека с рождения; 2) являясь имманентной логикой и силой развития, эмансипация позволяет преодолевать изначальную психологическую зависимость; 3) эмансипация как непрерывный активный процесс может эволюционировать от незрелых и эпизодических проявлений к сформированным, зрелым и устойчивым формам (интенциональная эмансипация, автономность); 4) результат эмансипации неоднозначен и обусловлен внешними (воспитательными воздействиями и жизненной средой) и внутренними факторами; 5) реализация собственных эмансипационных тенденций способствует формированию личностных структур и их гармоничному сочетанию; 6) зрелые формы эмансипации способствуют обретению личностной независимости, экспансии собственного масштаба и реализации потенциала; 7) незрелые и невротические формы эмансипации актуализируют деструктивные виды протеста, препятствуют обретению идентичности и целостности личности.

Перспективность исследования эмансипации как формы протеста в разновозрастных выборках не требует подтверждения, особый интерес представляют подростковый и молодежный контингент для раскрытия позитивных и негативных проявлений протеста.

Библиографический список

1. Бахофен И. Материнское право // Классики мирового религиоведения: антология. М.: КАНОН+, 1996.
2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
3. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004.
4. Валлон А. Психическое развитие ребенка. СПб.: Питер, 2001.
5. Выготский Л. С. Проблема возраста // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т.4.

6. Гусейнов А.Ш. Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2.
7. Егоров А. Ю., Игумнов С. А. Расстройство поведения у подростков: клинико-психологические аспекты. СПб.: Речь, 2005.
8. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб.: Петроглиф, 2009.
9. Козут Х. Анализ самости. Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. М.: Когито-Центр, 2003.
10. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов: [Более 4500 слов и выражений]. М.: ЭКСМО, 2006.
11. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб.: Питер, 2011.
12. Леонтьев Д. А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 3.
13. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Медицина, 1983.
14. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло): пер. с нем. М., Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
15. Малер М. С., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981.
17. Психоанализ раннего детского возраста. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.
18. Самоукина Н. В. Симбиотические аспекты отношений между матерью и ребенком // Вопросы психологии. 2000. № 3.
19. Стерн Д. Н. Межличностный мир ребенка: взгляд с точки зрения психоанализа и психологии развития. СПб: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2006.
20. Уроки французского психоанализа: Десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу. М.: Когито-Центр, 2007.
21. Фромм Э. Бегство от свободы: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.
22. Хартманн Х. Эго-психология и проблема адаптации. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002.
23. Шниц Р. А. Психоанализ раннего детского возраста. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.
24. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.
25. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
26. Bachofen J. J. Myth, religion, and mother right // Selected writings of J. J. Bachofen/Translated from the German by Ralph Manheim, with a preface by George Boas and an introduction by Joseph Campbell. London: Princeton University Press, 1967.
27. Collier P., Horowitz D. Destructive generation: second thoughts about the sixties. New York: Summit Books, 1990.
28. Gould R. L. Transformations, growth and change in adult life. New York: Simon & Schuster, 1978.

29. *McDougall J.* Primitive Communication and the use of the Countertransference: Reflections on early psychic trauma and its transference effects. In *Plea for a Measure of Abnormality*. New York: International Universities Press, 1980.
30. *Weinfield N.S., Sroufe L.A., Egeland B., & Carlson E.A.* The nature of individual differences in infant — caregiver attachment. In J. Cassidy & P.R. Shaver (Eds.), *Handbook of attachment*. New York: Guilford Press, 1999.

References

1. *Bachofen I.* Materinskoe pravo // *Klassiki mirovogo religiovedenija: antologija*. M.: KANON+, 1996.
2. *Bozhovich L.I.* Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. M.: Prosveshhenie, 1968.
3. *Bowlby J.* Sozdanie i razrushenie jemocional'nyh svjazej. M.: Akademicheskij proekt, 2004.
4. *Wallon H.* Psihicheskoe razvitie rebenka. SPb.: Piter, 2001.
5. *Vygotsky L. S.* Problema vozrasta // *Sobranie sochinenij: v 6 t.* M.: Pedagogika, 1984. T. 4.
6. *Gusejnov A.Sh.* Fenomen protestnogo povedenija // *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*. 2012. № 2.
7. *Yegorov A. Ju., Igumnov S.A.* Rasstrojstvo povedenija u podrostkov: kliniko-psihologicheskie aspekty. SPb.: Rech', 2005.
8. *Dolnik V. R.* Neposlushnoe ditja biosfery. Besedy o povedenii cheloveka v kompanii ptic, zverej i detej. SPb.: Petroglif, 2009.
9. *Kohut Ch.* Analiz samosti. Sistematicheskij podhod k lecheniju narcissicheskikh narushenij lichnosti. M.: Kogito-Centr, 2003.
10. *Komlev N.G.* Slovar' inostrannyh slov: [Bolee 4500 slov i vyrazhenij]. M.: JeKSMO, 2006.
11. *Craig G., Baucum D.* Psihologija razvitija. 9-e izd. SPb.: Piter, 2011.
12. *Leontyev D.A.* Lichnost' v nepredskazuemom mire // *Metodologija i istorija psihologii*. 2010. T. 5, vyp. 3.
13. *Lichko A. E.* Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov. 2-e izd., dop. i pererab. L.: Medicina, 1983.
14. *Lorenz K.* Agressija (tak nazываемое zlo): per. s nem. M., Izd. gruppa «Progress», «Univers», 1994.
15. *Mahler S., Pine M.M. and F., Bergman A.* The Psychological Birth of the Human Infant: Symbiosis and individuation. M.: Kogito-Centr, 2011.
16. *Ozhegov S. I.* Slovar' russkogo jazyka. M.: Russkij jazyk, 1981.
17. *Psihoanaliz rannego detskogo vozrasta*. M.: PER SJe; SPb.: Universitetskaja kniga, 2001.
18. *Samoukina N.V.* Simbioticheskie aspekty otnoshenij mezhdu mater'ju i rebenkom // *Voprosy psihologii*. 2000. №3.
19. *Stern D.N.* Mezhlichnostnyj mir rebenka: vzgljad s točki zrenija psihoanaliza i psihologii razvitija. SPb: Vostochno-Evropejskij institut psihoanaliza, 2006.
20. *Uroki francuzskogo psihoanaliza: Desjat' let franko-russkikh klinicheskikh kollokviumov po psihoanalizu*. M.: Kogito-Centr, 2007.
21. *Fromm E.* Begstvo ot svobody: per. s angl. M.: Progress, 1989.

22. *Hartmann H.* Ego-psihologija i problema adaptacii. M.: Institut obshhegumanitarnyh issledovanij, 2002.
23. *Spitz R. A.* Psihoanaliz rannego detskogo vozrasta. M.: PER SJe; SPb.: Universitetskaja kniga, 2001.
24. *Elkonin D. B.* Izbrannye psihologicheskie trudy. M.: Pedagogika, 1989.
25. *Erikson E.* Identichnost': junost' i krizis. M.: Progress, 1996.
26. *Bachofen J. J.* Myth, religion, and mother right // Selected writings of J. J. Bachofen / Translated from the German by Ralph Manheim, with a preface by George Boas and an introduction by Joseph Campbell. London: Princeton University Press, 1967.
27. *Collier P., Horowitz D.* Destructive generation: second thoughts about the sixties. New York: Summit Books, 1990.
28. *Gould R.L.* Transformations, growth and change in adult life. New York: Simon & Schuster, 1978.
29. *McDougall J.* Primitive Communication and the use of the Countertransference: Reflections on early psychic trauma and its transference effects. In Plea for a Measure of Abnormality. New York: International Universities Press, 1980.
30. *Weinfield N. S., Sroufe L. A., Egeland B., & Carlson E. A.* The nature of individual differences in infant–caregiver attachment. In J. Cassidy & P. R. Shaver (Eds.), Handbook of attachment. New York: Guilford Press, 1999.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ И ЭПОХИ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ БИОГРАФИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ ЗАНЯТОСТИ

.....

А. Н. Дёмин¹

Взаимодействие личности и эпохи рассматривается через понятие «биографические стандарты занятости». Рассмотрены новые биографические стандарты занятости, появившиеся в постсоветский период.

Ключевые слова: личность, жизненный путь, эпоха, биографические стандарты занятости.

Interaction of personality and epoch is viewed through the concept of «biographical employment standards». Some new biographical employment standards, which appeared in the post-Soviet period, are considered.

Key words: personality, course of life, epoch, biographical employment standards.

В настоящее время отчётливо выделяются три предметные области в психологии жизненного пути. Одну область образуют концепции, в которых главное внимание уделяется структуре жизненного пути и различным составляющим развития личности в течение жизни. Другая область включает в себя представления о личности как субъекте своего развития. Третью область составляют теоретические положения и эмпирические исследования, в которых жизненный путь рассматривается в качестве пространства активного взаимодействия личности и эпохи.

Цель статьи — анализ последней из названных предметных областей через призму психологии занятости и попытка систематизировать соответствующие формы взаимодействия личности и эпохи.

Объектом изучения в психологии занятости выступают, с одной стороны, внешний рынок труда и формы нерыночной занятости (участие в домашнем хозяйстве, неоплаченной благотворительной деятельности и т. п.), с другой сто-

¹ Дёмин Андрей Николаевич — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: demin@manag.kubsu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 13-36-01037.

роны, внутренний рынок труда (занятость в организациях); предметом психологии занятости служат психологические явления и закономерности, связанные с вовлечением населения в различные виды и формы трудовой занятости, участием в них, выходом/исключением из них и протекающие на уровне личности, малой группы, организации, общества.

При рассмотрении жизненного пути как пространства взаимодействия личности и эпохи традиционно обращаются к идее Б. Г. Ананьева о том, что историческое время с его политическими, экономическими, культурными, техническими и прочими преобразованиями глубоко проникает во внутренний механизм индивидуально-психического развития, поэтому психологическое изменение структуры личности, её характера и таланта в ходе индивидуального развития нельзя представить вне категории исторического времени [2, с. 112].

Аналогичной позиции придерживался Э. Эриксон. Он указывал на существование тотального процесса, одновременно регулирующего индивидуальные жизненные циклы, последовательность поколений и структуру общества [9]. Несомненный интерес представляют его рассуждения о возможности влияния технологических, экономических, идеологических тенденций, господствующих в данный период развития общества, на психосоциальное развитие человека. Например, чувство разделения труда и различия возможностей, или, как он его называет, чувство технического этоса культуры, начинает развиваться уже в младшем школьном возрасте, поэтому вытекающие из господствующей технологии манипуляции должны осмысленно дойти до школьной жизни, поддерживая в каждом ребёнке чувство компетентности. В отрочестве в наиболее выгодном положении оказывается та часть молодёжи, которая хорошо подготовлена к расширяющимся технологическим тенденциям и поэтому может идентифицировать себя с новыми ролями, предполагающими компетентность и творчество. В этот период сознание молодого человека особенно чувствительно к идеологическому потенциалу общества и производным от него ценным «способам жизни».

Рассматриваемые подходы фиксируют общее влияние эпохи на личность, для конкретизации которого мы предлагаем использовать понятие *биографический стандарт занятости*. Это результат синхронизации индивидуальных жизненных путей и его психологических составляющих, выработка типичных для людей предпочтений, оценок, переживаний, форм поведения в сфере занятости, которые одновременно складываются и закрепляются у современников, являются результатом их сходной активности и явного/неявного сравнения и согласования.

За последние два десятилетия в жизни наших соотечественников появился целый ряд новых биографических стандартов занятости. Анализ опубликованных исследований позволяет отнести к их числу следующие феномены.

Учащение индивидуальных кризисов занятости и, как следствие, *рост психологической напряжённости карьеры*. В течение жизни современный человек сталкивается с трудностями при первом выходе на рынок труда, он может оказаться в ситуации безработицы, длительной невыплаты заработной платы, реорганизации предприятия, его слияния с другим предприятием и т. п. Отдельные виды кризисов занятости имеют сложную внутреннюю дифференциацию. В частности, безработица может переживаться в форме кризиса потери работы, кризиса несоответствия квалификации, кризиса утраты профессии [4] и т. д.

Отдельные виды и типы кризисов могут неоднократно повторяться, удваиваться или утраиваться (если человек занят, например, на нескольких работах), иметь разные последовательности, способы и эффективность преодоления. Поскольку кризисы занятости сопровождаются существенным изменением социального, материального, профессионального статусов и ухудшением психологического благополучия, они служат серьёзным испытанием для человека и в своей совокупности определяют своеобразие и уровень психологической напряжённости карьеры и жизненного пути в целом.

В условиях социальных изменений напряжённость карьер возрастает по сравнению со стабильными историческими периодами, в одних социальных группах она выше, в других ниже, у кого-то ярко выражены внешние, статусные изменения, у кого-то преобладают внутренние, субъективные изменения. Построение классификации напряжённых карьер, социальных и психологических портретов их носителей, изучение способов преодоления (непреодоления) напряжённости на разных отрезках жизни — важная задача. В зарубежных исследованиях предложены межпоколенческие модели бедности, модели кумулятивных и непосредственных следствий личностно-средовых взаимодействий в условиях экономического стресса [12; 14; 15], которые вполне могут быть названы биографическими стандартами занятости для определенных категорий населения.

Распространение феномена ненадёжности работы. Основной единицей анализа жизненного пути принято считать события, событийные изменения, которые происходят в здоровье, внутреннем мире, семье и т. д. Возросший уровень неопределённости жизни заставил обратить внимание на другую единицу анализа — несобытийные изменения (они известны давно, но не попадали в центр внимания исследователей). Такие изменения возникают в результате ожидания события, ненаступления ожидаемого события и т. п. [17]. Особого внимания заслуживают ожидания различных угроз и роль этих ожиданий в структуре жизненного пути; их иллюстрацией является феномен ненадёжности работы (он выступает разновидностью индивидуального кризиса занятости, но его специфика и всё более активное распространение побуждают остановиться на нём особо).

В начале 1990-х гг. некоторые авторы полагали, что тема уязвимой, ненадёжной работы (из-за угрозы потерять её) имеет основания выделиться из психологии безработицы в самостоятельную область исследований [11], что в дальнейшем и произошло. За последние годы число исследований, посвященных ненадёжности работы, значительно выросло, это обусловлено существенными изменениями на рынках труда. Как пишет З. Бауман, сейчас «никто не может чувствовать себя действительно незаменимым — ни уже изгнанные, ни получающие удовольствие от увольнения других. Даже самая привилегированная должность может оказаться лишь временной — «до особого распоряжения»» [3, с. 174].

Феномен ненадёжности работы имеет выраженную латентную природу. Он не обязательно воплощается в статусные изменения, например, человек может пережить поглощение его предприятия другим предприятием и сохранить своё место, уровень дохода и пр., но за это ему придётся заплатить психологическими изменениями. Как свидетельствуют результаты исследований, реорганизация и слияние предприятий (наиболее распространённые источники ненадёжности) в последующем приводят к существенному снижению общей самооффективности, отрицательно влияют на преданность организации и уровень доверия работодателю, на склонность к положительному объяснению своей роли в жизненных успехах у тех, кто пережил эти ситуации и сохранил работу. Примечательно, что через год после реорганизации уровень общей самооффективности у работников не только статистически значимо понижается, но и приобретает значение, характерное для категории работников, получивших уведомление об увольнении, и безработных, состоящих на учете в центрах занятости около полугода. Данный результат был получен сначала в диссертационном исследовании И. А. Петровой [7], а позже совсем на другой выборке — в дипломном исследовании Д. В. Колтуновой.

В целом ненадёжность работы становится неотъемлемой частью карьеры и жизненного пути. В этих условиях работникам, по меткому замечанию Р. Сеннета, приходится постоянно упражняться в депрессии [10], а сами эти упражнения становятся биографическими стандартами занятости.

К новым стандартам занятости относится и *новое понимание карьеры*. Её восприятие как непрерывного процесса, накапливающего результаты и ресурсы, постепенно сменяется восприятием карьеры как набора фрагментов, отрезков, когда нет пиков, но есть решение насущных, зачастую неожиданно возникающих задач. И повседневная жизнь, и научные тексты содержат немало подтверждений высказанному соображению. Как пишет К. А. Абульханова, сейчас жизнь оказалась разбита на короткие отрезки, определяющиеся наличием финансов; одновременно исчезла профессиональная стабильность и гарантированность определённого уровня жизни в определённых профессиях [1, с. 30].

Специально зададим искусственно усиленное противопоставление: если раньше карьера имела временную организацию, которая структурировалась целью, развивалась от меньшего к большему, то сейчас карьера имеет скорее пространственную организацию, это пространственное усилие (если не получается здесь — получится в другом месте и т.д.) может не дать внешних результатов-достижений. В таком случае критериями успешности становятся внутренняя удовлетворённость и возможность личностного развития в выбранном направлении до тех пор, пока не почувствуешь противодействия. Правомерность подобных рассуждений подтверждается современными концепциями «вариативной карьеры», «карьеры без границ», «гибридной карьеры» [10; 13 и др.], в которых делаются попытки адаптировать уже сложившиеся подходы к новым социально-экономическим реалиям и привлечь новые понятия и модели.

Возможно, между временной и пространственной организациями карьеры существуют взаимопереходы, некоторым людям удаётся это успешно продемонстрировать.

Важно отметить, что карьера — это не только получение престижной работы, профессиональное совершенствование, повышение зарплаты, рост удовлетворённости трудом и профессией, но и разнообразные потери и неудачи (например, попадание в ситуацию безработицы), периоды профессиональной стагнации и депрессии. Карьера шире профессионального развития личности, поэтому адекватным контекстом её изучения и интерпретации становятся процессы занятости. В пользу такого выбора свидетельствуют процессы размывания профессиональной идентичности людей и депрофессионализации занятости, когда для человека более значима работа как таковая (т.е. занятость вообще), а не профессия.

Полагаем, что у каждой возрастной группы формируется свой набор биографических стандартов занятости, дополняющий универсальный набор, характерный для разных социальных групп данной эпохи. Если брать современную молодёжь, к числу специфических стандартов занятости можно отнести следующие феномены.

Элитарные профессиональные ориентации, освобождённые от социально-экономических ограничений. Они проявляются в стабильно высоком интересе молодёжи к узкому кругу профессий, ассоциируемых либо с высоким доходом (например, юрист, экономист, менеджер), либо с новизной и редкостью (дизайнер, модельер, психолог и др.).

Высокие образовательные, должностные и финансовые притязания. В значительной, но не в полной мере этот стандарт совпадает с революцией притязаний молодёжи [6]. С одной стороны, высокие притязания есть результат влияния исторических обстоятельств на сознание и поведение молодых людей, с другой стороны, они оказывают сильное формирующее влияние на со-

циальные институты общества, включаются в механизмы их функционирования. В первую очередь это относится к биографическому стандарту высоких образовательных притязаний молодёжи. Специальный анализ показывает, что на протяжении всего постсоветского периода наблюдалась конвергенция образовательных притязаний выпускников школ и доступности высшего образования (отношение численности студентов, принятых в вузы, к численности учащихся, получивших аттестат о среднем общем образовании в соответствующем году). В рамках этой конвергенции притязания школьников выступили ведущим, провоцирующим началом, они подтягивали к себе объективные показатели высшего образования [5]. Скорее всего здесь действовали следующие факторы. Во-первых, имел место отложенный спрос на высшее образование, т. е. были соответствующие неудовлетворённые высокие потребности молодёжи, которые сформировались ещё в советское время. Во-вторых, в постсоветский период в рамках так называемого рывка к свободе государство отказалось от регулирования рынка труда и, следовательно, образования, а работодатели никак не обозначили себя в образовательной политике. По этой причине механизм наполнения высшей школы оказался в поле воздействия преимущественно одной силы — молодых людей и стоящих за ними домохозяйств с их социальными, финансовыми и прочими ресурсами и амбициями.

Следствием лёгкой реализуемости притязаний на высшее образование стали изменения в сфере трудовой занятости — наблюдается неуклонный рост доли лиц с высшим образованием в экономике, что не могло не привести к изменению социальных ожиданий на рынке труда. Об этом свидетельствует хорошо известный факт: при приёме на работу желательно или необходимо иметь высшее образование, даже если оно объективно не требуется; в итоге люди стремятся обрести соответствующий квалификационный документ.

Описанные процессы обусловили формирование ещё одного биографического стандарта занятости: *отношение к высшему образованию как потребительской норме*.

Суть этого стандарта занятости проявляется в том, что высшее образование в сознании молодёжи (и их родителей) превратилось в некую потребительскую норму, т. е. в то, чем должен обладать «каждый порядочный человек». Соответственно институт высшего образования стимулирует не столько выбор профессии, сколько добор этих статусных благ, наполнение той части потребительской корзины, которая отведена для приобретения символического капитала.

В более широком плане данное явление отражает размывание границ между высшим образованием, изначально призванным давать знания, и рынком. Вузы стремятся всеми доступными средствами удовлетворить спрос на высшее образование; знания, умения, навыки заменяются на компетенции — специальный язык корпораций, желающих вложить деньги в сферу образова-

ния, непосредственно включить его в свои организационно-технологические циклы; ненадёжность занятости преподавателей неуклонно растёт — в этом аспекте вузы перестали отличаться от промышленных, финансовых, торговых организаций, уже давно функционирующих в режиме рыночной неопределённости.

Принятие молодёжью депрофессионализации занятости (важна работа как таковая, а не профессия) и, как следствие, *низкая преданность полученной профессии и высокая готовность к карьерной мобильности*. Имеющиеся эмпирические данные свидетельствуют о том, что принятие депрофессионализации занятости — преемственное межвозрастное явление, оно характерно и для выпускников общеобразовательных школ, и для выпускников колледжей и ПТУ, и для выпускников вузов. Следствием данного явления становятся новые критерии жизненных и карьерных выборов, новые критерии поиска работы, меняются нормы взаимоотношений между работниками и работодателями.

В этой связи логично выделить ещё один новый биографический стандарт занятости — *высокую готовность к карьерной мобильности*.

В постсоветский период многие учащиеся общеобразовательных и профессиональных школ допускают изменчивость в своих будущих карьерах. При перемещении на рынок труда такие установки воплощаются в реальную карьерную мобильность. Например, четверть выпускников вузов хотя бы один раз меняет место работы в первый год после завершения учёбы. При сравнении с советским периодом это выглядит внушительной величиной. В связи с реформированием высшей школы, противоречиями и неопределённостью на рынке труда высокая готовность молодёжи к карьерной мобильности будет сохраняться.

Определённым образом сочетаясь, биографические стандарты занятости образуют стратегии социальной интеграции личности. В молодёжной среде на сегодняшний день отчётливо выделяются две такие стратегии. Для одной из них, присущей значительной части молодёжи, характерно допущение изменчивости в карьере, принятие депрофессионализации занятости, отношение к высшему образованию как потребительской норме; при перемещении на рынок труда данная стратегия, по-видимому, воплощается в частую смену организаций. Другой стратегии социальной интеграции, менее распространённой в молодёжной среде, свойственны приверженность профессии, отношение к высшему образованию как источнику профессиональных знаний; при перемещении на рынок труда данная стратегия, по-видимому, воплощается в обдуманный поиск стабильного места работы.

Заключение

Биографический стандарт занятости рассматривается нами как способ конкретизации взаимодействия личности и эпохи и как один из теоретических инструментов в арсенале психологии жизненного пути. По своему содержанию данное понятие ближе всего к инструментам макропсихологического анализа жизненного пути.

За последние годы сформировался целый ряд новых биографических стандартов занятости: учащение индивидуальных кризисов занятости и рост психологической напряжённости карьеры; распространение феномена ненадёжности работы; новое понимание карьеры как пространственного усилия; элитарные профессиональные ориентации, освобождённые от социально-экономических ограничений; высокие образовательные, должностные и финансовые притязания, в совокупности создающие принципиально новую по сравнению с советским периодом субъективную позицию, с которой молодые люди выходят на рынок труда; отношение к высшему образованию как потребительской норме; принятие депрофессионализации занятости (важна работа как таковая, а не профессия), низкая преданность полученной профессии; высокая готовность к карьерной мобильности.

Было бы неверно анализировать формирование биографических стандартов занятости только по линии «от эпохи к личности», возможен анализ и в обратном направлении — «от личности к эпохе». Элитарные профессиональные ориентации, высокие образовательные притязания, высокая готовность к карьерной мобильности и другие стандарты занятости, сформировавшиеся в молодёжном сознании, оказывают влияние на институты высшего образования и рынка труда, демонстрируя тем самым специфические способы соединения жизненных путей с современной эпохой.

Библиографический список

1. Абульханова К. А. Личность как субъект жизненного пути // Время как фактор изменений личности. Минск: ЕГУ, 2003.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М.: Наука, 2000.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
4. Бендюков М. А. Психология профессионального кризиса у безработных: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2009.
5. Дёмин А. Н. Соотношение притязаний школьников с социально-экономическими показателями региона // Вопросы психологии. 2011. № 1.
6. Магун В. С. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодёжи: 1985–1995 годы // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодёжи: 1985–1995 годы. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.

7. *Петрова И.А.* Психологические эффекты пребывания личности в неопределённой жизненной ситуации (на примере ситуации ненадёжной работы): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2011.
8. *Сеннет Р.* Коррозия характера. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2004.
9. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М.: Изд. группа «Прогресс», 1996.
10. *Briscoe J. P., Hall D. T.* The interplay of boundaryless and protean careers: Combinations and implications // *Journal of Vocational Behavior*. 2006. Vol. 69.
11. *Burchell B.* Towards a social psychology of the labour market: or why we need to understand the labour market before we can understand unemployment? // *Journal of Occupational & Organizational psychology*. 1992. Vol. 65, № 4.
12. *Caspi A.* Why maladaptive behaviors persist: sources of continuity and change across the life course // *Studying lives through time: personality and development*/ed. by D.C. Funder, et al. 2-d ed. Washington: APA, 1996.
13. *Defillippi R. J., Arthur M. B.* The boundaryless career: A competency-based perspective // *Journal of Organizational Behavior*. 1994. Vol. 15.
14. *Elder G. H. Jr., Caspi A.* Economic stress in lives: developmental perspectives // *Journal of Social Issues*. 1988. Vol. 44, № 4.
15. *Garmezy N.* Vulnerability and resilience // *Studying lives through time: personality and development*/ed. by D.C. Funder, et al. 2d ed. Washington: APA, 1996.
16. *Rutter M., Rutter M.* Developing minds: challenge and continuity across the lifespan. London: Penguin books, 1993.
17. *Socol M., Louis M. R.* Career transitions and life event adaptation: integrating alternative perspectives on role transition // *Role transitions, explorations, and explanations*/ed. by V.L. Allen & E. Van de Vliert. New York: Plenum press, 1984.

References

1. *Abul'hanova K.A.* Lichnost' kak subjekt zhiznennogo puti // *Vremja kak faktor izmenenij lichnosti*. Minsk: EGU, 2003.
2. *Ananyev B.G.* Chelovek kak predmet poznaniya. M.: Nauka, 2000.
3. *Bauman Z.* Tekuchaja sovremennost'. SPb.: Piter, 2008.
4. *Bendjukov M.A.* Psihologija professional'nogo krizisa u bezrabotnyh: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. SPb., 2009.
5. *Demin A.N.* Sootnoshenie pritjazanij shkol'nikov s social'no-ekonomicheskimi pokazateljami regiona // *Voprosy psihologii*. 2011. № 1.
6. *Magun V.S.* Revoliucija pritiazanij i izmenenie zhiznennyh strategij molodjozhi: 1985–1995 gody. M.: Izd-vo Instituta sociologii RAN, 1998.
7. *Petrova I.A.* Psihologicheskie efekty prebyvanija lichnosti v neopredelionnoj zhiznennoj situacii (na primere situacii nenadjozhnoj raboty): avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Krasnodar, 2011.
8. *Sennett R.* Korrozija haraktera. Novosibirsk: FSPI «Trendy», 2004.
9. *Erikson E.* Identichnost': junost' i krizis: per. s angl. M.: Izd. gruppa «Progress», 1996.

10. *Briscoe J. P., Hall D. T.* The interplay of boundaryless and protean careers: Combinations and implications // *Journal of Vocational Behavior*. 2006. Vol. 69.
11. *Burchell B.* Towards a social psychology of the labour market: or why we need to understand the labour market before we can understand unemployment? // *Journal of Occupational & Organizational psychology*. 1992. Vol. 65, № 4.
12. *Caspi A.* Why maladaptive behaviors persist: sources of continuity and change across the life course // *Studying lives through time: personality and development* / ed. by D.C. Funder, et al. 2-d ed. Washington: APA, 1996.
13. *Defillippi R. J., Arthur M. B.* The boundaryless career: A competency-based perspective // *Journal of Organizational Behavior*. 1994. Vol. 15.
14. *Elder G. H. Jr., Caspi A.* Economic stress in lives: developmental perspectives // *Journal of Social Issues*. 1988. Vol. 44, № 4.
15. *Garmezy N.* Vulnerability and resilience // *Studying lives through time: personality and development* / ed. by D.C. Funder, et al. 2d ed. Washington: APA, 1996.
16. *Rutter M., Rutter M.* Developing minds: challenge and continuity across the lifespan. London: Penguin books, 1993.
17. *Socol M., Louis M.R.* Career transitions and life event adaptation: integrating alternative perspectives on role transition // *Role transitions, explorations, and explanations* / ed. by V.L. Allen & E. Van de Vliert. New York: Plenum press, 1984.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ С ПАРТНЕРАМИ ПО СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЗНАНИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

.....

С. Ю. Флоровский¹

Рассматриваются особенности репрезентации в сознании руководителей отношений с вышестоящими, нижестоящими и равными по статусу партнерами по совместной управленческой деятельности. Анализируется взаимосвязь трёх смысловых координат восприятия руководителями этих отношений: личностной значимости, уровня субъективного контроля и удовлетворенности. Показана зависимость восприятия отношений с партнерами по совместному управлению организацией от статусно-должностного ранга и опыта управленческой деятельности перцепиента.

Ключевые слова: совместная управленческая деятельность, управленческие отношения, руководители, сознание, репрезентация.

There are considered specificities of representation in consciousness of managers of relations with partners of joint managerial activities which have high, low and equal official status. There are analyzed by interconnection of three semantic coordinates of perception of these relations of managers: personal importance, level of subjective control and satisfaction. Results of empiric research show that perception of relations with partners of joint managerial activities depend on official status and continuance of managerial experience of percipient.

Key words: joint managerial activities, managerial relations, managers, consciousness, representation.

Представление о том, что эффективность управления во многом определяется тем, как руководитель воспринимает и концептуализирует собственную управленческую деятельность и всё то, что с ней так или иначе связано, является общепризнанным в современных науках об управлении. В то же время степень изученности репрезентации в управленческом сознании различных сфер, «локусов» и «измерений» менеджерского труда варьирует в очень широких пределах. К числу репрезентатов, крайне редко становящихся предметом

¹ Флоровский Сергей Юрьевич – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: florowsky@mail.ru

психологического исследования, относится и совместная управленческая деятельность (СоУД) руководителей организации. Эта деятельность предполагает осуществление несколькими менеджерами в процессе непосредственного или опосредованного общения системы управленческих функций, связанных с регуляцией межгруппового взаимодействия возглавляемых ими структурных подразделений и/или организационных подсистем [19]. Центральным психологическим процессом и формой ситуационной реализации СоУД выступает управленческое взаимодействие.

Совместная управленческая деятельность обладает огромным потенциалом положительной синергии, обеспечивая достижение интегральных эффектов, намного превосходящих простую сумму ресурсов взаимодействующих организационных субъединиц [4; 12; 19; 24]. Однако на практике часто приходится сталкиваться с проявлениями негативной синергии, в связи с чем взаимодействие руководителей протекает малорезультативно, фокусируясь не на решении деловых проблем, а на преследовании личной или групповой выгоды, интригах и манипуляциях [2; 10; 13; 25; 26]. Как следствие, совместная управленческая деятельность оказывается источником весьма существенных угроз для безопасности организации и вовлеченных в реализацию этой деятельности руководителей [20].

Одним из важнейших условий адекватного понимания причин преобладания в управленческом взаимодействии положительной или отрицательной синергии является раскрытие социально-психологических закономерностей и механизмов отражения в сознании руководителей содержания реализуемой ими совместной управленческой деятельности как специфического измерения их профессиональной активности [29] и особого подпространства профессионального бытия [15].

Содержание совместной деятельности презентуется сознанию взаимодействующих субъектов прежде всего в виде системы складывающихся между ними отношений [7; 8; 11]. В случае СоУД это отношения с вышестоящими, нижестоящими и равными по должностному положению управленцами — партнерами по взаимодействию.

Следует заметить, что данные отношения неоднократно становились предметом множества отечественных и зарубежных исследований, выполненных в области психологии управления и организационной психологии [1; 12; 16; 23; 25; 30]. Однако чаще всего эти отношения рассматривались и продолжают рассматриваться лишь в качестве фоновых условий и обстоятельств, в контексте которых существуют и разворачиваются разнообразные «фокусные» (с точки зрения интересов исследователей) феномены управленческой деятельности и/или психической регуляции и саморегуляции поведения, деятельности и общения руководителей.

На основании анализа работ, посвященных проблеме репрезентации управленческой деятельности в сознании руководителей [4; 5; 6; 17; 21; 22; 29], нами

были выделены три содержательные системообразующие характеристики образов менеджерской деятельности, задающие основные смысловые координаты восприятия руководителями как собственной управленческой активности в целом, так и её отдельных аспектов (в частности, отношений с другими членами управленческих групп, коллективов и команд). В число названных характеристик входят: 1) *личностная значимость* — вытекающее из содержания индивидуальной управленческой концепции руководителя представление о мере важности того или иного элемента (аспекта) менеджерской деятельности как фактора её интегральной эффективности; 2) *уровень субъективного контроля* — оценка степени податливости какого-либо элемента (аспекта) профессиональной деятельности целенаправленному воздействию со стороны руководителя; 3) *удовлетворенность* — интегральная смысловая оценка менеджером состояния дел в его управленческой деятельности в целом и её отдельных аспектах.

При этом удовлетворенность может быть определена как функция соотношения двух названных характеристик образов менеджерской деятельности — личностной значимости и субъективного контроля. Удовлетворенность будет иметь место в случае субъективного равенства или приблизительно одинаковой степени выраженности этих характеристик (низкая/низкий, средняя/средний, высокая/высокий), неудовлетворенность — в случае их рассогласования. Интенсивность переживания неудовлетворенности обуславливается мерой рассогласованности. Направленность же рассогласованности — «перевес в пользу» либо значимости, либо субъективной подконтрольности — определяет психологическое содержание испытываемого руководителем чувства неудовлетворенности. Восприятие аспекта управленческой деятельности (онтологически представленного в виде событийной цепочки однородных по содержанию ситуаций) как значимого, но недостаточно подконтрольного актуализирует состояние неудовлетворенности ресурсно-дефицитарного типа («хочу, но не могу»). В случае же хорошей контролируемости личностно малозначимой сферы управленческой активности возникает аномическая неудовлетворенность, связанная с переживанием смыслового вакуума («могу, но не хочу», «могу, но зачем и для чего?»). При этом эмоциональными коррелятами ресурсно-дефицитарной неудовлетворенности будут качественно определенные негативные эмоциональные состояния (гнев, негодование и т. п.), а аномической неудовлетворенности — неопределенно-ориентировочные.

Организация и методы исследования

Респондентам предлагалось оценить 30 элементов (аспектов) управленческой деятельности. Среди этих элементов три описывали систему отношений с партнерами по управленческому взаимодействию: 1) отношения с вышестоящим руководством (ОВ); 2) отношения с руководителями, равными по долж-

ностному статусу (ОР); 3) отношения с нижестоящими управленцами (ОН). Все типы управленческих отношений оценивались трижды — по каждой из названных координатных систем отдельно.

Показателем *личностной значимости* элемента управленческой деятельности выступала его ранговая позиция в ряду факторов, упорядоченных по степени уменьшения их вклада в общую эффективность деятельности руководителя. При этом в качестве определяющих актуальное поведение руководителей рассматривались лишь те факторы, чьи ранговые значения не превышают 10–12. Факторы с большим значением квалифицировались как периферийные компоненты складывающегося у руководителя образа управленческой деятельности, обращение к которым носит эпизодический и случайный характер.

Степень субъективной контролируемости руководителями отношений с партнерами по СоУД определялась при помощи техники зрительно-аналогового шкалирования. Респондентам предлагалось отметить точкой на десятисантиметровых отрезках, каждый из которых соответствовал определенному элементу управленческой деятельности, насколько процесс и результаты связанной с этим элементом профессиональной активности руководителя зависят от него самого, а не от внешних факторов и обстоятельств (давление со стороны партнеров по взаимодействию, влияние писаных и неписанных норм, правил и традиций, флуктуации организационного развития и т. п.). В соответствии с основными положениями концепции локуса контроля [9; 14; 28] и существующими способами психометрического градуирования континуума экстернальности — интернальности итоговые значения оценок интерпретировались следующим образом: 0–30 баллов — экстернальность, 31–40 — умеренная экстернальность, 41–60 — амбивальность, 61–70 — умеренная интернальность, 71–100 — интернальность.

Уровень удовлетворенности руководителей связанными со сферой СоУД отношениями оценивался по традиционной биполярной 7-балльной шкале: 7 — «полностью удовлетворен», 6 — «по большей части удовлетворен», 5 — «скорее удовлетворен, чем не удовлетворен», 4 — «затрудняюсь ответить», 3 — «скорее не удовлетворен, чем удовлетворен», 2 — «по большей части не удовлетворен», 1 — «совершенно не удовлетворен».

Эмпирическую базу серии исследований, проведенных нами в течение последних пятнадцати лет, составили руководители и сотрудники организаций, различающихся как по содержанию деятельности (торговля, промышленное производство, образование, здравоохранение, банковская сфера, муниципальное управление, агропромышленный комплекс), так и по форме собственности (государственные, частные). Все респонденты были участниками разнообразных федеральных и региональных программ подготовки кадрового резерва и повышения управленческой квалификации. Исследовательская работа проводилась в связи с совершенствованием системы социально-психологического сопрово-

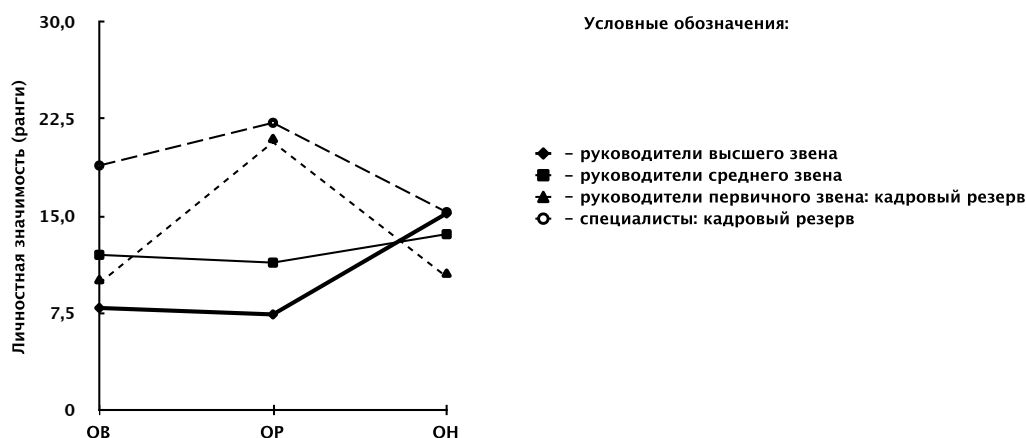

Рис. 1. Восприятие руководителями значимости своих отношений с вышестоящими, равными и нижестоящими партнерами по совместной управленческой деятельности

ждения обучения управленческого персонала. Выборка составила 440 чел.: 67 руководителей высшего управленческого ранга (топ-менеджеров), 195 — среднего (мидл-менеджеров), 84 руководителя первичного звена и 94 специалиста, состоящих в резерве на замещение вакантных руководящих должностей.

Личностная значимость для руководителей отношений с партнерами по совместной управленческой деятельности

Наиболее значимыми для руководителей *высшего* уровня управления являются отношения с равными по должностному положению (7,4) и вышестоящими (7,9) руководителями; отношения с руководителями, занимающими менее высокое положение, имеют для них существенно меньшую ценность (15,2) (рис. 1).

Скорее всего, это является отражением стереотипов, функционирующих в сознании людей, включенных в иерархические структуры: к вышестоящим надо приспосабливаться, с равными ладить, а с нижестоящими можно обращаться как с функциональными единицами. Возможно также действие и иных факторов: уверенность ведущих руководителей организаций в накатанности и стабильности отношений, связывающих их с руководителями среднего звена (а именно они в рассматриваемом случае занимают позицию нижестоящих), восприятие этих отношений как достаточно прозрачных, стандартизированных, сравнительно малопроблемных, допускающих легкие решения (типа кадровых перестановок, экономических санкций и т. п.), средствами осуществления которых управленцы высшего звена реально располагают.

Руководителей *среднего* управленческого ранга отличает от других анализируемых подвыборок наиболее синкретическое восприятие значимости

их отношений с партнерами по СоУД во всех трёх координатных плоскостях её реализации. Ранговые значения соответствующих показателей (ОВ, ОР, ОН) находятся в чрезвычайно узком диапазоне — от 11,4 до 13,6. Это свидетельствует о равновысокой чувствительности мидл-менеджеров к предъявляемым им противоречивым ожиданиям со стороны различных функционирующих в организации профессионально-квалификационных и статусных групп (персонифицированных в лице возглавляющих эти группы руководителей-партнеров по СоУД), что выступает одновременно причиной и следствием вовлечённости данной категории управленцев в разнообразные ролевые конфликты.

Низовые руководители в качестве практически равнозначных факторов эффективности своей управленческой деятельности рассматривают отношения с вышестоящим начальством (9,8) и своими подчиненными (10,3); значимость отношений с равными по статусу оценивается крайне низко (22,2). Полученные данные согласуются с описанными в психологической литературе механизмами регуляции социального поведения руководителей этого ранга, чьи ролевая и личностная позиции испытывают постоянное воздействие двух центробежных сил: ожиданий со стороны начальства, с одной стороны, и подчиненных — с другой [2; 27]. Именно эти системы альтернативных референтов и являются основными «силовыми линиями», относительно которых осуществляется ориентация профессионального сознания и поведения низовых руководителей.

Входящие в состав кадрового резерва специалисты не склонны рассматривать отношения с вышестоящими (18,9) и равными по должности (22,2) в качестве сколь-либо действенных факторов достижения успеха в управленческой деятельности. Более важными в этом плане они считают отношения с подчиненными (15,3). Подобное распределение значимости «разнокоординатных» отношений с партнерами по СоУД является функцией структуры личного профессионального опыта данной категории респондентов. Наибольшей личностно-смысловой нагруженностью для будущих управленцев обладают именно отношения с теми кто, будучи в настоящее время коллегами, может через некоторое время оказаться в роли подчиненных. Естественная эмоциональная идентификация с членами своей группы в сочетании с ограниченностью (или даже отсутствием) опыта реального содержательного общения с управленцами более высокого ранга и обуславливает недооценку двух других плоскостей построения управленческих отношений.

Итак, можно сделать вывод, что с продвижением по должностной лестнице возрастает степень личностной значимости для руководителей отношений с другими членами управленческого коллектива, происходит все бóльшая сенсбилизация сознания менеджеров к событиям, связанным с этой стороной их профессиональной активности. При этом заслуживает внимания факт недооценки связанных со сферой СоУД отношений в качестве органической составляющей управленческого труда, характерный для лиц, не имеющих ре-

ального менеджерского опыта (в рассматриваемом случае это состоящие в кадровом резерве специалисты).

Субъективный контроль отношений с партнерами по совместной управленческой деятельности

Этот контроль закономерно усиливается с увеличением статусно-должностного ранга руководителей. Наиболее уверенно чувствуют себя в сфере управленческих отношений руководители высшего звена (47,0), в меньшей степени принимают на себя ответственность за исходы вертикального и горизонтального управленческого взаимодействия руководители среднего ранга (37,0), а наиболее экстернальную позицию занимают управленцы первичного уровня (28,0) (в скобках приведены усредненные значения по всем трём рассматриваемым типам отношений).

Таким образом, отношения с партнерами по совместной управленческой деятельности воспринимаются руководителями вне зависимости от их статусного ранга как ограниченно доступные контролю и в значительной мере зависящие от разного рода внешних факторов и обстоятельств. Даже топ-менеджеры занимают в этих отношениях не более чем амбивальную позицию. Что же касается менеджеров более низких рангов, то восприятие ими системы управленческих отношений опосредуется экстернальными установками большей или меньшей степени проявленности.

При этом структура субъективного контроля над отношениями с вышестоящими, равными и нижестоящими партнерами по совместной управленческой деятельности существенно различается у рассматриваемых нами категорий руководителей (рис. 2).

Самой простой с формально-логической точки зрения оказывается структура субъективной контролируемости управленческих отношений у *представителей мидл-менеджмента*. Обнаруживается практически линейная зависимость: уровень субъективного контроля уменьшается с повышением должностного ранга партнеров по СоУД.

На *высшем уровне управления* структура субъективного контроля над разнокоординатными управленческими отношениями оказывается инвертированной по сравнению со структурой личностной значимости этих же отношений (рис. 1). Выше всего топ-менеджеры оценивают свою способность контролировать наименее значимую для них плоскость СоУД — отношения с нижестоящими. Существенно хуже руководители высшего звена контролируют более значимые для них отношения с вышестоящими и равными по должностному положению. При этом более проблемными с точки зрения субъективной подконтрольности выглядят не отношения с вышестоящим руководством, а отношения с другими управленцами высшего ранга. Вероятнее всего, такая структура субъективного контроля объясняется тем, что на рассматриваемом

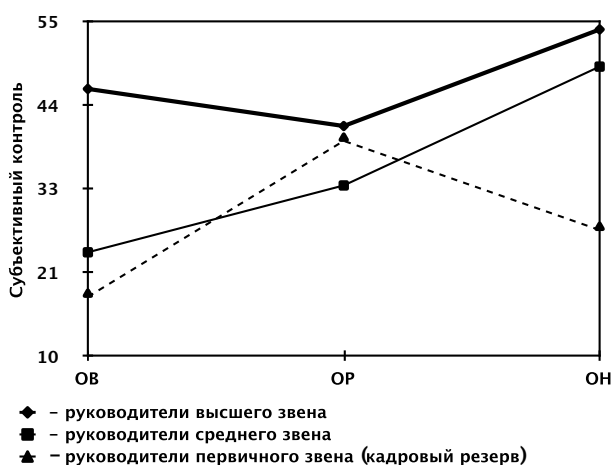

Рис. 2. Субъективная контролируемость руководителями своих отношений с вышестоящими, равными и нижестоящими партнерами по совместной управленческой деятельности (в единицах 100-балльной шкалы)

уровне управления, как правило, вышестоящее руководство представлено одним человеком — первым руководителем организации (The Top Top). Поэтому даже с формальной точки зрения интерперсональная аккомодация с ним оказывается легче достижимой, нежели с несколькими равными по должностному статусу коллегами. Тем более что каждый из этих коллег не только обладает психологической индивидуальностью, уникальным жизненным и профессиональным опытом, придерживается своей индивидуальной управленческой концепции (что подразумевается по умолчанию, коль скоро речь идет о людях, состоявшихся в профессии руководителя), но и зачастую претендует на статус самостоятельного «центра силы» в организации. Как следствие, складывающиеся на высшем уровне управления горизонтальные отношения оказываются для топ-менеджеров существенно менее прозрачными и менее понятными в сравнении с вертикальными связями, выстраиваемыми в логике взаимодействия «руководитель — подчиненный».

Следует обратить внимание и еще на одно обстоятельство, а именно — сходный характер репрезентации в сознании топ- и мидл-менеджеров отношений с нижестоящими партнерами по СоУД. Данные отношения рассматриваются как хорошо контролируемые, но относительно незначимые. Причем проявленность этого модуса восприятия отношений с нижестоящими в процессе карьерного роста руководителей все более и более усиливается. Таким образом, вследствие давления традиционных авторитарных стереотипов, социоперцептивные образы младших партнеров по СоУД, функционирующие в сознании руководителей высшего и среднего рангов, лишаются такой существенной характеристики, как субъектность. Напротив, нижестоящим руководителям

атрибутируются качества подчиняемости, управляемости, зависимости, прогнозируемости и т. п. Данный факт отражает глубокую укорененность в сознании российских руководителей парадигмы власти, одной из базисных идей которой и выступает представление о приоритете субординационно-директивных принципов организации делового взаимодействия. Соответственно, более современная и прогрессивная управленческая парадигма социального партнерства и обмена, ориентированная на превалирование координационно-паритетных начал в управленческом взаимодействии [21; 23; 24], не находит сколь-либо надёжных «смысловых опор» в опыте большинства руководителей высшего и среднего ранга. Это делает объяснимым те трудности, с которыми в практику отечественного менеджмента внедряются модели и технологии управления, основанные на принципах «распределённой справедливости», паритетного участия в жизнедеятельности организации всех её участников независимо от формального статусного ранга, равенства психологических позиций партнеров по управленческому взаимодействию, актуализации творческого потенциала персонала и т. п.

Для *руководителей первичного уровня* управления наиболее проблемны отношения с вышестоящими партнерами по СоУД: разрыв между личностной значимостью этих отношений и их субъективной подконтрольностью наиболее велик. Этот разрыв существенно уменьшается (но не исчезает) в отношениях с подчиненными. Лучше же всего контролируются отношения с равными по статусу, имеющие при этом минимальную личностную значимость в качестве фактора профессиональной успешности.

Однако высокий уровень субъективного контроля в этом случае носит во многом иллюзорный характер: деловые контакты между руководителями на первичном уровне управления в рассматриваемых нами организациях носят эпизодический и преимущественно эмоционально-личностный (а не содержательный) характер. Это связано с высокой функциональной автономностью первичных рабочих групп в рассматриваемых организациях и опосредованной координацией их взаимодействия — не напрямую, а через руководителей более высокого ранга, что соответствует логике «совместно-индивидуальной» [18] модели межгруппового взаимодействия.

В этой связи показательна существенная потеря контроля над данным типом отношений при карьерном переходе на следующий — средний — уровень управления. Психологическое содержание обстоятельств осуществления менеджерской деятельности на собственно управленческом уровне организационной иерархии оказывается радикально отличным от того, с чем сталкивался руководитель во время своего пребывания на техническом уровне управленческой структуры. Начинаящие мидл-менеджеры оказываются субъектами координации взаимодействия возглавляемого ими структурного подразделения с другими организационными субъектами, в связи с чем резко интен-

сифицируются их контакты с равными по должностному положению руководителями этих субъектов. Однако имеющиеся в распоряжении большинства начинающих мидл-менеджеров операциональные и личностные ресурсы построения и поддержания таких отношений оказываются весьма ограниченными, поскольку их развитие практически не инициировалось содержанием профессиональных задач, решаемых на предыдущей ступени карьерной лестницы. Следствием этого противоречия оказывается экстернализация профессионального сознания и личностной позиции руководителей в рассматриваемом измерении управленческой активности.

Можно констатировать, что реальный опыт совместной работы с равными по статусу субъектами властно-распорядительной деятельности приобретает руководителями именно на должностях, соответствующих среднему уровню организационно-управленческой иерархии. Этот этап управленческой карьеры правомерно рассматривать как сензитивный для формирования способности руководителя выстраивать, поддерживать и развивать горизонтальные управленческие отношения. Следует заметить, что психологическое содержание горизонтальных отношений в системе связей «руководитель — руководитель» всецело определяется парадигматической ориентацией управленческой культуры конкретной организации. В случае ориентации на парадигму социального партнерства и обмена (что весьма редко для современной России [2; 10; 20]) эти отношения действительно строятся на принципах координации усилий, равного вклада в совместную деятельность, решения проблемных ситуаций путем переговоров и т. п. В случае же превалирования более традиционной парадигмы власти данные отношения представляют собой пространство перманентной борьбы за перераспределение власти (как правило, путем вторжения в сферы компетенции формально равных по статусному положению коллег), использование всех возможных средств для расширения властных полномочий и минимизации своей подконтрольности, формирования и распада менеджерских коалиций, претендующих на занятие доминирующих позиций в организации.

Удовлетворенность руководителей отношениями с партнерами по совместной управленческой деятельности

Эмоциональные оценки руководителями управленческих отношений явно смещены к полюсу неудовлетворенности и располагаются в диапазоне оценочных суждений от «совершенно не удовлетворен» до «скорее удовлетворен, чем не удовлетворен» (рис. 3). Спектр выявляемых различий таков, что дает основание вести речь лишь о различных градациях неудовлетворенности, а не обо всем континууме удовлетворенности-неудовлетворенности отношениями с партнерами по СоУД.

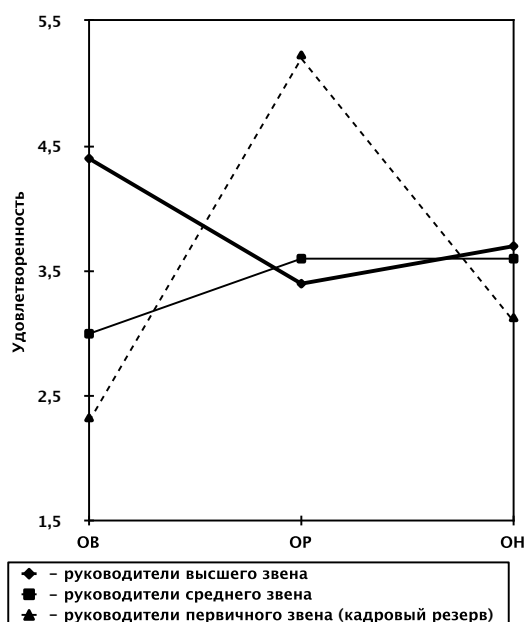

Рис. 3. Удовлетворенность руководителей отношениями с вышестоящими, равными и нижестоящими партнерами по СоУД

Структурно-уровневые характеристики удовлетворенности СоУД в значительной степени совпадают у *руководителей высшего и среднего звена*. Это наиболее заметно в оценках ими состояния своих отношений с равными по должностному статусу и нижестоящими партнерами по управленческому взаимодействию. Эмоциональная модальность этих отношений носит неопределенный характер («ни плохо, ни хорошо», «всякое бывает»). Расхождение между топ- и мидл-менеджерами связано с восприятием ими качества деловых отношений с вышестоящим руководством. Управленцы высшего ранга испытывают в связи с этими отношениями «скорее удовлетворенность, чем неудовлетворенность», управленцы среднего ранга — противоположную эмоциональную реакцию («скорее неудовлетворенность, чем удовлетворенность»).

Структура удовлетворенности связанными со сферой СоУД отношениями, характерная для *руководителей первичного звена*, отличается от «сглаженного» профиля их более высокостатусных коллег выраженной эмоциональной дифференцированностью. Наряду с явной неудовлетворенностью отношениями с вышестоящими и преимущественной неудовлетворенностью отношениями с подчиненными имеет место удовлетворенность отношениями с равными по должностному положению.

При этом на первичном уровне управления структурный профиль удовлетворенности отношениями с партнерами по СоУД практически идентичен про-

филю субъективного контроля над этими отношениями (рис. 2). На высшем и среднем уровнях связь между удовлетворенностью и контролируемостью организационно-управленческих отношений носит более размытый характер, что может свидетельствовать об усложнении детерминационного поля СоУД на ведущих уровнях внутриорганизационного управления по сравнению с уровнем низовых руководителей.

Проведенный социально-психологический анализ репрезентации отношений с партнерами по совместной управленческой деятельности в сознании руководителей дает основание сформулировать следующие выводы.

1. Отражение в сознании руководителей отношений с партнерами по совместной управленческой деятельности характеризуется неоднозначностью, дифференцированностью и значительной вариативностью в связи с принадлежностью управленцев к определенному уровню статусной иерархии в организации.

2. По мере статусно-должностного продвижения руководителей в их сознании возрастает степень личностной значимости отношений с другими членами управленческого коллектива, увеличивается уровень сензитивности менеджеров к событиям, связанным с этой стороной их профессиональной активности. Чем выше формальный ранг руководителя, тем в большей мере он склонен рассматривать отношения с партнерами по СоУД в качестве фактора своей личной управленческой успешности.

3. В связи с карьерным ростом руководителей наиболее радикально изменяются их представления о личностной значимости отношений с партнерами по СоУД, имеющими равное с ними статусное положение. При этом смыслообразующий потенциал отношений с равными по формальному рангу (фактор общей организационно-управленческой судьбы) наиболее интенсивно формируется на отрезке карьерного пути руководителя, связанном с переходом с первичного (технического) уровня управления на средний (собственно управленческий).

4. Отсутствие или ограниченность опыта управленческой деятельности (в частности, у состоящих в кадровом резерве специалистов) предрасполагает к систематической недооценке — вплоть до полного игнорирования — отношений с другими руководителями как органичной составляющей менеджерского труда.

5. Отношения с партнерами по совместной управленческой деятельности рассматриваются представителями всех статусных категорий руководителей как ограниченно доступные их личному контролю: восприятие этих отношений регулируется преимущественно экстернальными и отчасти амбинальными установками.

6. Тем не менее повышение формального ранга руководителя сопровождается усилением чувства субъективного контроля над отношениями с партне-

рами по совместной управленческой деятельности. При этом в случае иерархически-субординационных отношений (как нисходящих, так и восходящих) динамика уровня субъективного контроля носит линейно поступательный характер, в случае же отношений паритетно-координационных имеет место нелинейный тип динамики: уровень субъективного контроля снижается при переходе от низового уровня управления к среднему и повышается при перемещении руководителя со среднего на высший уровень управления.

7. Дефицит опыта содержательного деятельностно-опосредованного управленческого общения с равными по должностному положению партнерами (что имеет место на первичном уровне управления вследствие высокой функциональной автономности рабочих подразделений и организации взаимодействия между ними по модели совместно-индивидуальной деятельности (в понимании Л. И. Уманского)) обуславливает хроническую переоценку руководителями уровня развития своих способностей контролировать эти отношения.

8. Характер восприятия руководителями управленческих отношений принципиально различается в зависимости от статусного ранга партнеров по СоУД. Отношения с вышестоящими и равными по должностному положению категоризируются менеджерами как высокозначимые в качестве фактора их личной управленческой эффективности, но ограниченно доступные для целенаправленного влияния и произвольного регулирования. Отношения с нижестоящими, напротив, воспринимаются управленцами (за исключением руководителей первичного звена) как умеренно значимые, но хорошо контролируемые. Закономерным следствием дисбаланса личностной значимости и субъективной подконтрольности управленческих отношений выступает низкая удовлетворенность руководителей состоянием этих отношений.

9. Репрезентация отношений с партнерами по совместной управленческой деятельности в сознании руководителей высшего и среднего ранга носит во многом сходный характер, что свидетельствует о близости их психологических позиций в данной сфере профессиональной активности. Тем самым подтверждается правомерность рассмотрения руководителей высшего и среднего уровней управления в качестве единой социально-профессиональной группы, выступающей совокупным субъектом управления организацией.

Выявленные особенности восприятия руководителями их отношений с партнерами по СоУД дают основание сформулировать ряд *рекомендаций*, позволяющих осуществить более точную расстановку приоритетов в программах социально-психологического обучения и сопровождения деятельности различных категорий управленцев. В частности, для *руководителей высшего ранга* как субъектов управления отношениями в менеджерской команде актуально преодоление излишне упрощенного подхода к отношениям с нижестоящими управленцами. *Руководители среднего и первичного уровней* управления наиболее явно испытывают потребность в развитии способно-

сти к совладанию с хроническими ролевыми конфликтами. При этом управленцам второй из названных категорий управленцев целесообразно обратить внимание на развитие умений выстраивать партнерские отношения по горизонтали — с руководителями других структурных подразделений. Это открывает возможности не только получения психологической поддержки от людей, объединенных фактором общей судьбы и имеющих во многом разделяемую реальность, но и налаживания продуктивного обмена опытом решения управленческих проблем и ситуаций, инвариантных для деятельности менеджеров первичного звена. *Состоящим в кадровом резерве специалистам*, наряду с подготовкой к решению проблемы вхождения в новую должность, желательно как можно раньше осознать помогающий потенциал отношений с другими руководителями, научиться строить эти отношения и квалифицированно использовать их в качестве инструментов своей профессиональной управленческой деятельности.

Полученные результаты могут быть использованы в целях оптимизации интеракционных процессов на ведущих уровнях управления организаций, совершенствования компетентности руководителей в качестве субъектов совместной управленческой деятельности, а также послужить основой более адекватного понимания и использования эмпирической информации, получаемой при проведении опросов, бесед, интервью, групповых дискуссий, деловых игр, тренингов, фокус-групп с членами управленческих коллективов и команд.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2004.
2. Дырин С. П. Управление персоналом: многовариантный характер современной российской практики. СПб.: Петрополис, 2008.
3. Ерина С. И. Ролевой конфликт в деятельности руководителя и его диагностика. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2000.
4. Журавлев А. А. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2005.
5. Китов А. И. Опыт построения психологической теории управления // Психологический журнал. 1981. Т. 2, № 4.
6. Корнилов Ю. К. Психология практического мышления. Ярославль: ДИА-пресс, 2000.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. Т. 2.
8. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
9. Муздыбаев К. Психология ответственности. А.: Наука, 1983.
10. Новиков В. В., Мануйлов Г. М., Козлов В. В. Психологическое управление в кризисных социальных сообществах. М.: ГАЛА-Издательство, 2009.
11. Общение и оптимизация совместной деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1987.

12. *Оконешникова О.В.* Согласованность представлений о совместной деятельности управленческого коллектива как фактор её эффективности: автореф. дис.... канд психол. наук. М., 1991.
13. *Пригожин А.И.* Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003.
14. *Реан А.А.* Проблемы и перспективы развития концепции локуса контроля личности // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 4.
15. *Рябикина З.И.* Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2005.
16. *Свенцицкий А.А.* Психология управления организациями. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
17. *Толочек В.А.* Триада управления и стиль руководства // Социологические исследования. 1992. № 1.
18. *Уманский А.И.* Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов // Методология и методы социальной психологии. М.: Наука, 1977.
19. *Флоровский С.Ю.* Совместная управленческая деятельность и общение руководителей: личностные факторы и механизмы регуляции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Ярославль: Международная академия психологических наук, 2000.
20. *Флоровский С.Ю.* Совместная управленческая деятельность руководителей как источник угроз для безопасности организации // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 3.
21. *Fiedler F.E., Garcia J.E.* New Approaches to Leadership, Cognitive Resources and Organizational Performance. New York: John Wiley & Sons, 1987.
22. *Graen G.B., Uhl-Bien M.* Relationship-based approach to leadership: Development of leader-member exchange (LMX) theory of leadership over 25 years: Applying a multi-level multi-domain perspective // Leadership Quarterly. 1995. Vol. 6.
23. Handbook of Organizational Behavior/ed. by J. Lorsch. New York: Prentice-Hall, 1987.
24. *Katzenbach J.* The Wisdom of Teams: Creating The High Performance Organization: European Version. New York; London: McGraw-Hill Professional, 2005.
25. *Leavitt H.J., Bahrani H.* Managerial Psychology: Managing Behavior in Organizations. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1998.
26. *Neuberger O.* Mikropolitik // Rosenstiel L.v., Regnet E., Domsch M. (Hrsg.). Führung von Mitarbeitern: Handbuch für erfolgreiches Personalmanagement. Stuttgart: Schäffer, 1991.
27. *Roethlisberger F.J.* The Foremen: Master and victim of double talk // Harvard Business Review. 1965. Vol. 43.
28. *Rotter J.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs. 1966. Vol. 80 (1).
29. *Yukl G.A.* Leadership in organizations. Englewood Cliffs. New Jersey: Prentice-Hall, 1994.
30. *Yukl G., Tracey J.B.* Consequences of influence tactics used with subordinates, peers, and the boss // Journal of Applied Psychology. 1992. Vol. 77.

References

1. *Andreeva G.M.* Psihologija social'nogo poznanija. M.: Aspekt-Press, 2004.
2. *Dyrin S.P.* Upravlenie personalom: mnogovariantnyj harakter sovremennoj rossijskoj praktiki. SPb.: Petropolis, 2008.
3. *Yerina S.I.* Rolevoj konflikt v dejatel'nosti rukovoditelja i ego diagnostika. Jaroslavl': Jaroslavskij gos. un-t, 2000.
4. *Zhuravlev A.L.* Psihologija sovmestnoj dejatel'nosti. M.: Izd-vo In-ta psihologii RAN, 2005.
5. *Kitov A.I.* Opyt postroenija psihologicheskoy teorii upravlenija // Psihologicheskij zhurnal. 1981. T. 2, №4.
6. *Kornilov Yu.K.* Psihologija prakticheskogo myshlenija. Jaroslavl': DIA-press, 2000.
7. *Leontyev A.N.* Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' // Leont'ev A.N. Izbrannye psihologicheskie proizvedenija. M.: Pedagogika, 1983. T. 2.
8. *Lomov B.F.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. M.: Nauka, 1984.
9. *Muzdybaev K.* Psihologija otvetstvennosti. L.: Nauka, 1983.
10. *Novikov V.V., Manujlov G.M., Kozlov V.V.* Psihologicheskoe upravlenie v krizisnyh social'nyh soobshhestvah. M.: GALA-Izdatel'stvo, 2009.
11. *Obschenie i optimizacija sovmestnoj dejatel'nosti.* M.: Izd-vo MGU, 1987.
12. *Okoneshnikova O.V.* Soglasovannost' predstavlenij o sovmestnoj dejatel'nosti upravlencheskogo kollektiva kak faktor ejo jeffektivnosti: avtoref. dis. ... kand psihol. nauk. M., 1991.
13. *Prigozhin A.I.* Metody razvitija organizacij. M.: MCFJeR, 2003.
14. *Rean A.A.* Problemy i perspektivy razvitija koncepcii lokusa kontrolja lichnosti // Psihologicheskij zhurnal. 1998. T. 19, №4.
15. *Ryabikina Z.I.* Lichnost' kak sub#ekt formirovanija bytijnyh prostranstv // Subyekt, lichnost' i psihologija chelovecheskogo bytija. M.: Izd-vo In-ta psihologii RAN, 2005.
16. *Svencicky A.L.* Psihologija upravlenija organizacijami. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1999.
17. *Tolochek V.A.* Triada upravlenija i stil' rukovodstva // Sociologicheskie issledovaniya. 1992. №1.
18. *Umanskij L.I.* Metody jeksperimental'nogo issledovaniya social'no-psihologicheskikh fenomenov // Metodologija i metody social'noj psihologii. M.: Nauka, 1977.
19. *Florovsky S.Yu.* Sovmestnaja upravlencheskaja dejatel'nost' i obshhenie rukovoditelej: lichnostnye faktory i mehanizmy reguljacji. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t; Jaroslavl': Mezhdunarodnaja akademija psihologicheskikh nauk, 2000.
20. *Florovsky S.Yu.* Sovmestnaja upravlencheskaja dejatel'nost' rukovoditelej kak istochnik ugroz dlja bezopasnosti organizacii // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2010. №3.
21. *Fiedler F.E., Garcia J.E.* New Approaches to Leadership, Cognitive Resources and Organizational Performance. New York: John Wiley & Sons, 1987.
22. *Graen G.B., Uhl-Bien M.* Relationship-based approach to leadership: Development of leader-member exchange (LMX) theory of leadership over 25 years: Applying a multi-level multi-domain perspective // Leadership Quarterly. 1995. Vol. 6.
23. *Handbook of Organizational Behavior* / ed. by J. Lorsch. New York: Prentice-Hall, 1987.

24. *Katzenbach J.* The Wisdom of Teams: Creating The High Performance Organization: European Version. New York; London: McGraw-Hill Professional, 2005.
25. *Leavitt H.J., Bahrani H.* Managerial Psychology: Managing Behavior in Organizations. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1998.
26. *Neuberger O.* Mikropolitik // Rosenstiel L.v., Regnet E., Domsch M. (Hrsg.). Führung von Mitarbeitern: Handbuch für erfolgreiches Personalmanagement. Stuttgart: Schäffer, 1991.
27. *Roethlisberger F.J.* The Foremen: Master and victim of double talk // Harvard Business Review. 1965. Vol. 43.
28. *Rotter J.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs. 1966. Vol. 80(1).
29. *Yukl G.A.* Leadership in organizations. Englewood Cliffs. New Jersey: Prentice-Hall, 1994.
30. *Yukl G., Tracey J.B.* Consequences of influence tactics used with subordinates, peers, and the boss // Journal of Applied Psychology. 1992. Vol. 77.

**«ПАЛКА О ДВУХ КОНЦАХ»: СИСТЕМА
ОЦЕНИВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ АППГ+1
В ВОСПРИЯТИИ СОТРУДНИКОВ**

.....

Е. С. Бердышева¹

В статье внимание акцентируется на системе оценки деятельности российской полиции и ее влиянии на мотивацию и повседневные практики полицейских. Проблематизируются недостатки количественного подхода к оценке эффективности полиции. Аргументация строится на основе данных глубинных интервью с полицейскими г. Москвы, дополненных результатами анализа дискуссий на Интернет-форумах работников МВД РФ.

Ключевые слова: полиция, оценка, эффективность, статистика.

The article is focused on the police performance system in Russia and its effects for motivation and working practices of policemen. Shortcomings of quantitative approach to police efficiency appraisal are under discussion. Arguments are based on the data of in-depth interviews with policemen in Moscow complimented with the results of discourse analyses of Russian police web-chats.

Key words: police, evaluation, efficiency, statistics.

Введение

На протяжении последнего десятилетия социологи говорят о низком уровне доверия граждан к институту полиции. В ряду первых причин, объясняющих сложившуюся ситуацию, называют неспособность (или неготовность) полицейских бороться с преступностью и поддерживать правопорядок, низкий уровень профессионализма полицейских, неуважение к закону с их стороны, коррумпированность и коммерциализированность органов внутренних дел, широкую распространенность произвола и насилия среди сотрудников полиции. Список причин можно продолжить. При этом различные исследователи сходятся во мнении, что все перечисленные проблемы носят скорее системный

¹ Бердышева Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Эл. почта: eberdysheva@hse.ru

характер, нежели являются ситуативно-психологической реакцией отдельных сотрудников на вызовы среды.

Особенности работы полицейских, провоцирующие недоверие к ним со стороны россиян, диктуются организацией органов внутренних дел как таковых. И здесь, по мнению некоторых экспертов, стоит обратить пристальное внимание на то, каким образом устроена система внутриведомственной оценки эффективности работы полиции. Именно она служит одним из значимых источников системных дисфункций, что подтверждается и особым вниманием к этой системе в рамках реформирования системы МВД России. В данной статье попытаемся показать, как проблема измерения качества работы сотрудников полиции проявляется на микроуровне, в частности, каким образом полицейские оценивают действующую в настоящее время систему измерения эффективности своей работы АППГ+1 и каким образом внутреннее устройство этой системы измерения влияет на их профессиональную деятельность.

Наряду с практической важностью вопрос подхода к оценке эффективности органов внутренних дел имеет теоретическую значимость. Она отсылает нас к гонке за эффективностью, фундаментальной для современного общества. В различных социальных сферах возникают все новые и новые системы количественного измерения качества работы социальных институтов. Логика эффективности сегодня распространяется далеко за пределы экономической сферы, проникает в общественные, некоммерческие организации.

Вместе с тем представление о том, что такое качество, является конструируемым [9]. Привнесение в любое организационное поле новой логики может менять систему координат, в которой действуют акторы этого поля, влиять на их исходные представления о миссии организации и собственных целях и задачах в ней [8].

Нужно сказать, что социологических исследований, в которых бы на современных данных проблематизировались последствия введения количественных инструментов оценки качества работы организации, немного. Работы, которые были бы выполнены на российских данных, и вовсе единичны (см., например: [4]). Таким образом, изучение того, каким образом практики калькулятивной оценки качества работы влияют на повседневную деятельность индивидов, выполняющих эту работу, и какие последствия эти практики порождают в организациях, является актуальной научной задачей. Подойти к ее решению мы попытались в исследовании, первые результаты которого излагаются в данной статье.

Эмпирической основой нашей работы послужили данные 11 глубинных интервью с сотрудниками полиции г. Москвы, собранные в 2010–2011 гг. в рамках проекта «Исследование социально-экономических аспектов реформирования

системы органов внутренних дел РФ в 2010–2012 годах»², а также материалы дискуссий интернет-форумов сотрудников МВД в 2008–2011 гг.

Далее обратимся к устройству действующей системы оценки качества работы полиции АППГ+1 и на основе эмпирических данных покажем, каким образом сотрудники полиции оценивают данную систему и какие последствия она имеет с точки зрения организации их повседневной профессиональной деятельности.

Система АППГ+1

Поиском оптимальной системы измерения и оценки деятельности правоохранительных органов российская система МВД активно занимается на протяжении последних 35–40 лет. «Еще в 1975 г. при НЦИПУ Академии МВД СССР был создан отдел разработки критериев оценки деятельности отдельных служб ОВД» [3]. До недавнего времени вопрос оценивания деятельности правоохранительных органов регулировался в нормативной базе МВД России посредством приказов № 650–2005, 815–2005, 1120–2006. В январе 2010 г. эти приказы были отменены в связи с вступившим в силу Приказом МВД России № 25 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования». Однако новая система сохранила многие черты своей предшественницы, поскольку была создана по ее подобию [1, с. 72]. Та же оценивалась исследователями как продукт организационной логики советской «плановой экономики», для которой количественные показатели были важнее качественных [2].

В настоящее время основой для оценки деятельности полиции служит формируемая самой полицией статистическая отчетность, главным образом отражающая уровень преступности и раскрытия преступлений. В качестве основных оцениваемых направлений деятельности полиции выделяются: регистрация, учет и разрешение заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях; профилактическая деятельность; выявление преступлений; раскрытие преступлений; розыск лиц; предварительное следствие; дознание; обеспечение общественного порядка, общественной безопасности и безопасности дорожного движения; оказание государственных услуг населению.

Основным инструментом формирования полицейской отчетности и, что более важно, внутренней оценки эффективности деятельности сотрудников полиции является система АППГ+1. Плюс один означает, что динамика показателей по каждому из направлений по сравнению с их уровнем в *аналогичном*

² Работа подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в рамках проекта «Неформальная экономическая деятельность полиции: сравнительный анализ трансформирующихся и развивающихся стран».

периоде прошлого года, положительная или отрицательная, составляет основу для выводов об эффективности деятельности и разъясняет аббревиатуру названия. По одним показателям системой ожидается положительная, по другим — отрицательная или нулевая динамика, в зависимости от того, о каких показателях идет речь. Всего в системе оценки насчитывается 75 показателей. При любой динамике сотрудникам приходится помнить, что оцениваемые относительно прошлого периода показатели текущего года становятся основой для построения оценок в будущем. В повседневной деятельности полицейских система АППГ+1 носит неформальное название «палочной» (черточки за законченные дела в бланках текущей отчетности).

Система АППГ+1 призвана измерять эффективность деятельности полиции на разных уровнях: на уровне отдельного сотрудника, далее на уровне отдела, подразделения и т. д. Движение между макро- и микроуровнями осуществляется посредством коррекции плана работ на численность подразделения. Данные статистической отчетности составляют основу для поощрения или наказания сотрудников.

Для понимания сути функционирования системы АППГ принципиально важно уяснить, что понятия «зарегистрированное происшествие» и «преступление» не являются синонимичными. Дело в том, что проверочные мероприятия по зарегистрированному происшествию должны быть проведены сотрудниками в рамках строго ограниченного времени. Для любого правонарушения существует срок исполнения, за который сотрудники обязаны оценить наличие состава преступления и принять правовое решение. Ответственность не только за качество проведенной проверки и обоснованность принятого решения, но и за соблюдение сроков лежит на сотрудниках и строго санкционируется. Иными словами, как в случае с золушкиной каретой из тыквы, превращение зарегистрированного происшествия в «палку» возможно только в пределах строго регулируемого законом времени, за которое должна быть проведена не только содержательная работа, но и работа по оформлению необходимых документов. Термины «происшествие» и «преступление» относятся к ведению уголовного розыска. Для иных подразделений полиции «палками» могут становиться другие единицы — число протоколов для ГИБДД, число эпизодов, направленных в суд, для следствия и т. д. Однако суть остается сопоставимой.

Из описания устройства АППГ+1 очевидно, что она представляет собой механизм регуляции практической деятельности полицейских. И этот механизм не лишен изъянов. Рассмотрим основные проблемы и ограничения, свойственные «палочной» системе оценки эффективности работы полиции, как они видятся сотрудникам правоохранительных органов.

Недостатки системы АППГ+1: оценки полицейских

Один из первых недостатков системы АППГ+1, на который обращают внимание респонденты, состоит в том, что данная система способствует подме-

не содержательных целей деятельности формальными: *выдвигает на первый план погоню за показателями, а не реальную работу.*

Главная проблема в полиции состоит в том, что цель руководителя — это не борьба с преступностью, а борьба со статистикой, подгонка системы оценки под нужные показатели. Система +1 к АППГ привела к тому, что все гоняются за «палками». Процесс сейчас упускают из внимания. Нужен только результат (из дискуссии на форуме сотрудников МВД).

Лишения, которые влечет за собой негативная динамика показателей, в форме нивелирования премий сотрудникам и т. п. делают изначально второстепенный по своей сути вопрос получения «палок» основной целью деятельности. Поскольку вся работа выполняется сотрудниками «на время», неудивительно, что система АППГ+1 воспринимается как противоречащая реальным потребностям рабочего процесса.

Применение статистики для измерения эффективности работы полицейских приводит к тому, что часть обязанностей сотрудники начинают воспринимать как отвлекающие от «настоящей» работы. При этом подобного рода обязанности могут составлять высокий процент реальной повседневной деятельности полицейских. Сюда попадают такие вещи, как, например, работа с населением [11, с. 394].

Наряду с пренебрежением к отдельным аспектам своей непосредственной работы погоня за показателями вынуждает полицейских прилагать усилия по поиску дел, легко конвертируемых в «палки»:

Скоро лето и будут протоколы за стоянку авто на газоне (из дискуссии на форуме).

Сотруднику милиции становится выгоднее раскрывать или предотвращать наиболее простые виды правонарушений, которые позволяют демонстрировать хорошие количественные показатели в отчетах. А сложные, требующие больших временных и физических затрат правонарушения обычно остаются нераскрытыми [2].

Подобное положение дел еще больше усугубляет противоречие между требованиями формальной системы оценивания эффективности и желанием сотрудников добросовестно выполнить свою работу. Деятельность полиции предполагает решение двух задач — поддержание закона и сохранение мира [10]. Для многих полицейских одним из стимулов к работе в полиции являются ценностные установки на поддержание общественного порядка, искоренение преступности и т. п. Погоня за формальными показателями плохо согласуется с этими задачами, тем более что и содержание работы полицейских очень неоднородно, достаточно вспомнить разницу между реальными оперативными мероприятиями и документарным оформлением дела.

Сотрудники полиции критикуют систему АППГ+1 за то, что она нацелена на учет результата и игнорирует усилия по работе над раскрытием преступлений.

Опера, говорите, «работают позадачно». Верно. Но задачи не всегда достижимы. В лепешку расшибся, а оказалось, что первичная информация не подтвердилась. Работа проделана, ее тоже надо оценить. Понятно, что ниже, чем при достижении результата. Нужно обязательно учитывать процесс работы (из дискуссии на форуме).

Как уже отмечалось, особенность системы АППГ+1 состоит в том, что достижение статистического показателя эффективности возможно лишь при условии жесткого соблюдения коротких сроков выполнения работы. Однако заданные законодательно сроки не всегда отвечают реальному процессу борьбы с правонарушениями. Таким образом, еще одна претензия, высказываемая сотрудниками органов в адрес системы АППГ+1, заключается в том, что система не учитывает такого параметра, как возможные, реальные сроки раскрытия дела.

Ситуация, по мнению респондентов, усугубляется тем, что хотя система АППГ+1 дифференцирует структуру показателей, по которым отчитываются различные службы, все-таки она недостаточно адаптирована к специфике их работы.

И как сопоставить ежедневную работу, к примеру, ППС-ника, с ежедневными административками, по горячим следам и, к примеру, опера, который может потратить год титанического труда на «картину маслом», но дать на выхлопе такой резонанс, что мама не горюй! (из дискуссии на форуме).

Далее попытаемся оценить, какие системные смещения порождает действующая система АППГ+1. Эмпирические данные, которыми мы располагаем, позволяют выделить как минимум пять таких последствий.

Во-первых, система негативно сказывается на условиях труда полицейских. Во многом из-за существующей системы оценки качества работы сотрудники полиции работают в авральном режиме. Этому способствует и режим раскрытия преступлений «на время», и избыток бумажной работы, и завышенные нормативы, требующие превысить число успешно отработанных дел по сравнению с прошлым годом:

А что делать, день и ночь торчишь на работе, чтобы выполнить этот чертов прогноз. Самим идти совершать преступления, раскрывать тут же по горячим следам и расследовать? (из дискуссии на форуме).

Во-вторых, система АППГ+1 влияет на стиль работы полицейских, выдвигает на первый план принцип «раскрыть преступление любой ценой». Как предполагают исследователи, случаи «пыток в милиции, запугивания, фальсификации вещественных доказательств (подкинутые наркотики, патроны) объясняются не садизмом милиционеров и даже не желанием сэкономить время и силы, а спешкой и ситуацией давления. Важно не просто «расколоть»

фигуранта, а сделать это максимально быстро, так как промедление означает все большую и большую ответственность оперативника за неблагоприятный (для него) исход дела» [5, с. 45].

В-третьих, из-за системы АППГ+1 правонарушения приобретают в глазах сотрудников измеренную в особых единицах («палках») цену. Мотивация сотрудников на раскрытие различных преступлений оказывается неодинаковой. Система измерения эффективности работы демотивирует сотрудников в работе над делами, бесперспективными с точки зрения получения «палок».

У меня семь убоев в 1997 г., причем все убийства бытовые, но с меня спрашивают за результаты и, чтобы не подорвать процент раскрываемости, я занимался автоугонами, чердачными, подвальными кражами... (из дискуссии на форуме).

Таким образом, принимая решение о распределении своего времени и рабочих усилий, сотрудники полиции начинают действовать как экономические агенты. И хотя, как когда-то считал классик социологии М. Вебер, лучшим средством калькуляции являются деньги, в случае с полицией мы видим, что «палки» подходят для этой цели не хуже. Тем более что в отношении «выгодных» с точки зрения отчетности преступлений работникам полиции «нужно» действовать осторожно. Срабатывает логика стахановского движения, ведь в соответствии с системой АППГ+1 сегодняшний хороший результат — основа для высокого «плана» в будущем.

По моему мнению, «палочная» система — это полная ерунда. С каждым годом все больше раскрываешь преступлений, а на следующий год требуют еще больше (из дискуссии на форуме).

Нежелание априори завышать нормативы на будущее порождает такие практики, как отказ от регистрации отдельных правонарушений или же регистрация их под видом иных преступлений. При этом нисходящая динамика по показателям никогда не приписывается успехам в профилактической деятельности, но исключительно недобросовестности полицейских.

Если ГИБДД сказали, что у них должно быть столько остановленных, столько задержанных и столько привлеченных, значит, их должно быть именно столько, если их меньше, значит ГИБДД работает плохо, т.е. оно плохо раскрывает правонарушения, если их больше, значит ГИБДД работает плохо, потому что оно не предотвращает правонарушения на этом участке (интервью 5, муж., бывший следователь).

Еще одним способом достижения нужного уровня показателей, а вместе с тем и минусом системы АППГ+1, становится для сотрудников практика приписок и фальсификация. Фальсификация может быть в форме представления нераскрытых преступлений в форме раскрытых.

Нарушение формальных правил — не редкость в практике полицейских. Исследователи не видят в подобном отношении полицейских к правилам и закону в целом «рудимент советского понимания права, когда закон воспринимается как инструмент политической борьбы, а значит, может быть нарушен от случая к случаю ради политической необходимости или просто ради хорошей отчетности...» [2].

Еще одна форма фальсификации — отказ от отчетности по правонарушениям, не соответствующим потребностям текущего плана, даже если они имеют под собой все основания, чтобы быть квалифицированными как преступления с вытекающими санкциями.

А у нас перебор с возбужденными уголовными делами. Заставляют выносить отказники по материалам, в которых четко видны даже тяжкие преступления и даже с лицами. Вот и выносим отказники по надуманным основаниям и с последующей отменой и направлением на допроверку (из дискуссии на форуме).

Вынужденные постоянно заботиться о показателях, сотрудники полиции начинают активно манипулировать статистикой регистрируемых преступлений.

Если проценты выявляемости преступлений и правонарушений ниже уровня прошлого года, значит, проделана огромная работа по профилактике. Ведь одной из задач ОВД является предотвращение преступлений и правонарушений. А у нас все цифры подгоняются, чтобы удержаться на уровне прошлого года (из дискуссии на форуме).

Как подчеркивают эксперты, «в современные показатели уже заложены объемы нагрузки, в буквальном смысле требующие от милиционеров нарушений в ходе раскрытия преступлений» [6, с.14].

Прямая ответственность сотрудников за показатели статистики не только нивелирует ценность статистической информации, но и препятствует повседневной рабочей деятельности полицейских:

И зачем нужна такая статистика? Это липа. Кому она нужна? Либо снимите прямую ответственность за итоги статистики, тогда она станет реальной, либо получайте липу, но тогда какой с неё толк и какой прок ещё и выводить из них оценки? (из дискуссии на форуме).

Специального внимания требует вопрос о том, как система АППГ+1 сказывается на взаимоотношениях между сотрудниками полиции.

Система АППГ+1 ставит во главу угла погоню рядовых сотрудников за показателями, что нарушает слаженность работы разных подразделений, способствует внутреннему расколу системы, возникновению конкуренции за «палки» между различными структурами. Примечательно, что такая конкуренция развивается не только между подразделениями, работающими параллельно, но и между структурами, являющимися звеньями одной и той же «производ-

ственной цепи» по раскрытию преступлений. Из единой корпорации, работающей на единую цель — обеспечение правопорядка и сокращение уровня преступности, система МВД превращается в совокупность обособленных структурных единиц, связанных между собой функциональным разделением труда в рамках решения общей задачи, но в то же время борющихся между собой за то, чтобы вклад каждого подразделения в общее дело был оценен более высоко, чем вклад других.

По большому счету, система должна как работать? У участкового своя задача, у опера своя, и это все в общую копилку. А происходит так, что каждая служба до потери сознания начинает работать в одном направлении, не привлекая ни оперов, ни остальных. То есть максимум, кто будет привлечен, это либо дознаватель, либо следователь, который естественно уже ведет уголовное дело (интервью участкового СО, Москва).

В одних случаях конкурентная обстановка внутри отделения провоцирует открытые конфликты и недобросовестное поведение одних служб по отношению к другим.

Административка считается не доставлениями, а протоколами, которые административная практика ГОМов и ОИАЗ у нас постоянно нещадно воруют. Разборки иногда грозят перейти в рукопашную. УК тоже воруют, карточки на себя перебивают (из дискуссии на форуме).

В других случаях «палочная» система АППГ+1 оказывается благодатной почвой для развития отношений обмена. Причем наблюдается как установление реципрокных отношений, так и проникновение во взаимоотношения между сотрудниками рыночной логики.

А у нас сейчас административный протокол без оплаты не принимают! А если и удастся пропихнуть, то потом начальник МОБ мозг сверлит: когда оплатишь?! Как будто я совершил правонарушение! (из дискуссии на форуме).

Суммируя сказанное, еще раз подчеркнем, что существующая система учета деятельности полиции оказывает значительное негативное влияние на условия деятельности полицейских. Отрицательные последствия на уровне взаимоотношений сотрудников представляются даже более критическими проблемами, нежели вопрос манипуляции статистическими данными. В связи с этим одним из самых важных направлений преобразования системы АППГ+1 считаем введение непротиворечивой системы показателей для оценки работы различных подразделений, которая позволила бы преодолеть сложившуюся атмосферу конкуренции и разобщенности и не допускала бы дальнейшего противопоставления сотрудников и служб друг другу.

В целом же внутреннее устройство системы АППГ+1 в значительной мере нивелирует ее преимущества как источника статистической информации о раскрываемости преступлений. Мы сталкиваемся с третьим парадоксом

А. Портеса, который гласит, что неудачно разработанный инструмент статистического учета не просто не позволяет зафиксировать истинные масштабы измеряемых явлений, но и ослабляет потенциал реформирования ситуации, так как управленческие решения принимаются на основе невалидной информации [7, с. 47].

Какие альтернативы системе АППГ+1 обсуждаются сотрудниками

Какие же способы внутриведомственной оценки качества работы полиции кажутся сотрудникам более подходящими, как, по их мнению, стоило бы реформировать инструменты измерения.

Может быть, никакой специальной системы не нужно, сотрудники должны добросовестно выполнять свои обязанности, а критерием должен стать общественный порядок, к достижению которого необходимо стремиться полицейским, заинтересованным прежде всего в качественном выполнении своей работы и сохранении рабочего места? Вовсе нет. Необходимость оценки деятельности не отрицается сотрудниками.

Хотим мы того или нет, но оценочные показатели всегда были, есть и будут, вопрос в другом: как сделать их максимально объективными, дабы цифры отражали картину, близкую к истинной, а результаты работы оценивались не тупыми «палочками в клеточках», как сейчас, а отражали результативность с учетом возможностей подразделения. Чтоб был виден ответ на вопрос: а являются ли, к примеру, низкие результаты работы подразделения следствием недобросовестного исполнения своих обязанностей сотрудниками или руководством подразделения или же это указывает на то, что они и не могли сработать лучше, потому как были лишены возможности это сделать из-за недоработок других служб? (из дискуссии на форуме).

Речь прежде всего идет о том, что устройство системы оценки должно быть скорректировано. Предложения сотрудников о том, в каком направлении, сильно варьируются.

Некоторые вполне готовы оставить в силе действующую количественную систему АППГ+1, хотя все чаще высказывают мнение о том, что эффективность она обретет лишь при существенной доработке. Главной мерой усовершенствования видится отказ от идеи плана по раскрытию преступлений, порождающая большинство проблем. Альтернативой представляется разработка нормативных количественных показателей раскрытия преступлений различного типа с уходом от ориентации на данные непосредственно предыдущего периода, учитывающая ограничения в достижении заданного уровня.

Кто-то на этом форуме высказывался о западной практике, о том, что есть международная статистика, согласно которой нормальным считается, скажем, 40% раскрытых краж, 60% — не тяжких преступлений,

по тяжким процент раскрываемости побольше. Если подразделение укладывается в этот коридор, все нормально. Цифры в данном случае выдуманы, мне не удалось найти такой международной статистики, но такой вариант мне кажется наиболее оптимальным (из дискуссии на форуме).

Важной мерой совершенствования системы АППГ+1, по мнению сотрудников, мог бы стать пересмотр нормативных сроков выполнения разного вида работ. Не уступает ей в значимости и более аккуратная дифференциация системы оценки для различных служб с учетом специфики их деятельности.

Барьер в чем? Если в применимости схем мотивации — то конечно. Но на самом деле даже не время, а результат. Влияет на него человек или нет? Поддерживать общественный порядок — тут просто определенный уровень премии всегда, индексируемый. Премия такова, насколько его время и задача ценны для города. Совсем другое дело службы, которые работают позадачно — тут от результата. И третье — УУМ, которые совмещают процесс и результат в одном лице. Так их и надо мотивировать на оценку граждан, а не на фикс или конкретное раскрытие. У них как бы среднее между окладом и баллами (из дискуссии на форуме).

Заметим, что введенный 19 января 2010 г. Приказ МВД России № 25 г. «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования» открывает возможность для того, чтобы с учетом особенностей оперативной обстановки для конкретных подразделений и органов внутренних дел установить собственный перечень показателей и индикаторов.

Вместе с тем, как уже было сказано, сотрудники органов не разделяют оптимизма чиновников по поводу обновлений, внесенных приказом №25 в систему оценивания. Сохраняется убежденность в необходимости ее радикальной ревизии. Альтернативу системе АППГ+1 некоторые сотрудники видят в балльной системе с поправочными коэффициентами.

Я бы предложил просто учитывать активность сотрудников по исполнению своих служебных обязанностей. Например, путем установления баллов за определенное действие (из дискуссии на форуме).

Балльная система предполагает более четкую операционализацию критериев качества не только результатов, но и рабочего процесса, а также суммарную итоговую оценку эффективности по множеству критериев, как, например, объем затраченного времени и его эффективность, результативность работы, сложность дела и т. д.

Существуют баллы за результативность и баллы за эффективность использования личного времени и пр. Эти баллы по весу совсем разные. Баллы эф-

фektivности личного времени можно начислять только тем, кто планирует получить хоть какой-то ощутимый результат (из дискуссии на форуме).

Еще одним вариантом преобразования системы учета сотрудники считают комбинацию количественных оценок раскрываемости преступлений и т. п. и качественных оценок деятельности. Цель первых — анализ деятельности полиции на макроуровне. Вторые призваны выявлять качество работы с целью дальнейшего воздействия на мотивацию сотрудников, усиления контроля и т. д. И здесь принципиальная роль субъекта оценки вновь отводится начальнику.

Система баллов — полная чушь. Оценка нужна лишь для анализа, а вклад в работу должен оценивать непосредственный начальник. Нужен объективный компонент и субъективный (начальник). Если результат не достигнут объективно, оценка начальника выправит вашу общую оценку (из дискуссии на форуме).

Система АППГ+1 была создана для того, чтобы стимулировать сотрудников правоохранительных органов к активности, не допускать возможностей прохлаждаться на государственной службе. Однако, по мнению некоторых сотрудников, данная цель обесценивается недостатками измерительного инструмента. Поэтому вместо сплошного контроля посредством статистики стоило бы перейти к практикам выборочного контроля «по подозрению».

Моё мнение таково, что роль критериев оценки надо понижать. Вообще не стоит заикливаться на критериях. Их может быть разнообразное множество или пара (общественное мнение + статистика тяжких по региону), но главное, чтобы эти критерии использовались не тотально и постоянно для оценки конкретного СМ на конкретной должности. Пора перейти на выборочный контроль. Есть подозрение, предположим, что не регистрируются происшествия, — проводится негласная проверка, несколько попыток в нескольких местах, по итогам даётся оценка работы (из дискуссии на форуме).

Обратим внимание, что альтернативные системы оценивания, предлагаемые сотрудниками, отнюдь не являются экзотическими или воображаемыми. Анализ мирового опыта подтверждает высокий потенциал некоторых интуиций, высказываемых сотрудниками российской полиции. Так, например, в Бразилии для оценивания деятельности гражданской и военной полиции, составляющих Управление общественного порядка, введены дифференцированные системы оценки, что отражает убежденность руководства в невозможности напрямую сопоставить результаты данных органов, так как они работают в разных условиях [3]. Для оценки объема выполненной работы и производительности труда работников гражданской полиции, которая отвечает за следствие и раскрытие преступлений, введена система баллов. Для военной полиции, которая осуществляет уличное патрулирование, в качестве ключевого показателя используется уровень преступности. Примечательно, что отчеты о деятельности бразильской полиции находятся в открытом доступе и ре-

гулярно обновляются. В Перу критерии оценки полиции постоянно меняются, что обеспечивает их гибкость. При этом данные по объективным показателям в обязательном порядке дополняются опросами общественного мнения. А в Чили критерии оценки деятельности разработаны в строгом соответствии со списком задач полиции и дифференцированы на критерии-результаты, объяснительные критерии и критерии стратегии развития [3].

Заключение

Анализ публичных выступлений представителей Министерства внутренних дел РФ, сопряженных с темой реформирования системы оценки полиции, позволяет увидеть, что управляющим ведомствам хорошо известно о недостатках существующей системы оценки. Однако предлагаемые МВД меры преобразований системы оценки деятельности полиции во многом симптоматичны. Российскими практиками недооценивается тот факт, что в любой организации система оценки тесно связана с ее целями, миссией и принципами деятельности, она задает стандарты деятельности. В идеале она должна представлять собой систему сигналов для сотрудников, транслирующих ценности организации и ожидания по отношению к ее представителям.

Надежная система оценки деятельности сотрудников, с одной стороны, должна оказывать прямое и положительное влияние на их мотивацию, детерминировать желательное их поведение, с другой стороны, оставлять возможность для коррекции этого поведения через систему стимулов [13]. Принципиально важно, чтобы система оценки позволяла зафиксировать прогресс в плане достижения целей полиции. Для России это означает в первую очередь необходимость определиться с тем, чего же общество ожидает от данного органа.

В западной литературе понятие эффективности полиции связывает цели и принципы деятельности и успех в их реализации на практике. Анализ литературы и данных об устройстве правоохранительных органов в различных странах позволяет говорить о существовании двух принципиальных подходов к определению принципов деятельности полиции. Первый подход предполагает, что полиция является карательным органом, представляющим государство (punitive approach). Второй подход концептуализирует полицию как общественный орган, служащий интересам общества.

Несмотря на то что в первом случае интересы общества формально стоят на первом месте в рейтинге целей полиции, содержательно и практически он разительно отличается от ситуации, когда полиция существует для людей (police for people).

История российской полиции уходит корнями в Разбойные приказы XVI–XVII вв. — органы управления, функция которых состояла в борьбе с разбоями. Сегодня полиция пока еще сохраняет карательные черты. И потому «па-

лочная» система оценки деятельности через число раскрытий преступлений является ее естественной спутницей. Установка на борьбу с преступностью требует сокращения уровня преступности, выявления регистрации преступлений и соответственно их раскрытия. Таковы нынешние ожидания по отношению к российской полиции.

В публичном дискурсе, поддерживаемом российскими СМИ, зачастую рассуждают об оценке полиции в свете уровня преступности в России. Однако исследователи едины в том, что подобный подход порочен, а соответствующие ожидания общества завышены [12]. Ведь уровень преступности в стране определяется большим количеством социоэкономических, политических, культурных факторов, а поскольку рост преступности не может вменяться исключительно ответственности полицейских, снижение уровня преступности едва ли может быть отнесено на счет успешной деятельности полиции.

Правовой контекст деятельности полиции также имеет значение с точки зрения формирования адекватных ожиданий по отношению к полиции. Нельзя атрибутировать низкую силу действия закона слабому усердию полицейских. Нередко для работы одних формальных институтов требуется существование других. Правоохранительная деятельность полиции должна рассматриваться с учетом состояния институциональной среды.

Кроме того, борьба с преступностью, правоохранительная деятельность не исчерпывают всего спектра обязанностей полицейских. Не говоря о мерах профилактики, на которые, как показывают данные нашего исследования, направляется большой объем человеческих ресурсов полиции, в ведении этого органа находятся реакция на запросы населения, поддержание общественного порядка (как в целом, так и в рамках массовых мероприятий, участвовавших в крупных российских городах в последнее время), антитеррористическая деятельность и т. д. Все эти многочисленные аспекты деятельности полиции должны находить отражение в системе оценки ее эффективности. Последняя не должна ограничиваться статистикой.

В настоящее время в научной литературе все чаще критикуется количественный подход к оценке работы полиции. Доказывается, что данный подход на практике всегда оказывается слишком механистическим и потому его внутренняя валидность невысока. Аргументируется необходимость дополнять количественные показатели качественными. Необходимо более пристально смотреть не только на результат деятельности, но и на ее процесс, отслеживать и то, что сделано, и то, что реально делалось, не забывая и о профилактической деятельности полиции. Реформирование системы оценки деятельности полиции бессмысленно и невозможно без коренных преобразований принципов деятельности правоохранительных органов. Первостепенной задачей остается определение целей деятельности полиции. Причем важно понимать, как эти цели воспринимают различные агенты правоохранительного поля — государ-

ственные деятели, законотворцы, сами полицейские на разных уровнях системы. Установление консенсуса по данному вопросу представляется нам перво-степенной задачей на ближайшее будущее.

Библиографический список

1. Бунов Е. Г. Внутрисистемные установки оценки эффективности деятельности органов внутренних дел (по результатам социологического исследования) // Криминологический журнал Байкальского университета экономики и права. 2011. № 3.
2. Гладарев Б. Условия службы и социальное положение рядовых сотрудников милиции: социологический очерк к юбилею // Телескоп. 2008. № 1.
3. Клушин О. З. Практика оценки эффективности деятельности правоохранительных структур зарубежных стран и возможности ее адаптации в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД. 2007. № 4.
4. Павлюткин И. В. Университеты, рейтинги и рынок: институциональные эффекты ранжирований в поле высшего образования // Вопросы образования. 2010. № 1.
5. Панеях Э. А. Трансакционные эффекты плотного регулирования на стыках организаций. На примере российской правоохранительной системы // Полития. 2011. № 2 (61).
6. Панеях Э. А., Титаев К. Д. От милиции к полиции: реформа системы оценки деятельности органов внутренних дел. СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2011.
7. Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2003-4-5/index.html>
8. Скотт Р. Конкурирующие логики в здравоохранении: профессиональная, государственная и менеджериальная. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2007-8-1/index.html>
9. Рабехарисоа В., Каллон М., Меадель С. Экономика качеств // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11, № 4.
10. Bittner E. The Police on Skid-Row: A Study of Peace Keeping // American Sociological Review. 1967. Vol. 32, № 5.
11. Furstenberg F., Wellford Ch. Calling the Police: The Evaluation of Police Service // Law & Society Review. 1973. Vol. 7, № 3.
12. Goldstein H. Policing a Free Society. Cambridge, Mass.: Ballinger, 1977.
13. Wells W. Performance appraisal systems. URL: <http://cops.usdoj.gov/RIC/ResourceDetail.aspx?RID=544>

References

1. Bunov E. G. Vnutrisistemnye ustanovki ocenki jeffektivnosti dejatel'nosti organov vnutrennih del (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija) // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo universiteta jekonomiki i prava. 2011. № 3.
2. Gladarev B. Uslovija sluzhby i social'noe polozhenie rjadovyh sotrudnikov milicii: sociologicheskij ocherk k jubileju // Teleskop. 2008. № 1.

3. *Klushin O. Z.* Praktika ocenki jeffektivnosti dejatel'nosti pravoohranitel'nyh struktur zarubezhnyh stran i vozmozhnosti ee adaptacii v Rossijskoj Federacii // Trudy Akademii upravlenija MVD. 2007. №4.
4. *Pavliutkin I.V.* Universitety, rejtingi i rynok: institucional'nye jeffekty ranzhirovanij v pole vysshego obrazovanija // Voprosy obrazovanija. 2010. № 1.
5. *Panejah Je.L.* Transakcionnye jeffekty plotnogo regulirovanija na stykah organizacij. Na primere rossijskoj pravoohranitel'noj sistemy // Politija. 2011. № 2 (61).
6. *Panejah Je.L., Titaev K.D.* Ot milicii k policii: reforma sistemy ocenki dejatel'nosti organov vnutrennih del. SPb.: IPP EU SPb, 2011.
7. *Portes A.* Neformal'naja jekonomika i ee paradoksy. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2003-4-5/index.html>
8. *Scott R.* Konkuriujushhie logiki v zdavoohranenii: professional'naja, gosudarstvennaja i menedzherial'naja. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2007-8-1/index.html>
9. *Rabeharisoa V., Callon M., Méadel C.* Ekonomika kachestv // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2008. T. 11, №4. Bittner E. The Police on Skid-Row: A Study of Peace Keeping // American Sociological Review. 1967. Vol. 32, № 5 .
10. *Furstenberg F., Wellford Ch.* Calling the Police: The Evaluation of Police Service // Law & Society Review. 1973. Vol. 7, № 3.
11. *Goldstein H.* Policing a Free Society. Cambridge, Mass.: Ballinger, 1977.
12. *Wells W.* Performance appraisal systems. URL: <http://cops.usdoj.gov/RIC/ResourceDetail.aspx?RID=544>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, социологии управления, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Порядок приема и рецензирования рукописей. Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов). Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. Рукопись должна сопровождаться рецензией, написанной специалистом в той области научных исследований, которая затрагивается автором. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 Библиографического списка.

Резюме. Рукопись должна включать резюме статьи объемом не более 800 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный библиографический список. Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ – 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

Editorial Committee

The journal publishes works in the field of political science and political management, public and municipal administration, local economy, management and managerial consulting, managerial sociology, general psychology and personality psychology, social and economic psychology, psychology of development, labour psychology, methods of teaching and other.

How to send papers and be reviewed. Scientific papers, critical reviews and reviews are accepted up to 32 000 characters with spaces (up to 0.8 publication based sheet) in e-format of MS Word for Windows as an attachment at chsu1999@yandex.ru and journal@manag.kubsu.ru. Attn: Please send the works on both accounts! Highly original and not published earlier materials are considered. The manuscript must be accompanied by a review by an expert in the field touched by the manuscript's author.

The author is noticed in 5 days about his/her article acceptance and launching the review procedure. In the process of peer-reviewing and expertise both the members of the editorial committee and editorial council can be invited and the other highly qualified experts with deep knowledge in a specific scientific field, usually Drs. Sci. and Profs. Neither the author nor co-author can be a reviewer.

The author is answered in 30 workdays with the following motivated decisions: (1) the article is recommended for publication, (2) the article is recommended for publication after being revised, (3) the article is not recommended for publication.

Author's data. The manuscript must contain the author's data: full name/s, patronymic (if any), scientific degree, scientific title, place of work and position, telephone number, address and e-mail.

References. The author must give references to the sources from which he/she cites, takes statistical data and other information. *Bibliography* chapter must be presented at the end of the manuscript where all the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each item under its own number. Bibliographical description of a source must also have the place of issue and the name of publishers' (besides periodicals), and the year of publishing, Russian-language sources mentioned first followed by foreign ones.

In-text reference must be marked by square brackets and contain the number of the source and the page/s to which the reference is given, e.g. [3, p. 67] means that page 67 of source 3 of the Bibliography is referenced.

Summary. The manuscript must contain the article's summary in Russian and in English not more than 800 characters, containing description of the essence of the scientific message (main idea and goal, methods and results of the research), and keywords (not more than 10). A manuscript must be accompanied with the following information: title in English, the author's/ rs' name/s in Latin characters and the reference/s also transliterated in Latin characters.

Publication is free including for post-graduate students.

The editor's office address: 149 Stavropolskaya St., Kuban State University, room 412N, Krasnodar 350040, Russia.

Distribution. The journal is distributed by subscription. Some of the issues are available at the library of the Dept. for Management and Psychology N building, 4th floor, room 414N, open on workdays from 10 am to 5 pm.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

« ____ » _____ 20__ г.

_____ Подпись, заверенная печатью

How the manuscripts are reviewed

The author is noticed in 5 days about his/her article acceptance and launching the review procedure. In the process of peer-reviewing and expertise both the members of the editorial committee and editorial council can be invited and the other highly qualified experts with deep knowledge in a specific scientific field, usually Drs. Sci. and Profs.

Post-graduate students presenting their articles in the journal must also send to the editor»s external peer-review with the peer-reviewer»s signature duly confirmed. Neither the author nor co-author can be a reviewer.

The author is answered in 30 workdays with the following motivated decisions: (1) the article is recommended for publication, (2) the article is recommended for publication after being revised, (3) the article is not recommended for publication.

Sample of a peer-review

Review

Of the article by

Name/s Patronymic (if any) Family name, Cand. Sci. (Scientia), Assist. Prof.,
Chair for Scientia, Aliqua University

Here the review text goes in which the peer-reviewer expresses his/her opinion on the following: 1) what is the scientific problem and how it is solved by the author, and if it is novel; 2) if the problem is topical; 3) if the article is theoretically and/or practically valuable; 4) do the sentences and conclusions by the author correspond with existing contemporary scientific concepts of the research field; 5) personal author»s contribution to the solution of the problem considered; 6) evaluation of the article from the point of view of language, logic and style of the narration, foundation and reliability of conclusions.

The reviewer provides recommendations on whether to publish or not the material.

Reviewer: Name/s Patronymic (if any) Family name, scientific title, position

Date

Signature

Seal

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Science & Informational
Journal

1-2013

Published since March 1999 quarterly
Registered under certificate № P2829 of March
16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional
Board on Registration and Monitoring of the
Law on Mass Media and Press of the Russian
Federation Committee for Press. Distributed
by subscription. Free price. Subscription index
in Rospechat catalogue 46483. By decision
of the Ministry for Higher Education Higher
Attestation Committee Presidium of February
19, 2010 года № 6/6 Human. Community.
Management Journal published at the
Department for Management and Psychology
of Kuban State University is included in the list
of leading peer-reviewed journals and editions,
in which main scientific results of dissertations
on completion for Doctor's and Candidate's
degrees should be published.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room k. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University
Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru.
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editors:

Prof. **A.A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy);
Assist. Prof. **A.A. Louzakov**, Dr. Sci.
(Psychology); Assist. Prof. **A.I. Kolba**, Cand.
Sci. (Political Science), Deputy Editor-in-chief;
Prof. **A.M. Zhdanovsky**, Cand. Sci. (History);
Prof. **A. N. Demin**, Dr. Sci. (Psychology), Deputy
Editor-in-chief; Assist. Prof. **A. N. Kimberg**,
Cand. Sci. (Psychology); **G.S. Kourbatova**,
Executive Editor; Prof. **G.V. Fomenko**, Dr. Sci.
(Psychology); Prof. **L.N. Ozhigova**, Dr. Sci.
(Psychology); **N.A. Riabchenko**, Cand. Sci.
(Political Science), Technical Officer; Prof. **T.A.
Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), Deputy Editor-in-
chief; Assist. Prof. **T.A. Miasnikova**, Cand. Sci.
(Economics); Assist. Prof. **T.G. Lavrova**, Cand.
Sci. (Economics); Prof. **V.M. Yurchenko**, Dr.
Sci. (Philosophy); Deputy Editor-in-chief; Assist.
Prof. **V.V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics);
Assist. Prof. **Ye.V. Savva**, Cand. Sci. (Philosophy);
Prof. **Yu.V. Filippov**, Cand. Sci. (Economics)

Editor-in-chief:

Prof. **Yelena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy)

Editorial board:

Prof. **A.A. Bodalev**, Dr. Sci. (Psychology), Member of
Rus. Acad. of Education; Prof. **A.G. Ivanov**, Dr. Sci.
(History), Kuban State University; Prof. **A.N. Shvetzov**,
Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute of Systemic
Analysis; Prof. **A.P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy),
Astrakhan State University; Prof. **A.V. Dmitriev**, Dr. Sci.
(Philosophy), Associate Member of Rus. Acad. Sci. (Rus.
Acad. Sci. Institute of Philosophy); Prof. **I.S. Semenenko**,
Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of
International Economics and International Relations;
Prof. Dr. **Jürgen Keffler**, Hochschule für Technik
und Wirtschaft Berlin – University of Applied
Sciences Berlin, Germany; Prof. **L.A. Fadeeva**, Dr. Sci.
(History), Perm State National Research University;
Prof. **L.I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad.
Sci. Institute of Sociology; Prof. **L.V. Smorgunov**,
Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University;
Prof. **N.V. Kuzmina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad.
of Education; Prof. **O. L. Januškevičienė**, Dr. Sci.
(Pedagogy), Dr. of Mathematics, Lietuvos edukologijos
universitetas – Lithuanian University of Educational
Sciences. Prof. **O.E. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science),
Russian Academy of Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation; Prof.
S.P. Potzeluyev, Dr. Sci. (Political Science), South Federal
University; Prof. **T.A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy),
Moscow State Institute of International Relations –
University of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation; Prof. **V.I. Podshivalkina**, Dr. Sci.
(Sociology), Mechnikov Odessa National University,
Ukraine; Prof. **V.P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy),
Kuban State University; Prof. **V.V. Znakov**, Dr. Sci.
(Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology;
Prof. **Yu.P. Zinchenko**, Dr. Sci., (Lomonosov Moscow
State University); Prof. **Z.A. Jadé**, Dr. Sci. (Political
Science), Adyghee State University; Prof. **Z.I. Ryabikina**,
Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University

1-2013

CONTENTS

PROBLEMS OF POLITICAL THEORY

- Makarenko V.P.* Political inertia: the experience of reflection. 4
- Samarkina I.V.* World political view in the system of political knowledge. 20
- Prosiyaniuk D.V.* Theoretic and methodological bases of researching the image of Russia in foreign mass-media 32

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

- Smorgunov L.V.* Elections with the predictable result: weal or problem for democratic development of Russia? 48
- Mukharriamov R.R.* Modern political processes of the Caspian region: militarisation of states as a factor of struggle for energy resources 54
- Baranov N.A.* Russian orthodox church as an actor of network interplay. 61
- Yegoupov A.V., Zhdanova T.Yu.* Network strategies or religious organizations in the modern Russia 74

EVOLUTION PSYCHOLOGY

- Gousseynov A.Sh.* Emancipation phenomenon in the context of personal protest activity. 86

SOCIAL PSYCHOLOGY

- Demin A.N.* Interaction of personality and era: forming new biographical standards of employment 100

PSYCHOLOGY OF MANAGEMENT

- Florovsky S.Yu.* Representation of relations with partners of joint managerial activity as perceived by managers. 110

MANAGERIAL CONSULTING

- Berdysheva Ye.S.* «A stick of two ends»: the system of evaluating law enforcement compared to the last-year period, version +1 as understood by the officer. 127

INFORMATION FOR AUTHORS 143

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS 146

